

ЧИ(МОНГ)
0-66
-38159-

М. Н. Орловская

Язык
«Алтан тобчи»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

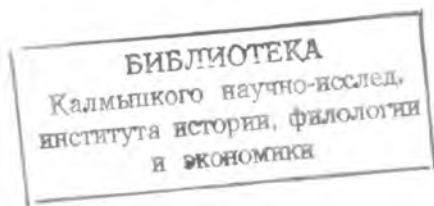
ЧИ/МОНТ/
0.66

М. Н. Орловская

Язык
«Алтан тобчи»

- 38159 -

ас

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1984

Ответственный редактор

Г.Д.Сажнев

Книга представляет собой первое в монголистике описание морфологической структуры языка летописи "Алтан тобчи" Лубсан Данзана - памятника монгольской письменности XVII в. Исследование проведено в сравнительном плане с современным монгольским языком и тюркскими языками.

0 $\frac{4602010000-90}{013(02)=83}$ 208=84

© Главная редакция восточной
литературы издательства "Наука", 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общеизвестно, что без лингвистического анализа важнейших памятников письменности невозможно изучение истории языка, установление преемственности и связей ранних этапов развития с современным языком. Для воссоздания истории языка необходимы полные описания языка отдельных письменных памятников и выделение черт, унаследованных современным языком.

Лингвистическое источниковедение — перспективное направление в монголоведении. Исследование монгольских памятников письменности важно также при работе над сравнительно-исторической грамматикой монгольских языков и изучении истории науки о языке.

XVII в. в истории монгольского языка — это период становления классического письменного языка. Среди письменных памятников XVII в. особый интерес представляет летопись "Алтан тобчи", написанная ученым монахом Лувсан Данзаном и ставшая известной специалистам лишь с 1926 г. по единственному найденному в Монголии списку¹.

Исследование языка памятника проводилось нами по тексту, изданному в Улан-Баторе в 1937 г. (в двух книгах, 354). Однако поскольку в опубликованном тексте имеются опечатки и пропуски слов, мы вынуждены были сверить этот текст с текстом фотокопии рукописи, любезно предоставленной проф. Г.Д. Санжеевым.

Предлагаемое исследование представляет собой первую в монголоведении попытку описать грамматические особенности языка "Алтан тобчи", главным образом именные и глагольные словоизменительные грамматические формы, а также выявить основные особенности языка текста летописи в сопоставлении с современным монгольским языком.

¹ Подробно об этом см. в разделе "Краткие сведения об "Алтан тобчи".

В приводимых примерах используется общепринятая в монголо-ведении научная латинская транскрипция. Страницы указываются по уланбаторскому изданию 1937 г.

Из-за отсутствия во многих случаях диакритических знаков в тексте летописи и неправильного их употребления возникли трудности в транскрипционной передаче ряда примеров. В таких случаях приходилось руководствоваться общепризнанным произношением данного слова. Если следовать тексту летописи, то пришлось бы транскрибировать, например, qaqan вм. qaγan 'хан', baqatur вм. baγatur 'богатырь', 'герой', jaqura вм. jaγura 'между', 'в промежутке' и т.п.

Собственные имена и географические наименования пишутся с прописной буквы, хотя в тексте летописи между прописными и строчными буквами различий нет. Знаки препинания проставлены согласно тексту летописи.

Старописьменный монгольский язык¹
и периоды его развития

Появление монгольской письменности на основе уйгурского алфавита относится к концу XII – началу XIII в., причем до сих пор не установлено, какое из монгольских племен и при каких обстоятельствах ввело эту письменность.

Я.Шмидт [128, с. 243–256], А.М.Повднеев [63, с. 50], Б.Я. Владимирцов [24, с. 19], а позже и другие исследователи [74, с. 15; 104, с. 196] считали, что это могли быть найманы или кереиты, наиболее культурные из племен, жившие в ту пору по соседству с уйгурами. Б.Я. Владимирцов, будучи убежден в монгольском происхождении найман и кереитов, предполагал, что "по-видимому, монгольский письменный язык возник именно у этих монгольских племен до эпохи Чингис-хана" и что "Чингис-хан ввел для нужд своей державы уже готовый литературный язык, язык достаточно фиксированный, изображавшийся при помощи уйгурских букв" [24, с. 19–20].

В качестве доказательства появления у найман ранней монгольской письменности обычно приводится широко известное историческое предание о том, что в 1204 г. Чингис-хан, одержав победу над найманами, захватил в плен уйгура по имени Та-та-тонга, служившего "канцлером" у найманского Даян-хана. С помощью этого "канцлера" и была будто бы введена Чингис-ханом монгольская письменность на уйгурской основе.

Эта версия нашла поддержку среди монголоведов [74, с. 14–15; 115, с. 183; 122, с. 7]. Однако никаких найманских памятников до сих пор не обнаружено, а сама версия опровергается теми учеными, которые считают, что найманы были племенем не монгольского, а тюркского происхождения [16, с. 7; 118, с. 693–

¹ Об этом языке см. [78].

694; 126, с. 59]. По мнению Л.Лигети, "найманы во времена Чингис-хана говорили еще и на своем прежнем тюркском языке", а в "Дань чао би ши" ("Сокровенном сказании монголов") "найманские топонимические названия и личные имена большей частью тюркского происхождения" [42, с. 136].

Вопросом о происхождении найманов специально занимался также С.Мураяма. Исследуя этимологию собственных имен и титулов найманов, сохранившихся в "Сокровенном сказании" и у Рашид-ад-Дина, японский ученый приходит к заключению, что найманы говорили не на монгольском, а на тюркском наречии [120, с.188-198]. Согласно "Дань ши" ("История династии Юань"), Та-та-тонга был реальным историческим лицом, жившим на рубеже XII-XIII вв. С.Мураяма полагает, что Та-та-тонга знал монгольский язык и письменность, которым и обучал, попав в плен, детей Чингис-хана. Но на этом языке, как считает ученый, говорили скорее всего не найманы, а керейты [120, с. 197-198].

Керейтской гипотезы склонен был придерживаться и Б.Я.Владимирцов [25, с. 6-7]. Как известно, керейты задолго до Чингис-хана приняли христианство несторианского толка, длительное время находились в культурных отношениях с уйгурами и другими народами Туркестана и Семиречья и были на более высокой ступени общественного развития, чем другие монгольские племена. Установлено и то, что Чингис-хан при организации и внутреннем устройстве своей империи многое заимствовал у керейтов [42, с. 136]. Однако и керейтская версия не вносит ясности в проблему истоков письменного монгольского языка, тем более что и об этническом происхождении этих племен также существуют разные мнения: одни их считают монголами [24, с. 19; 66, с. 13], другие - тюрками [5].

В последнее время появилась еще одна, третья, версия, связывающая происхождение письменного монгольского языка с киданями [42, с. 138; 20, с. 137-155; 20а, с. 139-155].

Первые достоверные сведения о киданях китайская летопись "Вэй шу" ("История династии Северная Вэй") относит к эре правления Дэн-го (386-395), т.е. к концу IV в. [86а, с. 16]. Киданьские глоссы, сохранившиеся в китайских источниках, свидетельствуют о том, что "киданьский язык безусловно относится к монгольским языкам" и что он "по сравнению с монгольским языком XIII-XIV вв. обнаруживает более древние черты (вместо *h* в начале слова еще имеется *p*)" [42, с. 138; 31, с. 9-10].

У киданей было две разновидности собственной системы письма. "Большое письмо" было изобретено на основе китайской иероглифической письменности для обозначения родов и имен военачальников, а идея создания общеупотребительного "малого письма", вероятно, была заимствована у уйгур. Во всяком случае, его создатель Тела (Дела) был знаком с уйгурским алфавитом [31, с. 10].

В конце прошлого столетия А.М.Позднеев случайно обнаружил на развалинах бывшего киданьского областного города Цинчжоу несколько фрагментов с текстами, оказавшимися фрагментами киданьского письма. Однако этому открытию не придали должного значения.

В 1920 г. недалеко от этих развалин П.Палло обнаружил подземные мавзолеи киданьских правителей, где находились стелы с надписями на киданьском и китайском языках, представляющие собой эпитафии императорам и императрицам.

В 1949 г. в провинции Ляонин китайскими археологами были найдены куски каменных плит с текстом на киданьском языке.

Первый этап дешифровки киданьского письма, проведенный советскими учеными, пока не дал определенных результатов, подтвердив лишь агглютинативный характер киданьского языка [83, с. 148-151; 47; 86, с. 127-147; 71, с. 148-151; 70, с. 169-170]. Однако по некоторым киданьским словам в китайской транскрипции и по историко-этнографическим данным ряд ученых устанавливает принадлежность киданьского языка к алтайской группе и его родство с монгольским языком [42, с. 138; 31, с. 10; 20а, с. 139-155].

Если признать киданей монголоязычным народом, то в таком случае это был один из первых монгольских народов, создавших свою письменность.

Сторонники киданьской гипотезы считают, что "в основу монгольского литературного языка лег язык семиречинских киданей (кара-кытаев), к которому была приспособлена уйгурская письменность, распространенная ранее среди ряда племен Средней Азии и Восточного Туркестана" [20, с. 155].

Что же касается найманского "канцлера", обучавшего детей Чингис-хана монгольскому языку, зафиксированному уйгурской письменностью, то и в данном случае предполагается, что, будучи чиновником при дворе, Та-та-тонга знал этот язык, употреблявшийся в официальных сношениях с киданями, которому и обучил окружение Чингис-хана, после того как был взят в плен [20, с. 153].

Так обстоит дело с версиями о происхождении монгольской письменности и письменного монгольского языка, причем ни одна из них до сих пор не получила достаточно обоснованного фактами подтверждения.

Высказываются также разные точки зрения и о периодах и истории развития старописьменного монгольского языка.

Впервые периодизация старописьменного монгольского языка с подразделением на три периода и с характеристикой фонетических, грамматических и лексических особенностей в каждый из периодов была предложена Б.Я.Владимирцовым:

1) древний период начинается от неизвестного нам времени и продолжается до начала XIV в.;

2) средний период продолжается от начала XIV в. до второй половины XVI в.;

3) классический период начался с конца XVI – начала XVII в.² и продолжается в XX в. [22, с. 41–53; 24, с. 20–24, 33, 73–78, 118–120].

Такой же периодизации придерживается и Г.Д.Санжеев [74, с. 15–16; 75, с. 9–10].

Несколько иную классификацию дает Л.Лигети, справедливо считающий, что "возникновение монгольского языка...нельзя связывать с выступлением на историческую арену Чингис-хана". С его точки зрения, "не подлежит сомнению, что отрезок жизни и развития монгольского языка с момента его обособления от прочих родственных языков до столетий, предшествующих XIII в., охватывает огромный период" [42, с. 136–137]. Поэтому первый период, самый древний в истории монгольского языка, о котором имеются лишь гипотетические данные, он условно называет "протомонгольским" [42, с. 136].

Вторым периодом Л.Лигети считает тот, "который непосредственно предшествовал периоду, засвидетельствованному уже в древнейших памятниках XIII в.". Этот период он называет "древне-монгольским".

К третьему – "среднемонгольскому" – периоду Л.Лигети относит тот, который в классификации Б.Я.Владимирцова считается первым [42, с. 136].

² Начало третьего периода Б.Я. Владимирцов выделяет в особый, переходный, период, когда существовало смешанное уйгуро-монгольское письмо [24, с. 33].

Нет единого мнения относительно периодизации истории монгольского письменного языка и среди монгольских лингвистов. А.Лувсандэндэв, например, подразделяет развитие монгольского языка на три периода:

1) древний период, по его классификации, продолжается с незапамятных времен приблизительно до начала XIII в. ³;

2) средний период продолжается с начала XIII в. и до середины XIV в. Этот период монгольский ученый, в свою очередь, подразделяет на два этапа: первый длился до начала XIV в., а второй – с начала XIV до середины XIV в.;

3) третий период начался с середины XIV в. и продолжается сейчас. Этот период, так же как и второй, имеет два этапа: первый – с середины XIV в. и до 40-х годов XV в., а второй – после 40-х годов [46, с. 19-21].

Д. Томортого выделяет четыре периода:

1) протомонгольский период, т.е. тот, о котором, по словам Д. Лигети, "у нас имеются лишь очень смутные догадки";

2) древнемонгольский охватывает промежуток времени с конца "протомонгольского" периода до XI-XII вв.;

3) среднемонгольский период начинается приблизительно в XI-XII вв. и продолжается до XVI-XVII вв.;

4) современный период берет начало в XVI-XVII вв. и является прямым результатом развития среднемонгольского языка [94, с. 47-57].

Конечно, монгольский язык или диалект, легший в основу письменного монгольского языка, существовал задолго до того, как он был зафиксирован в памятниках на уйгурской основе. Затем на протяжении нескольких веков этот язык, а до недавнего времени и письменность развивались и изменялись. "Письменный монгольский язык, – писал Б.Я. Владимирцов, – отнюдь не является чем-то раз навсегда установившимся; он знает несколько ступеней развития и в том виде, в каком его представляют наши грамматики, установился сравнительно недавно" [22, с. 41-42].

При установлении периодизации развития монгольского языка

³ Позже А.Лувсандэндэв несколько изменил свою точку зрения: первый – древний период с неизвестного времени продолжается уже не до начала XIII в., а только до V в. н.э. Соответственно первый этап второго периода, начавшись примерно с V в., продолжается до начала XIV в. [47, с. II].

и письменности необходимо прежде всего иметь хотя бы общее представление о звуковом составе, грамматическом строе, лексике и изменениях в них, характерных для того или иного исторического отрезка времени. Предложенная Б.Я. Владимирцовым периодизация, а также данная им лингвистическая и историческая характеристика каждому из трех периодов в общем остается верной и сейчас.

Язык древнего периода, вероятно, возник "на почве какого-то очень древнего диалекта, который выявляет древнюю стадию развития монгольского языка" [24, с. 20]. Возможно, это был язык предков киданей.

Уже до того, как он был воспринят окружением Чингис-хана, это был, по-видимому, сложившийся письменный язык, отличающийся от живой разговорной речи монголов. Язык этот использовался главным образом для надобностей административно-государственного аппарата.

В результате исследования древних текстов удалось восстановить систему вокализма этого периода, которая состояла из восьми гласных звуков, образующих два сингармонических ряда:

1) гласные заднего ряда: а, о, у, ⁴і [24, с. 118];

2) гласные переднего ряда: $\bar{a}$ $\bar{o}$, $\bar{u}$, $\bar{i}$.

Для языка первого периода были характерны еще начальный $p > f$, h и интервокальные согласные $=\bar{r}=$, $=g=$, b , а иногда $=u=$. К этому времени относятся и два первых перелома гласного i (УП-ХП вв.) [74, с. 19, 24, 109].

Язык второго — среднемонгольского — периода (начало XIV-конец XVI в.), который функционировал первоначально как деловой язык в сфере государственного аппарата, стал также языком эпоса и исторических сочинений, а к XVI в. широко использовался тибетскими и уйгурскими монахами для перевода буддийских сочинений. Благодаря этим переводам в монгольский язык проникло значительное количество заимствованных слов уйгурского, иранского, арабского и даже греческого происхождения. В письменный язык проникают слова из живых народных говоров.

В среднемонгольский период исчез заднеязычный i , который существовал в монгольском языке сравнительно недолго, по-види-

⁴ Предположение о том, что в древнем монгольском языке существовал гласный i задней артикуляции, было высказано Г.И. Рамstedтом [69, с. 52]; см. также [14, с. 110-117].

мому, до середины XIII в., так как еще в очень раннюю эпоху, по мнению Б.Я. Владимирцова, произошло сближение двух фонем *č* и *i*, выразившееся в том, что *i* перестал отличаться от *č* и вместо этих гласных остался только один *i*, хотя в монгольском письме по традиции некоторое различие между *č* и *i* сохранялось вплоть до конца XVI в. [24, с. 120]. В диалектах еще существовал начальный щелевой *f*, *h* < *p*, характерный для большинства живых монгольских диалектов XIII–XIV вв. [74, с. 24]. Согласный *γ* (*g*) в интервокальной позиции заменяется глухим щелевым *h*, исчезновение которого привело впоследствии к образованию долгих гласных. Процесс этот завершился во второй половине XIV – начале XV в. Появляются дифтонги (в XIII в. их еще не было). Около XIV–XV вв. происходит третий перелом гласного *i* [74, с. 26, 81, 109], усиливается прогрессивная и регрессивная ассимиляция гласных (например: *orōn* < *oran*, *örgōn* < *örgeṅ*, *tögūs* < *tegeṅs*).

С конца XVI – начала XVII в. начинается третий, "к л а с с и ч е с к и й", период в развитии письменного монгольского языка.

Этот период характеризуется существенными изменениями как в самом языке, так и в письме. Из языка исчезают ставшие непонятными слова и ряд грамматических форм, которые заменяются новыми. Так, например, изъявительная глагольная форма на *=t*, неоднократно встречающаяся в тексте "Сокровенного сказания" и зарегистрированная в памятниках квадратной письменности, к XVII в., по-видимому, вышла из употребления. Автору летописи XVII в. "Алтан тобчи" Лувсан Данзану она была уже чужда, и поэтому все параллельные с "Сокровенным сказанием монголов" места хроники, в которых использовалась глагольная форма на *=t*, опускались или форма на *=t* заменялась другими изъявительными, причастными или деепричастными глагольными формами (*=m*, *=mūi*; *=quṅ*, *=n*)⁵.

Как известно, "Алтан тобчи" – это пересказ большинства параграфов "Сокровенного сказания". Но перед некоторыми словами стоят поясняющие их глоссы, что свидетельствует о том, что эти слова стали в XVII в. непонятны или малоупотребительны, например, *negüdel* перед *negüri* "кочевье", *boṅonī* перед *abid* "короткий" и т.п.

С конца XVI в. происходят большие изменения и в уйгурско-

⁵ Ср., например, "Сокровенное сказание монголов", §§ 21, 64, 153, 173, 174 и "Алтан тобчи", с. 12, 29, 115, 135, 136.

монгольском алфавите, которым пользовались монголы. Изменились начертания некоторых букв: конечные "а", "е", "и", "а" стали писать с черточкой, загибающейся слева направо, а не вниз, как это было прежде; иными стали начертания букв "а", "е", употреблявшихся в качестве приписных ("знак орхипа"); изменению подверглась и буква "м" (без двух зубчиков слева).

Во многих случаях стало различаться написание согласных а, т; были введены две новые буквы для обозначения ё и ј. Иное начертание получила буква "с" в конце слова. Видоизменилась и система диакритических знаков: точка перед конечным а уже не ставилась. Алфавит пополнился буквами, специально созданными в 1587 г. для транскрибирования иноязычных слов, главным образом индийских и тибетских [24, с. 73-78].

В результате образовался язык, который называется классическим письменным языком монголов [24, с. 24].

В конце ХУП – начале ХУІІІ в. на этом языке интенсивно велось книгопечатание ксилографическим способом, переиздавались старые сочинения, составлялись словари и грамматики, способствующие нормированию языка и письменности.

Существенным для третьего периода является и то, что с конца ХУІ в. старописьменный монгольский язык становится средством письменного общения только собственно монголов на территории Халхи (ныне МНР) и Внутренней Монголии, так как к началу ХУП в. ойратские и бурятские племена консолидировались в самостоятельные народности. С тех пор этот язык в своем функционировании и развитии "опирается на богатство лишь одного собственно монгольского языка" [79, с. 9]. Это означает, что уже в тот период монгольские диалекты создали основу для образования самостоятельных монгольских языков. Письменный же язык продолжает развиваться преимущественно под влиянием халхаского диалекта.

"Классический" период в развитии монгольского языка к началу ХХ в. сменился четвертым – с о в р е м е н н ы м – периодом.

Краткие сведения об "Алтан тобчи"

Конец ХУІ – начало ХУП в. в монгольской истории – это период широкого распространения и окончательного утверждения буддизма в его ламаистской форме, который принес в Монголию тибетскую культуру, что способствовало оживлению литературного творчества.

В буддийских монастырях издавались переводные сочинения с тибетского, китайского языков и санскрита. Стали появляться и оригинальные монгольские сочинения. Под влиянием тибетской историографической традиции составляются летописи. Их изучением занимались такие крупнейшие монголоеды XX в., как Б.Я.Владимирцов, Ц. Жамцарано, П. Пальо, А. Мостарт и др.

Некоторые же летописи долгое время оставались неосвоенными наукой. "Большими успехами, — писала Н.П. Шастина, — отмечено изучение монгольских средневековых памятников, в частности исторических хроник и летописей, за последние двадцать лет. За эти годы были выявлены летописи, до сих пор остававшиеся неизвестными; были опубликованы тексты летописей, известных лишь узкому кругу источниковедов; были сделаны переводы и исследования некоторых летописей; появилась обобщающая монография по монгольскому летописанию" [45, с. 11].

Среди составленных в XVII в. летописей одной из самых интересных по содержанию признается "Алтан тобчи" Лувсан Данзана ⁶ — крупная историческая хроника и литературный памятник монгольского средневековья [45, с. 12].

Список "Алтан тобчи", полное название которого — "Золотой свод, содержащий краткую историю государственного правления, основанного древнейшими царями", был обнаружен в 1926 г. в восточной Халхе первым председателем Ученого комитета Монгольской Народной Республики Джемьян-гуном, прекрасным знатоком старинных рукописей. Он и передал список в книгохранилище Ученого комитета (ныне Академия наук) МНР.

Точная дата создания летописи не установлена. Ряд исследователей — Ц. Жамцарано, а вслед за ним Л.С.Пучковский, Н.П.Шастина, монгольский историк Х.Пэрлээ и др. относят хронику к началу или ко второй половине XVII в. [30, с. 80; 66, с. 148; 102, с. 4; 67, с. 14]. А. Мостарт полагал, что летопись была написана в период между 1649 и 1736 гг. [108, с. IX—XXI]. Ш. Бира считает, что Лувсан Данзан завершил труд либо в самом конце XVII в., либо в начале XVIII в. [13, с. 430]. По косвенным данным В.Хейсиг устанавливает дату 1651—1655 гг. [117, с. 53—55].

⁶ По мнению монгольского историка Ш.Бирн, Лувсан Данзан не был единственным автором этой летописи. Он полагает, что летопись была составлена несколькими учеными, а Лувсан Данзан был руководителем и главным автором хроники [13, с. 227].

Н.П.Шастина, признавая убедительность доводов В.Хейссига, считает, что "летопись была создана в пятидесятых годах ХVII в., не позднее 1660 г., но и не раньше 1655 г." [45, с. 28].

Как сообщает Ц.Жамцарано, с этого списка были сняты две копии: одна самим Джамьян-гуном для П.Пельо, которая неоднократно упоминалась им "в его изысканиях, связанных с изданием монгольского текста "Сокровенного поведания монголов" [30, с. 80]. Сейчас эта копия находится под № 131 в монгольском фонде Национальной библиотеки в Париже [45, с. 13]. Другая снята Д.А.Брядовым с рукописи, хранящейся в Восточной библиотеке Ученого комитета МНР [30, с. 79].

Впоследствии с рукописи было снято еще несколько копий и фотокопий, из которых одна хранится в монгольском фонде Рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Монг. фонд, фото В=90) [45, с. 13].

В 1937 г. летопись была издана в Улан-Баторе в двух книгах: первая содержит I-IV, 1-161 с., вторая 1-193 с. текста, что было вызвано, вероятно, чисто издательскими соображениями [45, с. 15].

И хотя при издании рукописи, как отмечает Н.П. Шастина, "было допущено довольно много небрежностей, снизивших научную ценность публикации", эта публикация сделала редкую рукопись доступной для исследования и вызвала большой интерес монголоведов [45, с. 15-16].

В 1941 г. часть текста, близкая к "Сокровенному сказанию", была опубликована в транслитерации на латинской графике С.А.Козиным [36, с. 321-397].

В 1952 г. в США была издана фотокопия уланбаторского издания 1937 г. в одной книге с предисловием Ф.В.Кливза и вводной статьей А.Мостарта [108].

В 1957 г. в Улан-Баторе увидело свет издание перевода летописи на современный монгольский язык, выполненного Ц.Шагдаром [3]. Переводу предшествует краткое предисловие, в котором указывается на наличие в летописи Лувсан Данзана ряда интересных сведений, отсутствующих в "Сокровенном сказании", но известных Рашид-ад-Дину. На основании этого делается вывод, что, во-первых, у Лувсан Данзана был полный оригинал "Сокровенного сказания" и, во-вторых, источники, которыми пользовались Рашид-ад-Дин и Лувсан Данзан, имели общее происхождение. Далее Ц.Шагдар отмечает, что язык и стиль этого сочинения значительно отличаются

ся от современного монгольского языка и потому он, не ставя перед собой задач научного исследования, перевел это ценнейшее историческое и литературное произведение на современный монгольский язык с единственной целью дать возможность широкому читателю познакомиться с ним [3, с. 5-6]. Однако переводчик в ряде мест допускает довольно вольное обращение с текстом оригинала. Пропуски слов, предложений, а иногда и целых страниц, а также неточности в передаче на современный язык некоторых выражений делают этот труд, как вполне справедливо отмечает Н.П.Шастина, "дилетантским" [45, с. 17].

Текст "Сокровенного сказания" дошел до нас в фонетической записи китайскими иероглифами. Кропотливые исследования "Сокровенного сказания" привели многих ученых к убеждению, что источником этой фонетической записи был монгольский текст, написанный уйгуро-монгольским шрифтом. Предполагается, что этот текст был известен монголам и в XIII в. и с ним был знаком Лувсан Данзан. Наличие в летописи Лувсан Данзана пересказа 233 параграфов из 282, содержащихся в "Сокровенном сказании", подтверждает это [45, с. 23-24]. Вместе с тем ценность летописи Лувсан Данзана, как считают исследователи, состоит не только в пересказе содержания текста "Сокровенного сказания", но прежде всего в том, что она включает в себе фрагменты неизвестных нам древних монгольских хроник и собраний высказываний Чингис-хана, являющихся "поучением хаганам и нойонам" [30, с. 82].

"Наличие многих данных, которых нет в "Сокровенном сказании", но которые подтверждаются другими источниками (например, "Сборником летописей" Рашид-ад-Дина и др.), свидетельствует о том, что Лувсан Данзану были доступны и другие древнемонгольские источники" [13, с. 431].

Ряд исследователей допускает даже, что у Лувсан Данзана был более полный оригинал или список "Сокровенного сказания", так как "Алтан тобчи" в общих с "Сокровенным сказанием" разделах содержит порою сведения, отсутствующие в последнем [45, с. 6; 105, с. 202-205].

Ц. Жамцарано охарактеризовал "Алтан тобчи" как интересное литературное произведение и историческую хронику по древней истории монголов, составленную на основании многих монгольских источников, "большинство которых, безусловно, относится к XII-XIII вв." [30, с. 80-81].

Ш. Бира считает большой заслугой Лувсан Данзана и его помощников то, что "они в обстановке чужеземного ига и господства

ламаистской идеологии сумели возродить самобытные историографические традиции монголов, используя в полной мере источники XII-XIII вв." [13, с. 232].

Вскоре после своего обнаружения список летописи привлек к себе большое внимание ученых-ориенталистов. Так, уже в 1930 г. она упоминается П.Пельо в связи с изданием им текста "Сокровенного сказания" и получает его высокую оценку [121, с. 199-202].

При описании монгольских летописей XIII в. Ц. Жамцарано посвятил целую главу "Алтан тобчи" [30, с. 78-120], сравнив ее текст с текстом "Сокровенного сказания". Он впервые определил, что в "Алтан тобчи" помимо текста "Сокровенного поведания", или "Секретной истории монголов" ("Юань чао би ши"), содержится и ряд других рассказов, безусловно, восходящих к первой половине XIII в., т.е. времени создания "Сокровенного сказания" [30, с. 80].

Несколько позже при подготовке к изданию текста и перевода "Сокровенного сказания" на русский язык летопись "Алтан тобчи" была использована С.А.Козиным, также давшим ей высокую оценку.

Монгольский ученый Ц.Дамдинсурэн привлек "Алтан тобчи" при переводе "Сокровенного сказания" на современный монгольский язык [49].

Л.Лигети в издании "Сокровенного сказания", сопоставив его с текстом "Алтан тобчи", также пришел к выводу, что "в руках летописца XIII в. имелась особая версия "Сокровенного сказания" [105, с. 204].

Во введении к фототипическому переизданию "Алтан тобчи" (1952 г.) в США А.Мостарт, продолжая исследование летописи, начатое Ц.Жамцарано, делает ряд новых наблюдений, уточняет совпадающие с "Сокровенным сказанием" места и сводит их в таблицу [108, с. ХУШ-ХХ].

В. Хейсиг в книге о монгольских летописях XVI-XVIII вв. посвящает отдельную главу исследованию "Алтан тобчи", где дает сведения об авторе летописи и материалах, им использованных [117, с. 50-75].

Текст "Алтан тобчи" был также объектом специального исследования как источник для изучения древней истории монголов [27].

Наконец, в 1973 г. вышел в свет подготовленный Н.П.Шастиной полный перевод на русский язык текста "Алтан тобчи", сопровождаемый подробным комментарием. В обширном введении большое внимание уделяется описанию летописи, ее публикациям и изучению. Приводятся краткие сведения об авторе летописи, предполагаемой дате ее написания. Подчеркивается значение летописи как источ-

ника "не только для изучения истории монгольского летописания, но и для изучения жизни средневекового общества монголов и истории монгольской культуры" [45, с. 28].

Отметив, что "язык летописи "Алтан тобчи" заслуживает специального лингвистического исследования", Н.П.Шастина перечисляет некоторые архаичные глагольные формы, особенности орфографии и правописания собственных имен. Кроме того, она указывает на то, что в "Алтан тобчи" сохранились слова, ставшие в XIII в. архаизмами и потому обычно снабженные глоссами [45, с. 43-44].

Итак, сочинение Лувсан Данзана получило широкую известность и не раз привлекалось к исследованию учеными-ориенталистами. Все перечисленные выше работы имеют литературно-исторический, либо сопоставительный характер. Последние нацелены на выяснение семантики трудных для перевода параллельных мест "Сокровенного сказания"⁷. Лингвистическому же анализу текст "Алтан тобчи" не подвергался.

Несмотря на то что в последние десятилетия в монголоведении появилось немало работ, посвященных исследованию фонетического и грамматического строя монгольских языков, изучение языка литературно-исторических памятников пока только начинается. Имеющиеся лингвистические исследования средневековых источников Монголии ограничиваются в основном частными вопросами грамматики с привлечением данных этих источников. Между тем развитие языка вряд ли можно проследить без предварительного филологического анализа письменных памятников. "Но ведь материя и форма родного языка, — писал Ф.Энгельс, — становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным, отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам" [1, с. 333].

Язык "Алтан тобчи" существенно отличается от современного не только по стилю, лексике (наличие значительного количества архаизмов) или синтаксическим конструкциям (что требует специального изучения), но и в области морфологии, которая, как известно, является наименее подвижной частью структуры языка. Сопоставление грамматических форм и их значений с их современным

⁷ Результатом сравнения параллельных мест "Сокровенного сказания" и "Алтан тобчи" является, например, статья С.А.Козина "К вопросу о показателях множественности в монгольском языке" [37, с. 120-135].

состоянием и поможет выяснить, в какой мере язык остается неизменным на протяжении определенного исторического отрезка времени.

Настоящее исследование посвящено анализу именных и глагольных словоизменительных форм и рассмотрению служебных слов, описанию их значений и особенностей употребления сравнительно с современным монгольским языком.

К таким особенностям можно отнести, например, частое употребление местного падежа с окончанием =а/=е, свойственным, как считают многие алтаисты, только древнемонгольскому языку и уже на очень раннем этапе ставшим архаичным; широкое использование двойного дательно-местного с исходным падежа на =daša/=deše, сохранившегося в современных монгольских языках в единичных случаях; наличие имен существительных в форме множественного числа, которые в современных монгольских языках либо вообще не имеют формы множественного числа, либо имеют уже другие суффиксы (γад, 'руки', γаγад 'земли', од 'года', edüd 'дни' и др.).

Специфику глагола составляет форма на =уи, отсутствующая в современных монгольских языках, частое и своеобразное употребление формы на =гун, которая могла быть образована от многих глагольных основ и которая практически ныне исчезла. Имеются отличия и по некоторым другим изъявительным, причастным и деепричастным формам.

Для исследования по мере необходимости привлекались материалы из тюркских и других алтайских языков.

х

х

х

Несколько слов следует сказать об особенностях текста "Алтан тобчи".

Как отмечал Ц.Жамцарано, текст рукописи не лишен недостатков. "В тексте имеются многочисленные опiski, пропуски и искажения слов" [30, с. 79]. Переписка рукописи для публикации усугубила эти недостатки, так как появились новые пропуски слов и целых строк, некоторые слова рукописи были неверно прочитаны, вставлены лишние слова, не всегда к тому же удачно, кое-где исправлялись диакритические знаки, в отдельных случаях изменено написание слов [45, с. 15-16].

Орфография текста не различает ѝ и ј, пишется ѝ, например: doruшsilaси вм. doruшjilaју. Вместо знака, обозначающего

го звук *в*, употреблялся знак, который, будучи слегка удлинённым, соответствовал знаку для обозначения *п*. Такое написание считается характерным для средневековых рукописей.

В тексте отсутствует какая-либо система в употреблении диакритики. Например, обозначение согласно орфографии того времени буквы "җ" знаком "hēth" с двумя точками слева, а "q" тем же знаком без точек не соблюдается. Нередко "җ" изображается указанным знаком без точек, тогда как "q" передается этим же знаком с точками. Слово qaḡan 'хан' в тексте везде пишется без диакритики. Очень часто можно встретить qaṣaḡ вм. ḡaḡar 'земля', ḡaḡur вм. ḡaḡur 'в промежутке', ṣaḡan вм. ṣaḡan 'белый' и т.д.

Иногда диакритические знаки ставятся там, где их быть не должно. Не выдержана диакритика и перед согласным *п*. Точка перед знаком, обозначающим согласный *п*, должна ставиться тогда, когда за *п* следует гласный, и, напротив, должна отсутствовать, если после *п* следует согласный. В тексте же она нередко пропускается перед предвокальным *п* и вставляется перед предконсонантным *п*, что затрудняет правильное чтение текста.

Наряду с графическими слогами ГСГ для передачи долгого гласного в конце слов мягкого ряда употребляются и слоги типа ГСГГ, например: ilegü и ilegüü 'слишком', degü и degüü 'младший', так как перед узкими гласными *г* и *к* не различаются.

Орфография не выдержана порой даже для одного и того же слова: на одной странице можно встретить разное написание, например: ḡoruḡun и ḡoruḡan [АТ I, с. 8] 'речка'; aṣaḡubasu и aṣaḡubasu [АТ II, с. 2] 'когда спросил'. Имеются искажения в написании собственных имен и географических названий, например: Amaḡar qaḡan [АТ I, с. 20-21] и Amaḡai qaḡan [АТ I, с. 24] - собственное имя и титул; Tünggelig [АТ I, с. 15], Tünggileg и Tünggeling [АТ I, с. 8] - название реки.

В тексте наблюдается смешение показателей родительного и винительного падежей (подробно об этом в разделах о соответствующих падежах). Вопреки нормам, согласно которым падежные показатели пишутся раздельно от основ, показатели исходного, родительного, а иногда и других падежей встречаются как в слитном, так и в раздельном написании, например: tendeṣe и tende=ṣe 'оттуда'; ṣimaṣa и ṣim=a=aṣa 'от тебя'; minu и min=u 'мой'; sara=yin и sarayin 'месяца'; tegün=u и tegünü 'его'. То же можно сказать и в отношении глагольных морфем, на-

пример, суффикс слитного деепричастия пишется отдельно, например: ködel=un [АТ II, с. 147] вм. ködelün 'двигаясь' qaɣal=un [АТ I, с. 37] вм. qaɣalun~qaɣalan 'отделяясь'.

Такая "невывержанность" орфографии является результатом смещения старых (доклассических) и новых (классических) норм правописания. Создание единого правописания завершилось позже, в ХУШ в., а в ХУП в. старое еще продолжало уживаться с новым.

Существительные

Падежи и их значения

Падежей в "Алтан тобчи" насчитывается девять: именительный, винительный, родительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, совместный и соединительный.

Именительный падеж

Именительный падеж не оформлен. Принято считать, что он совпадает с основой слова. Однако Г.Д.Санжеев справедливо полагает, что "это — разные по форме и содержанию категории, хотя не приходится отрицать того, что в большинстве случаев основа и именительный падеж внешне действительно совпадают, образуя как бы омонимы" [74, с. 140].

И хотя формальные различия между основой и именительным падежом незначительны и выявляются лишь в определенных разрядах слов (в местоимениях и в случаях с так называемым неустойчивым или скрытым конечным =n), их нельзя не принимать во внимание, иначе будут смешиваться эти разные словоформы.

Монгольские слова, оканчивающиеся $гэ = n$, можно подразделить на две группы:

1) слова с устойчивым $=n$, который не исчезает ни при каких обстоятельствах. Сюда относятся имена, обозначающие: а) наименования людей, например: *сеген* 'старуха', *евügen* 'старик', *кейкен* 'девушка', *күрген* 'зять', *ноуан* 'князь', 'господин'; б) названия качества, признака предметов, например: *илаган* 'красный', *бөгдэл* 'белый', *догосун* 'пустой', *оёүкен* 'маленький';

2) слова с неустойчивым $=n$, в основном обозначающие названия животных, растений, предметов, явлений природы, например: *морин* 'конь', *донин* 'овца', *имаган* 'коза', *модун* 'дерево', *билэун* 'камень', *ebesün* 'травы', 'сено', *salkin* 'ветер', *боруған*

'дождь'. Слова с неустойчивым конечным =n имеют две основы: полную (morin, modun) и усеченную (mori, modu)¹. Наличие полной и усеченной основ имеет отношение только к системе словоизменения, так как одни падежи образуются от полной основы, а другие от усеченной.

В языке "Алтан тобчи", равно как и в других монгольских языках и диалектах, за исключением современного монгольского языка² именительный падеж обычно совпадает по форме с первой, или полной основой слова.

В предложении имя в именительном падеже является либо подлежащим, либо именным сказуемым, например: Cisun anaŋu maŋi berke umdaŋ asumui [AT I, с. 91] 'Кровь засохла /засыхая/, очень хочется пить'; ... naran saran gilberen (mandun) ŋarqu ŋay=tur.. ŋarŋu odum böhiŋe [AT I, с. II]... 'уходил бывало, когда всходило солнце, разливая свет'; Er=e=yi inu biden-ü ŋerig=üd ala-qu boluŋuŋai [AT I, с. 94] 'Как бы наши солдаты не убили ее мужа'; Bi yadangki kūmūn bui [AT I, с. 79] 'Я бедный человек';

¹ Принцип выделения двух основ и их значения в монгольских языках подробно исследуется Г.Д.Санжеевым [74, с.140-158, 181-188]. Точку зрения о том, что именительный падеж и основа - разные категории, разделяют и монгольские языковеды [44]. Ш.Лувсанвандан в ряде статей, посвященных употреблению имен с неустойчивым конечным =n [119, с. 5-20; 43, с. 25-29], высказывает мысль, что эти имена в именительном, винительном и совместном падежах имеют конкретное, вещественное значение, тогда как в родительном, исходном, дательном-местном падежах они выражают абстрактное значение.

² В современном монгольском языке от полной основы, т.е. при сохранении конечного =n, образуются формы родительного, исходного, дательного-местного и иногда орудного падежей. От неполной, или усеченной, основы образуются именительный, совместный и орудный падежи. При этом значение орудного падежа от полной основы отличается от значения орудного, образованного от усеченной основы, большей абстрактностью. Ср.: Тэр хүн хонио тэмээгээр солив 'Тот человек поменял своих овец на верблюда' (конкретных овец на конкретного верблюда) и Тэр хүний хонь тэмээнээр явав 'Овцы того человека ушли с верблюдами' (т.е. туда, куда ушли верблюда). Примеры на употребление конкретного и абстрактного орудного падежа см. в [56, с. 70].

köbegün imi Yisügei bayatur bölüge [AT I, с.87] 'Сыном (сын) его был Есугэй-багатур'.

Винительный падеж

Показателем винительного падежа являются =i после основ на согласные и =vi после основ на гласные: ... süm=e keyid=i bayıyulju, Tomı Sambuta kemekü tūsimel=i Enetkeg=tür ilegeju... [AT I, с.5] 'Он воздвигал храмы, послал чиновника по имени Томи Самбота в Индию ...'; Tere bulıan daqu=yı Töwücin, Qasar, Belgü-tei yurbayula abču odču ... [AT I, с.48] 'Тэмучин, Хасар и Бэлгутэй, взяв ту соболю доху, уехали ...'.

Однако абсолютно строгой последовательности в употреблении этих показателей в зависимости от конечного звука основы в тексте памятника не наблюдается. Иногда после основы на гласный можно встретить =i; например: törü=i [AT II, с.147] вм. törü=yı 'власть, государство'; bügüde=i [AT II, с.63] вм. bügüde=yı 'всех'; после же основ на согласные – =vi; например: serig=vi [AT II, с.III] вм. serig=i 'солдат'.

Винительный падеж в монгольских языках употребляется для обозначения прямого дополнения, за исключением тех случаев, когда им оформляются слова, выступающие в качестве субъекта действия в причастных и деепричастных оборотах.

Что касается основ с неустойчивым конечным =n, то хотя этот =n начал выпадать в словах, выполняющих функцию прямого дополнения, еще в древнемонгольский период [II9, с.5–20], в "Алтан тобчи" он продолжает сохраняться. За некоторым исключением слова типа modun 'дерево', morin 'конь', paraп 'солнце' имеют в винительном падеже полную основу, например: naııman sıray=a morin=i nekeküi=dür paraп=i kildus kiııu yarquı say=tur uçırayu... [AT I, с.149] 'Я повстречал [тебя] на восходе солнца, когда гнал-ся за восемью соловыми конями'; ... erdenis=ün ayayan=i eldeb üres=ıyer dügürgeju qayan=dur soyuryabai [AT II, с.183–184] '... наполнил драгоценную чашу разными дарами и преподнес хану'; modun=u gesigün=i quıur=a tatalaju ... [AT I, с.78] 'Согнул пополам ветку дерева'³.

³ Слово gesigün 'ветка, сук' сохраняет в основе конечный =n, тогда как в современном монгольском языке выпадение конечного =n, в связи с расщеплением значения данного слова, привело к образованию двух самостоятельных лексических единиц: гишуу 'ветка, сучок' и гишуун 'член какой-либо организации' [74, с.139–140].

Сохраняют =n в винительном падеже и числительные в субстантивном употреблении⁴, например: Belgütei, Boγorči, Jelm=e γurban=i γurban qonoγ daγulju merked=i kögelgejü...

[AT I, с. 52] 'Заставил Бэлгүтэя, Богорчи и Джэлмэ - троих тро суток преследовать меркитов'; Ede dörben=i Ögelen eke asaraba [AT I, с. 85] 'Этих четверых вскормила матушка Огэлэн'.

В тексте "Алтан тобчи" встречается употребление показателя винительного падежа вместо ожидаемого родительного, например: Tegün=i (вм. tegün=ü) qoyina Temür Qadaγ=a aq=a degü doluyul sayin ulayan morin=iyan unuγu ešiged buliyaγu abču irebei

[AT II, с. 160] 'После этого Тэмур Хадага с братьями всемером отправились, сев верхом на прекрасных буланных коней и, отобрав [ребенка], вернулись'; Teb Tngri=yi tergen=yi (вм. tergen=ü) üjügür=e niryun=i quγulju nuγuruγsan=i Činggis qaγan üjeγü

[AT II, с. 44] 'Чингис-хаган видел, как [он] переломил спину Тэньгри об ось телеги'; Ene Toγun tayisi sayin kümün=i (вм. kümün=ü) üre bayinam [AT II, с. 132] 'Этот Тоγун-тайши - потомок благородного (хорошего) человека'; Börte üjin... Tömüčin=

(вм. Tömüčin=ü) daγu sonusču... [AT I, с. 59] 'Бортэ-улжин услышала голос Тэмучина'. Вряд ли есть основание считать подобные случаи результатом простой описки.

В монголоведении уже не раз высказывалось предположение о генетической связи винительного и родительного падежей [74, с. 160-163, 195; II, с. 42]. Это предположение подтверждают и данные по другим монгольским языкам. В баоаньском, дунсянском, монгорском, дагурском, в языке желтых уйгуров, в некоторых говорах бурятского языка винительный и родительный падежи имеют один и тот же показатель [74, с. 163, 195; 92, с. 26; 88, с. 53-54]. Не случайным является и то, что наименование деятеля в причастных оборотах может оформляться как винительным, так и родительным падежами, например: Tere kümün=i qariγsan qoyina. [AT II, с. 157] 'После возвращения того человека...'; Ejen=i unuγsan qoyina... [AT I, с. 101] 'После того, как государь сев верхом...'; ...sačin ekin qubilγan Sečen qaγan=u bayiyuluγsan engke törü... [AT II, с. 180] 'мирное правление, установленное первым хубилганом Сэчэн-хаганом...'. Следовательно, употребление винительного падежа вместо ожидаемого родительного в монгольском языке XVII в. можно считать фактом, подтверждающим вы-

⁴ В современном монгольском языке =n в таких случаях выпадает.

сказанное ранее предположение об их генетической связи.

Как известно, прямое дополнение может быть и без показателя винительного падежа, т.е. совпадать с основой. В монголоведении такой винительный принято называть "неоформленным". Точных правил относительно употребления оформленного или неоформленного винительного падежа в литературе не существует, да и вывести какую-либо закономерность вряд ли возможно, несмотря на то, что этому вопросу не раз уделялось внимание и уже сделан ряд наблюдений, касающихся употребления и опущения данного показателя [16, с. 241-244; 74, с. 181-188; 89, с. 355-373; 53, с. 21-24].

Третья часть собранного нами по этому падежу материала представляет собой примеры на прямое дополнение без показателя винительного падежа.

В каких же случаях прямое дополнение остается неоформленным? И можно ли наличие или отсутствие падежного форманта объяснить так называемой определенностью или неопределенностью объекта, как полагают некоторые исследователи? [106, с. 78; 100, с. 39].

Приведем примеры: *Tömücin nigen morin unuba* [AT I, с. 50] 'Тэмучин сел на коня'; *Nigen inu ууаусан mori tayilaју abču ireged ...* [AT II, с. 165] 'Один из них отвязав привел коня...'; *Morin inu ħurban köl=iyer уеке modun qarayıју ħarba* [AT II, с. 178] 'Конь его перепрыгнул тремя ногами через большое дерево'; *Tngri=dür ħaуan morin, ħaħar=tur qara üker alaју, nigen aуaу=a=dur araki kiју, takin mörgüged toru yosu=іyan nigetgen üyiledbei* [AT II, с. 192] 'Принесли в жертву Небу белого коня, Земле - черного быка, налив в чашу вина, совершили поклонение и объединили свое государство и управление'.

На первый взгляд кажется, что речь, действительно, идет о неопределенных предметах и поэтому слова, их обозначающие, лишены показателя винительного падежа. Однако, если взять первый пример, то в нем существительное *morin* 'конь' и глагол *unuqu* 'садиться верхом, ездить верхом' образуют единый комплекс со значением "ездить верхом на лошади". Ср. в современном монгольском: *машин унах* 'пользоваться автомобилем', *дугуй унах* 'ездить на велосипеде'. Подобные сочетания не могут быть подведены под категорию определенности-неопределенности. Имена существительные в них никогда не оформлялись и не оформляются винительным падежом.

В остальных примерах отсутствие показателя винительного падежа в прямом дополнении можно, казалось бы, объяснить неопределенностью объекта: "отвязал какого-то привязанного коня", "перепрыгнул через одно из многих больших деревьев", "принесли в жертву какого-то белого коня и черного быка". Однако в собранном нами материале в половине примеров с неоформленным прямым дополнением речь идет о совершенно определенных предметах с обозначением принадлежности определенному лицу и с указательным местоимением *ene* 'этот', что, по мнению исследователей, объясняющих употребление или отсутствие показателя винительного падежа категорий определенности-неопределенности, является неременным условием определенности предмета, а следовательно, и оформления его винительным падежом [69, с. 36; 106, с. 78].

Примеры: *činggis qayan=u ayta qačıyın bariju bayın bölüge* [AT I, с. 77] 'Коня Чингис-хагана держал Хачигун'; *Tede irgen Bodančar=un qarčayai yuyibası eše* [AT I, с. 14] 'Когда те люди попросили ястреба Боданчара, [он] не дал'; *Belgütei noyan=n morı qaç=a čabčıysan tere bölüge* [AT I, с. 20] 'Это [он] рассек плечо нойона Балгутэя'; *Köbegüd=yin čirai ker üjekü kemeged...* [AT I, с. 62] 'Как (я) посмотрю в лицо сыновьям...'; *...minu amin sakiyu qonugu kilbar uu* [AT I, с. 160] '...легко ли охранять мою жизнь?'; *Ene üge sonusuyad jinong ögülerun* [AT II, с. 136] 'Услышав эти слова, джинонг сказал'.

Трудно объяснить, почему в приведенных ниже предложениях одни прямые дополнения оформлены показателем винительного падежа, а другие не оформлены. Например: *...modun=u gesigün=i quğur=a tatalaju, itügesün bülegür čuğusaju abču askılalduju...* [AT I, с. 78] '...наломав сучьев с деревьев и выхватив мутовки для взбивания кумыса, стали драться...'; *Tasuraşsan šasin=i jalaju ebderegsen törü jasaju tabun öngge dörben qari ulus=i erten=ü Sečen qayan metü aldarsıyulbai* [AT II, с. 185] 'Воссоздал прервавшуюся веру, восстановил разрушенную державу и прославил, подобно прежнему Сэчэн-хагану, государство пяти цветных и четырех чужих народов'; *Numun=ıyan gičir tulju geldürkileju toquım=i al-dal=ügei, qalqabči bariju bayıquı=dur ...* [AT I, с. 102] 'Когда тихо брел, опираясь на конец лука, и когда не роня держал, как щит, войлочный потник ...'.

Непоследовательность в употреблении показателей винительного и родительного падежей являются, по-видимому, следствием сравнительно позднего образования этих падежей.

В сочинении Данзандагвы "Jirüken=ü tolta=yin tayilburi" (Толкование сердечного покрыва), написанном в первой половине XVIII в. и являющимся комментариями к более раннему сочинению ученого ламы Чойджи Одсэра "Jirüken=ü tolta" ("Сердечный покров"), относящемуся к началу XIV в., одна из глав посвящена истории монгольской грамматики с описанием фонетических, морфологических и синтаксических норм языка. Любопытно, что в описании падежной системы, которая полностью соответствует таковой в грамматике индийского ученого Панини (IV—III вв. до н.э.), отсутствует винительный падеж, тогда как у Панини он имеется. В этой связи интересен и тот факт, что совместный падеж, который признается более поздним образованием, также не выделяется в системе падежей, хотя в перечне падежных показателей он упоминается [57, с. 15]. Можно предположить, что некогда объектные отношения в языке выражались без падежного оформления имени-объекта.

Известно, что наличие в агглютинативных языках относительно строгого порядка слов — "определение всегда предшествует определяемому", — дает возможность строить определительные сочетания простым соположением имен, например: *kermen degel* 'белая шуба'. Вероятно, в прошлом на каком-то этапе в развитии языка объектные отношения тоже выражались только постановкой прямого дополнения перед глаголом-сказуемым, при этом имя и глагол образовывали единый комплекс, не требующий падежного показателя для имени, по типу сочетаний *mori unuqu* 'ездить верхом', *usun abqu* 'приносить воду', *ger bariqu* 'ставить юрту', *tariya tariqu* 'сеять хлеб' и т.п.

⁵ В древнебенгальском языке, например, не существовало противопоставления в падежном оформлении субъекта и объекта. Субъект и объект активной конструкции выражались одной формой имени даже в том случае, когда они обозначали действующие лица [18, с. 27]. И в тибетском языке винительный падеж формально совпадал с именительным падежом [57, с. 15]. В орхон-енисейских надписях, как и в древнетюркских языках в целом, падежное оформление прямого дополнения также не было строго регламентировано. По замечанию С.В.Севортяна, "...в древних памятниках отсутствует дифференциация в падежном оформлении прямого дополнения в зависимости от его грамматической определенности" [80, с. 7].

Необходимость обозначать объект возникла, по-видимому, тогда, когда он стал занимать дистантное положение по отношению к своему глаголу. Так появился падежный показатель, ставившийся только по мере необходимости, во избежание смешения субъекта и объекта, а затем и даже тогда, когда субъектная и объектная функции слова не вызывали сомнения. Этим и вызвано отсутствие закономерности в употреблении показателя винительного падежа, особенно в языке более раннего периода.

Первоначально это был один показатель для двух падежных значений: винительного и родительного, сохранившийся, как указывалось выше, в некоторых языках и до сих пор. В монгольском же произошло его расщепление на два самостоятельных показателя. Но какое-то время они еще четко не разграничивались и могли заменять друг друга, о чем, в частности, свидетельствуют и факты смешения их даже в языке XIII в.

Не противоречит этому, видимо, и развитие данных показателей в фонетическом плане. Все варианты родительного падежа сводятся к сочетанию: i-i ~ дифтонг + согласный n (в качестве архетипа показателя винительного падежа предполагается гласный i) [74, с. 158-163]⁶.

Следует отметить, что случаев с неоформленным винительным падежом в языке "Алтан тобчи" значительно больше, чем в современном монгольском языке.

Родительный падеж

Показателями родительного падежа служат =i/ü после согласного =n, =un/ün после всех прочих согласных и =yin после гласных. Орфографически однако это не всегда выдерживается, и в тексте нередко можно встретить =yin после основ, оканчивающихся на согласные, например: anggir=yin [AT I, с. 106] (вм. anggir=un) 'турпана', ger=yin [AT I, с. 72] (вм. ger=ün) 'юрты'; =u/ü после основ, оканчивающихся на гласный, например: nidury=a=u [AT I, с. 155] (вм. nidury=a=yin) 'кулака', küriy=e=ü [AT I, с. 43] (вм. küriy=e=yin) 'куреня'.

⁶ Т.А.Бертагаев считает показатели винительного и родительного падежей фонетической модификацией одной праформы =*in>=*ini, которую можно сопоставить с личным местоимением 3-го лица в дагурском in "он", inī "его", *i, *in [11, с. 42]. Тот факт, что показатель родительного падежа восходит к in (местоимению 3-го лица), отмечался уже в сочинении XIII в. "Jürüken=ü tolta=yin tayilburi" [57].

Кроме того, как уже отмечалось выше, вместо показателя родительного падежа иногда употребляется показатель винительного падежа, что свидетельствует о генетической связи между этими двумя падежами.

Из всех падежей родительный падеж – самый распространенный и отличается от других падежей семантическим многообразием. Это почти единственный падеж, осуществляющий столь широкую грамматическую связь между именами самых различных значений.

В языке "Алтан тобчи" родительным падежом оформляется:

1) реальный исполнитель действия в причастных и определительных оборотах: Basa kereyid=ün Toγoril Ong qayan=u ögülegsen üge=yi Јamuq=a=da ilegerün [AT I, с.55] 'Также передал Джамухе слова керейтского Тогорил Онг-хагана (букв. "слова, сказанные Тогорил Онг-хагана")'; Yeke Čeren=ü ögülegsen üges... [AT I, с.128] 'слова, сказанные Еке Чэрэном'; Ulayan buq=a=yin yabuγsan mög=iyar čerig=üd Јasaγulur=un... [AT II, с.24] 'Чтобы отправить войска тропю Рыжих быков ... (букв. "тропю, которой шли Рыжие быки")';

2) лицо или предмет, которому принадлежит что-либо в самом широком смысле слова. На это значение приходится наибольшее количество примеров; Ene Toγun tayisi yeke kümün=ü üre gele [AT II, с.132] 'Этот Тогун тайши – потомок великого человека'; Qan=u ЈulЈayan metü buu yuyi=balЈiy=a [AT I, с.106] 'Не будем-ка беспомощными (букв. "не покачнемся"), словно птенцы лебеда'; Menglig ečiγe=yin ger=teče ger=tengen qaribai [AT I, с.127] 'Чингис-хаган из юрты Мэнлика-эчигэ вернулся в свою юрту'; Eke=yin minu Јobaysan ači qoyar kebegüd=ün minu amin=dur tusa bolbai Ј=a [AT I, с.145] 'Забота моей матушки спасла ведь жизнь двум моим сыновьям (букв. "принесла пользу жизни двух сыновей моих")'.

К родительному принадлежности относится и родительный целого, частью которого является его определяемое, например:

...morin=u segül=tü čirču odbai [AT I, с. 76] '...поташил, привязав к хвосту коня'; Quča=yin eber=i oγluru nidurba kemen... bug=a=yin eber=i bolyuru nidurba kemen [AT II, с.67] 'Говоря: вывернули рога барана... говоря: стянули рога быка'; Qaligu qarča-Јai=yin Јigür bolun odbau či eЈen minu [AT II, с. 102] 'Не отлетел ли ты, обернувшись крылом парящего ястреба, государь мой?'; Begü inu ulus Bolad qan orun saγuγ=a edüi Ibarai tayisi=yin Јar=tur, tagri bolba [AT II, с. 176] 'Младший брат его, Улус

Болад, еще до восшествия на ханский престол погиб (букв. "стал духом-тэнгри") от руки Ибарай-тайши';

3) имя, характеризующее другое с точки зрения его местонахождения:

Onan=u ton=dur /siui=dur/ Jürgen=lüge qurimlaqui=dur ...

/AT I, с.20/ 'Когда пировали с джургэнами в роце на реке Онон (букв. "в ононской роце ...")'; Valbo Töbed qoyar=un jabсар=a Töbed=ün nigen ebügen mören=ü kiJaуar=a-aça qayurcaу=i oluyad...

/AT I, с.4/ 'Между Тибетом и Непалом один тибетский старик (букв. "старик из Тибета") подобрал на берегу реки ящик ...';

Kimur=a yorucan=u ayil qayar=a /ufel=de/ bayuJu бүкүи=dür...

/AT I, с.69/ 'Когда расположились у стойбища Хараган на реке Кимурга... (букв. "у аила реки Кимурги..."); Ol=yin görögesün=i bederebesü... /AT I, с.70/ 'Когда отыдем лесных зверей...';

boвur=a yin boғol, egüden=ü emdü jaruça bolbaiJ=a /AT I, с.141/ 'Стал рабом у порога, слугой у дверей...'

4) имя, характеризующее другое с точки зрения какого-то отрезка времени:

Nogai Jil=un namur inu ... Dalan Nemürgen=e qatguldaqu=yin urida, Cinggis qayan Jasaу ögüleldür=ün /AT I, с.115/

'Осенью в год собаки ... перед тем, как сразиться (у местечка)

Далан-Нэмургэн, Чингис-хаган повелел ...'; Jun=u terigün sara=yin arban Jurgan=a ulayan tergel edür negübe /AT I, с.65/ 'Отко-

чевали в 16-й день первого летнего месяца, в день полнолуния';

Manayar=un undan buu megüdegülsügei /dutayalsuyai/ üde=yin un- dan buu osuldasuyai kemen bayurcin bolba /AT I, с.71-72/ 'Ска-

зав: "Утреннего питья не потревожим, при полуденном питье не оплошаем", - стали багурчинами (т.е. ведающими едой и питьем)';

5) предмет или действие, характеризующие определяемое с точки зрения его назначения и цели: ... erdenis=ün

ayayan=i eldeb üres=iyer dügürgeJü qayan=dur soyorqabai /AT II, с.183-184/ 'Наполнил чашу для драгоценностей различными дарами и преподнес хагану';

Edür ülekü=yin nidun söni sonusqu=yin cikin bol- уajü /AT I, с.85/ 'Стану глазами (букв. "сделаю глазами"), что-

бы видеть днем, ушами, чтобы слышать ночью'; Erte tere say=tur

Jambutiib=un kümün ami qubilJu törüJü diyan=u idegen ideyü

/AT I, с.1/ 'В те древние времена перерождались люди Джамбутиба и вкушали пищу для созерцания';

⁷ Джамбутиб (Jambutiib - санскр. Jambudvīpa) - в буддийской литературе один из четырех материков, составлявших вселенную.

6) предмет, размеру или качеству, которого уподобляется другой предмет: Menglig ečige ... ögülerün: dayir etügen=ü degelsün=ü tedüi büküi=ece dalai mören=i yoruğan=u tedüi büküi=dür nöküšibe /АТ II, с.43/ 'Мэнлик-эчиге ... сказал: "/Мн/ дружили, когда вся земля была величиной с пригорок, а моря и реки величиной с ручей'; Törüküi=dür=iyen barayun yar=tur=iyen sayai=yin tedüi qara nojin= i atyun törübe gebe /АТ I, с.26/ 'Говорят, родился, зажав в правой руке сгусток крови величиной с таранную кость'; ... ayula=yin te- düi altan guriyaŋu sakın atala /АТ II, с.59/ '... собрав гору золота (букв. "величиной с гору"), охраняешь ее'; Ulbar öngge=tü bal=un amtatu yaŋar=un tosu kemekü idegen yarču ... /АТ I, с.1/ 'Появилась еда под названием "масло земли" со вкусом меда красного цвета...';

7) лицо или предмет, выделяемые из какого-то количества себе подобных: Köbegün=ü minu aq=a Jüci bui j=a. Degüü ner=ün minu nilq=a Ötci- gen bui j=a /АТ II, с.26/ 'Старший из моих сыновей - Джучи, младший из младших сыновей - Отчигэн'; Yisün örlüg=üd=ün minu nigen inu ügen barilduŋu irekülen čiqula sanam j=a gebe /АТ II, с.49/ 'Думаю, следует послать одного из восьми моих орлюков передать /мои/ слова'; ... ene qoyayula=yin nigen inu sayın bolbasu nigen inu maŋu bui kemegsen=dür ... /АТ II, с.77/ '... Если один из этих двоих поправится, другому станет плохо...';

8) к родительному выделительному близок по значению родительный превосходства; например: ... Jirŋalang=un sayın ali bui kemebe- sü, Jüci ögülerün ... Jirŋalang=un sayın ene aqı kemeñ ögülejüki /АТ II, с.56/ '... когда спросил: «Какое из наслаждений лучше?», Джучи ответил: «Это и есть лучшее из наслаждений»;

9) имя как объект действия со стороны другого имени со значением процесса действия: Tere üge=yin tayilburi inu yurban edür ese olŋu ... /АТ II, с.35/ 'Три дня не находил объяснения тем словам ... (букв. объяснение тех слов)'; ... qara bulŋan daqu=yin čin=u gariŋu... /АТ I, с.48/ 'за /в ответ на/ твою черную соболью доху...'; ... tere üge=yin qariŋu Toŋorıl Ong qaŋan ögülerün /АТ I, с.53/ '... в ответ на те слова Тогорил Онг-хаган сказал ...';

10) предмет как орудие или средство для действия: miŋui qariyaçaŋai qoyar=un ŋal=iyar tüyi- meridŋu abubai /АТ II, с.46/ Букв. 'Устроили пожар огнем кошек и ласточек и взяли /город/' (т.е. подожгли дома с помощью кошек и ласточек, к ногам которых привязывали и поджигали вату);

11) в отличие от современного языка, где в определительных сочетаниях предмет-определение, являющийся материалом для предмета определяемого, имеет форму основы, в языке "Алтан тобчи" он нередко оформлен показателем родительного падежа, например: Qubilai Sečen qaγan pagsba blam=a=dur altan kiged subud=un kerse debel... ergübei /АТ II, с. II4/ 'Хубилай Сэчэн-хаган преподнес Пагба-ламе золотую в жемчугах одежду священнослужителей'; Jil neretü noyan qula qaljan mori, kerem=ün degel, ölügci gegüü unaγatai ene γurban beleg=i bariju jolyaba /АТ I, с. I06/ 'Князь по имени Джил приветствовал, преподнес три подарка: саврасого коня со звездочкой на лбу, беличью шубу и кобылицу с жеребенком'; ...qada=yin qabirγayin sang=ača dung būriy=e=yi abubai /АТ II, с. I82/ '...из сокровищницы [в] боковой [части] скалы взяли трубу из раковины - дунг-бурэ' (ср. у Шагдара: "хавирган сангаас" - хавирга[н] 'ребро, бок, боковая часть чего-л?').

Разумеется, перечисленными значениями не исчерпывается все семантическое многообразие родительного падежа.

Большинство послелогов также управляют родительным падежом, например: oduγsan=u qoyina 'после того, как отправился'; dalai=yin dunda 'среди моря'; aγula=yin emüne 'перед горой'; quraγsad=un dotura 'среди собравшихся'; šerig=ün urida 'до воинов' (букв. "ранее воинов"); tusa=yin tula 'ради пользы', ger=ün dergede 'рядом с юртой' и др.

Местный падеж

По мнению многих алтаистов, местный падеж был присущ древнемонгольскому языку и уже на очень раннем этапе стал архаичным, сохранившись в классическом языке в падежных формах некоторых слов и послелогов типа γaγar=a 'на земле', dotur=a 'внутри', γaγur=a 'между' /I6, с. 95-96; 69, с. 39/.

Считается даже, что "аффикс =a, =a в монгольских языках может быть выделен лишь как омертвелый формальный элемент в словах dotura, degere и что, возможно, этот элемент и не имел никакого отношения к падежной парадигме" /I07, с. II4/. Однако текст "Алтан тобчи" свидетельствует о несостоятельности подобного рода предположений, так как местный падеж представлен здесь довольно широко и употребляется в самых различных значениях.

Показателем этого падежа является гласный =a/=e, которому в ряде тюркских языков соответствует =ga, а в тунгусо-маньчжурских =a /I6, с. 96; 74, с. I68/.

По предположению Б.А. Серебренникова, "в тюркских языках древнейшей поры... существовали два самостоятельных дательного-направительных падежа. Один из них имел окончание =к, другой - окончание =а/=е" [82, с. 69, 71]. Оба эти падежа обнаруживаются как в огузских, так и в кыпчакских тюркских языках. При этом в языках огузской группы использовался дательный-направительный на =а, =е, а в языках кыпчакской группы возникла новая форма дательного-направительного падежа, представляющая собой контаминацию двух форм: дательного-направительного на =к (=q), =g (=ɣ) и дательного-направительного на =а, =е. Однако и в "кыпчакских языках сохраняются реликты дательного-направительного падежа, лишенного элемента к" [82, с. 69], т.е. употребляется форма на =а/=э.

Данные монгольского языка XIII в. свидетельствуют о том, что падеж на =а/=е был тогда широко распространен и употреблялся наряду с другими падежами.

Показатель местного падежа, как предполагалось, наращивается только на основу с конечными согласными р и н, а поэтому свойствен ограниченно-частной лексики [74, с. 168].

Анализ текста снимает эти ограничения: согласных, после которых может следовать данный показатель, гораздо больше, а круг слов, употребляемых в местном падеже, сравнительно широк и не ограничен только локативными значениями.

Падежный показатель =а/=е присоединяется к следующим основам:

- = d - noyad=a 'князьям', köbegüd=e 'сыновьям';
- = ɣ - Deligün bolday=a büküi=dür 'когда были в урочище Далигун-Болдаге';
- = l - jil=e 'в год', aral=a 'на острове';
- = n - qalayun=a 'в жару', arban=a 'десятого числа';
- = r - qoyar=a 'двоим', edür=e 'в день';
- = s - ulus=a 'в стране';
- = i - moyai=a 'змее'.

Имена в местном падеже обозначают:

- 1) в р е м я д е й с т в и я: Basa taulai jil=e jüci=yi barayun yar=un berig=üd=iyer irgen=dür morilayulbai [АТ II, с. 21] 'А также в год зайца отправил Джучи с правым крылом войска к лесному народу'; ɣutaɣar söni edür=e... beu=e inu ɣarɕuqu [АТ II, с. 44] 'На третий день ночью... тело его исчезло'; ... Jun=u terigün sarayin arban jiryun=a ulayan tergel edür negübe [АТ I, с. 65] '...Отправились в шестнадцатый день первого

летнего месяца, в полнолуние'; Sutu boyda Cinggis qayan döbin tabun nasun=a qayan oru sayuba /AT I, с. 27/ 'Мудрый святейший Чингис-хаган воссел на ханский престол в возрасте 45 лет';

2) место действия: Qori tümed=ün Qorildai mergen=ü ökin Ariy usun=a törügßen Alun you=a=yi Dobu mergen=ü abuysan yosun teyimü bölüge /AT I, с.9/ 'Вот так Добу-мэргэн взял себе в жены Алун-гоа, дочь хори-тумэдского Хорилай-мэргэна, родившаяся в Ариг-Усуне'; Terigün Onan=u Deligün bolday=a бүкүй=dür... /AT I, с.49/ 'Когда были в [урочище] Дэлигун-Болдаге в верховьях Онона...'; Tendeçe ködelüged takiy=a jil=un namur Tuγula=yin qara tön=e (siγui=e) ordun=dur baγuba /AT II, с. 86/ 'Двинулись отсюда осенью в год курицы и остановились во дворце [в Верховной ставке] в густом лесу на реке Тугула [Тола]';

3) направление действия: ... dayisun=a yabuysan kümün /AT I, с.96/ '... человек, пришедший к врагу...'; Örgen=e ki nutuylam geγü iretele ... /AT II, с.177/ 'Пришли, говоря: "Будем кочевать по Ургэни ..."';

4) причину действия: ... Ji Boroqul ere kümün yauçaqan sümün=e unaday buyu /AT I, с.102/ '... Эй, Борохул, разве мужчина падает от одной стрелы?'; ... engke törü, erdeni šasin nom. batulan bariysan ordu qarsi, qota balayasan Jayayan=u küčün=e aldabai /AT II, с.180/ '... волей (букв. силой) судьбы лишился мирного правления, учения драгоценной религии, крепко построенных дворцов и городов';

5) лицо, в пользу которого совершается действие или к которому обращаются: Dobu mergen=e ögbe /AT I, с.10/ 'Отдал Добу-мэргэну'; Kereyid=ün Toyoril qayan=a Ong ner=e ögbe /AT I, с.82/ 'Кереитскому Тогорил-хагану пожаловал титул вана'; Cinggis qayan=a. Öge-len üjin=e. Qasar yurban=a Sečen beki nigen түсүрге түсүрjүкүй /AT I, с.77/ 'Сэчэн-бэки преподнес [по] чарке всем трои: Чингис-хагану, Огэлэн-уджин [и] Хасару'; Çayadai=a nayiman mingyan irgen ögbe, Ögedei=e tabun mingyan irgen ögbe, Tului=a tabun mingyan irgen ögbe, Qasar=a dörben mingyan irgen ögbe, Alçidai=a qo-yar mingyan irgen ögbe, Belgetei=e nigen mingyan tabun Jayun irgen ögbe /AT II, с.26/ 'Отдал Чагадаю восемь тысяч человек, Угэдэю дал пять тысяч человек; Тулюю дал пять тысяч человек; Хасару дал четыре тысячи человек; Алчидаю дал две тысячи человек; Бэлгэтэю дал одну тысячу пятьсот человек'; Sirgetü ebügen Cinggis qayan=a ögülerün... /AT I, с.III/ 'Ширгэту-эбүгэн сказал Чингис-хагану ...'; Tendeçe Cinggis qayan qayan bolju Boyorçi Jelm=e

qoyar=a ügülerün... [AT I, с.73] 'Чингис-хаган, став хаганом, ска- зал Богорчи и Джэлмэ...';

6) лицо, вместе с которым соверша- ется действие. Употребление местного падежа в данном значении несколько необычно: естественнее было бы ожидать здесь совместный или соединительный падежи. Примеры с таким значением немногочисленны: Urida doluyan qongqatan=a üge negedjü yabuba [AT II, с.95] 'Раньше он был в стоворе с семью хонгхотанами'; Altan, mönggün, subud tanas, torqud, naşın, dardas, ayurasun abuyad ire- jü, iduqud, boyda Cinggis qayan=a ayuljaba [AT II, с.21] 'Идухут прибыл, привезя с собой золото, серебро, жемчуг, перламутр, шел- ковые товары, кречетов, цветные ткани и разную утварь и предста- вился (букв. встретился) святейшему Чингис-хагану';

7) реального исполнителя действия при наличии глагола в форме страда- тельного залога: Belgetei=e üllü ilaydaqu bölüge [AT I, с. 87] 'Не побежден Балгэтэем'; ...biden=ü qarayul=a üldegdejü, ayula ögede dutayaqı bolun [AT I, с. II9] '... был преследован нашим караулом и бежал в горы'; Urida Qorai noyan Quduy=a beki qoyar tümed=e bariydaju... [AT II, с. 24] 'Еще прежде Хорчи-нойон и Худуга-бэки были схвачены тумедами...';

8) обстоятельства, при которых со- вершаются действия: noyitan=a nobsildaju küyiten=e köbsildüjü yabubai j=a [AT I, с.142] 'В ненастье мокли, в холод вместе коченели'; Yerü basa qalayun=a ungyasun dotura kebtegeen kümün ker dayusqu ajuu [AT I, с.43] 'Вообще в такую жару как мо- жет вытерпеть человек, лежа внутри [воза] шерсти?';

Сюда же можно отнести причастие в будущем времени, а также и причастие в несовершенном виде с отрицанием edüi~edüküi 'еще не' в местном падеже, поскольку они указывают на цель или время совершения действия: Ejen esekci=yin dumda sayuqi=a jabduysan=dur öcigen ejen=ü bey=e=eşe tataşad debişker=ün jaq=a= du sayuljaba [AT I, с. 77] 'Когда государь намеревался сесть на середину войлока, Очигэн потянул хана и усадил на край под- стилки'; Quildar yaran=iyan anaş=a edüküi=e Cinggis qayan itşabası ulu bolun görögesü=dür dobtulqu bolun ügderejü nöğöbe [AT I, с. 136] 'Когда еще не зажила рана, Хуйлдар, не послушавшись запрета Чингис-хагана, поскакал за дичью, болезнь [его] обострилась, и он скончался';

9) предмет как объект действия: kne ber qayan eşişe cımayı şayan=a şaşabası qara=da qaşabası [AT I,

с.125/ Это когда ты, хаган-государь, поперхнешься белым и пода-
вишься черным' /поговорка "когда захлебнешься белым (т.е. молоч-
ной пищей), когда поперхнешься черным (т.е. постным мясом)" оз-
начает "когда умрешь"/; Ene öngge minu tan=u čerig=ün toyosun=a
kirtübei /АТ II, с.98/ 'Красота моя (букв. цвет мой) запятналась
пылью ваших воинов' ;

10) местный падеж со словом kürtel . Эта деепричастная по происхождению форма в современном
языке грамматикализировалась в виде послелога со значением "до",
она не требует от управляемого слова падежного оформления: хүү-
хэд багачуудаас аваад өвгөд хөгшид хүртэл /Цэв., 741/ 'От детей
до стариков' .

В "Алтан тобчи" kürtele сохраняет свой глагольный харак-
тер и управляет наряду с дательным-местным также местным падежом,
например: Činggis qaγan tede tayičiyud=i uruγ=un uruγ=a kürtele
ünesü=ber keyisken kidübe/АТ I, с. 96/ 'Чингис-хаган развеял
по ветру пепел тех тайчигудов вплоть до потомков их потомков';
Амаqai=yi ükübe kemen Ögelen=e kürtele eyin kemegdekü bolba
/АТ I, с. 33/ 'Теперь, когда Амахай умер, даже Огэлэн (букв.
вплоть до Огэлэн) стала так разговаривать' .

Из приведенных примеров видно, что круг значений данного
падежа включает кроме локативного и другие значения. Эти значе-
ния почти полностью совпадают со значениями дательного-местного
падежа на =dur/=tur (=du/=tu), который существовал и в прошлом.

Казалось бы, есть все основания считать, что мы имеем де-
ло с особым показателем одного и того же дательного-местного паде-
жа, который впоследствии исчез, передав свои функции показателю
=dur/=tur(=du/=tu) (в современном монгольском - =д, =т).

Однако факты свидетельствуют о том, что падеж на =а/=е
не исчезал из языка, а лишь сузил свое значение до локативного.
Он не только сохранился в древних послеложно-наречных формах,
но и стал весьма продуктивным в современном письменном языке,
где выражает местное значение, почему мы и сохраняем за ним на-
звание "местный". Падежный показатель =аа (=ээ, =оо, =ее) упо-
treбляется ныне после основ на =н. Для иллюстрации приведем не-
сколько примеров на употребление данного падежа в современном
монгольском языке на материале газеты "Утга зохиол урлаг": Тэ-
гээд бид хоёр аниг чимээгүй газар сууж шүлэг бичихээр зохиолчдын
хорооноо очив 'Потом мы отправились в Союз писателей, чтобы в тии
не написать стихи'; Тэр нэг үдэш нар баруунаа хэлбийсэн цагт...
'Однажды вечером, когда солнце клонилось к западу...'; "Фауст"

дуурь манай тайзнаа 'Опера "Фауст" на нашей сцене'; 1932-37 онуудад монгол хэлнээ орчуулагдсан орос-зөвлөлтийн зохиолчдын шилдэг зохиолууд 'Избранные произведения русских и советских писателей, переведенные на монгольский язык' и др.

Дательно-местный падеж

Показатель данного падежа представлен в "Алтан тобчи" всеми известными в монгольских языках разновидностями:

=dur (=dūr): qaγan=dur 'хагану', üge=dūr 'слову';

=tur (=tūr): γar=tur 'в руке', üges=tūr 'на слова';

=du (=dū): qaračin=du 'харачину', eġen=dū 'господину';

=tu (=tū): Qasar=tu 'Хасару', öndür=tū 'на возвышенности';

=da (=de): ċima=da 'тебе', eke=de 'матери';

=ta. (=te): qadud=ta 'на скалах', öndüd=te 'на высотах'.

Как известно, употребление d/t регулируется конечным звуком основы слова: d следует после гласного и согласных l, m, n, а t- после остальных согласных [16, с. 96; 74, с. 164].

Что же касается наличия трех вариантов - =dur, =du, =da и общности их происхождения, то здесь нет единства взглядов среди исследователей.

По словам Г.И.Рамstedта, =r в =dur "представляется совершенно загадочным, ибо, насколько до настоящего времени известно, ни один из современных живых языков не знает окончания =dur" [69, с. 43].

Если признать изначальным существование суффикса =dur, возникает вопрос, являются ли варианты без=r (=du, =da) следствием выпадания последнего в =dur или же они развивались параллельно, как полагал А.Бобровников: =dur, =tur в языке книжном, a =du, =tu, =da, =ta в языке разговорном [16, с. 96].

В тексте "Алтан тобчи" форма на =du встречается значительно реже, чем на =dur.

В памятниках монгольской письменности XIV в., например, =du/=tu не встречается как показатель дательно-местного падежа, тогда как показатель =dur/=tur представлен довольно широко [IIО, III; II2; II3; 36]. В языке XVII в. встречаются одни и те же слова с разными формантами, но с одним значением, например: eġen=dūr и eġen=dū 'господину', qaγan=dur и qaγan=du '[к] хагану'.

Можно предположить, что показатель =du, =tu является усеченной формой =dur. Но каким образом из =dur мог образоваться формант =da/de, который, судя по формам наречий erte 'давно', ende 'здесь' и др., также принадлежит к древним образованиям?

Г.Д. Санжеев считает =da/=ta, =du/=tu поздними вариантами архаичного =dur/=tur, которые утратили конечный =r. В связи с этим гласные а-е, u-ü признаются "местными вариантами одной и той же фонемы, которая произносилась различно в раннее время, так же как она произносится различно и теперь" [74, с. 167].

Однако можно допустить и то, что =da/=ta является весьма древней параллельной с =dur/=tur морфемой, возникшей в монгольских языках, видимо, в результате заимствования из древнетюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da/=de. С этим, по всей вероятности, связаны и наличие в древнем и классическом монгольском языке двойной дательно-местно-исходной формы от =da/=ta (=daca/=taca)⁸ и невозможность образования ее от =dur/=tur или =du/=tu.

Полифункциональный показатель =da/=ta был первоначально и суффиксом таких древних слов с пространственно-временным значением, как erte 'рано', ende 'здесь', sönide 'ночью'. Впоследствии по аналогии с =dur/=tur, =du/=tu этот суффикс стал употребляться и в значениях, свойственных этим падежным показателям. Примеры подобного рода можно найти в памятниках XIV в.: busud=ta 'другим', tngri=de 'небу' [111, с. 73, 76]; kedün tümed=te kürtele 'до нескольких десятков тысяч' [112, с. 153]. В АТ, хотя =da/=ta и встречается нечасто, уже перестал быть принадлежностью только наречий и послелогов, а присоединялся и к именам⁹, например: ...köbegün inu Inalči=da Sečeyegen=i ögbe [АТ II, с. 22] '...его сыну Иналчи отдал [дочь] Сэчэйтэн'; Ögelen eke=de...ögbe [АТ, I, с. 83] 'Отдал... матушке Огэлэн'; Jamuq=a=da gür=sa ergübei [АТ I, с. 88] 'Джамухе пожаловал [звание] гур-хана'.

Как =dur/=tur, так и =da/=ta встречаются в безличных притяжательных формах =dur=ıyan/=tur=ıyan, =dayan/=taγan: Basa Alun γou=a köbegün=degen surγal ögülerün [АТ I, с. 12] 'Алун-гоа снова сказала поучение своим сыновьям'; ...degüü=degen cımada γuyısu kemejü... [АТ I, с. 8] '...попрошу [ее] для тебя, своего младшего брата, - сказал [он]...'; Taulai kirγuyul=ıyan miq=a=yı qubilan qubıyaγu abqui=dayan... [АТ I, с. 25] 'Когда делили (букв. при своем делении) мясо зайцев и фазанов...'; ...döcın γurban nasun=dur=ıyan... tngri bolba [АТ II, с. 113] '...скончался

⁸ Подробно об этом см. в разделе "Двойные падежи".

⁹ Следует отметить, что =da в отличие от =dur и =du не употребляется с причастными формами.

в возрасте 43-х лет'; ...siraynaur ulus=i erke=dür=iyen oruylju
 /AT II, с. 180/ '...подчинил своей власти народ ширайнаур...';
 Altan Qučir Sečen=beki ta qoyar ögülegsen üges=tür=iyen kürün...
 /AT I, с. 74/ 'Вы Алтан Хучир и Сэчэн-бэки сдержите свои слова
 (букв. до сказанных своих слов достигнете)'; Altan=u degüü Yeke
 Cerin ger=tür=iyen irejü ögülerün... /AT I, с. 127/ 'Младший брат
 Алтана Екэ Чэрин, придя к себе в юрту, сказал...'.
 Безлично-притяжательная форма =dur=iyen/=tur=iyen зафиксиро-

вана и в более древних памятниках монгольской письменности
 (XIII-XIV вв.), например: ger=tür=iyen 'в свою юрту' /36, § 28/;
 dalan doluγan nasun=dur=iyen 'в свои семьдесят лет', eke=dür=iyen
 'своей матери', ejen=dür=iyen 'своему господину' /III, с. 75;
 IIО, с. 66/.

Параллельное использование этих двух падежно-притяжатель-
 ных форм также может быть аргументом в пользу древнего сущест-
 вования двух показателей: =dur/=tur и =da/=ta.

Как любой локатив, дательно-местный падеж обозначает мес-
 то, направление, адресат действия, время, причину. Его значения
 во многом сходны с разобранным выше местным падежом, почти пол-
 ностью уступившем в современном языке свои функции дательно-
 местному.

Дательно-местный падеж передает:

1) место действия: Mön tende Kerülen=ü terigün=
 e Bürge ergi=de бүкүй=dür... /AT I, с. 49/ 'Когда находились там
 же на берегу Бурги у истоков Кэрулэна...'; Onon=u mösün=dür ša-
 yalçaqui=dur tende anda kemeldülüge /AT I, с. 64/ 'Когда [они] иг-
 рали в кости на льду Онона, там и назвались побратимами'; Bodi
 Alay qayan ... qonin jil=un doluγan sara=yin arban=a Jodolung ön-
dür=tü tngri bolba /AT II, с. 179/ 'Боди Алаг-хаган...скончался в
 год овцы в десятый день седьмого ... месяца на возвышенности
 Джодолун';

2) направление действия: Kitad ulus=tur
 ayalaγu /AT II, с. 180-181/ 'Отправились в Китай'; ... naiman čayan
 ger=te Bodi Alay=i mörgügülüged qayan yeke oru sayulyabai /AT II,
 с. 177/ '... велел Боди Алагу совершить поклонение восьми Белым
 юртам и посадил [его] на великий ханский престол'; Eyiñü=yin
 tula qaračin=u noγad ulus=iyen abču Tayicing ulus=tu oruba /AT II,
 с. 192/ 'Поэтому харачинские князья, взяв свой народ, вошли в госу-
 дарство Тайчина';

3) время действия: Erte Pagsba lam=a süm=e ba-
 riqi čay=tur... /AT II, с. 183/ 'В то время, когда Пагба-лама строил

храм...'; Tere qayan-u üy-e=dür törü türsidju .../АТ II, с.179/ 'Во времена того хагана наступило спокойствие...'; ...yücin naiman nasun=dur=iyen moyai jil=e tngri bolba /АТ II, с.179/ '... скончался в возрасте тридцати восьми лет в год змеи'; имена, обозначающие времена года, не требующие в современном языке никакого падежного оформления, стоят в АТ в дательном-местном падеже, например: ... qabur=tur qarayun=a nuγusun=i, namur=tur nuγud yalayun qun cingis qurimalan cinggin bariju... /АТ II, с. 61/ '...весной ловил по дорогам уток, осенью уток, гусей и лебедей и /тогда/ устраивал пир...'

4) причину действия: Degüü inu Ulus Bolad qan orun saγuy=a edüi Ibarai tayisi=yin yar=tur tngri bolba /АТ II, с.176/ 'Его младший брат Улус Болад, еще не взошед на ханский престол, погиб от руки Ибарай-тайши'; Irgen=ü idegen=dür erüsdeju, ulus=un umda=dur soytaju... /АТ II, с.90/ 'От пищи народной мужая, от напитков людских пьянея ...';

5) лицо, в пользу которого совершается действие или лицо, к которому обращаются: Köbegün-i abcu ireju Ögelen eke=de saγuy=a /asar=a/ kemen ögbe /АТ I, с.83/ 'Принесли мальчика и отдали его на воспитание матушке Огэлэн'; Tului=dür Jedei Bala qoyar=i tūsibe, Qasar=tur Jebege=yi tūsibe, Alcidai=dür Čayurqai=yi tūsibe /АТ II, с. 27/ 'К Тулюк назначил Джэдэя и Бала, к Касару - Джэ-бэгэ, к Алчидаю - Чагурхая'; Altan qayan=dur süi vang čola örgübe /АТ II, с. 180/ 'Алтан-хагану пожаловал титул сый-вана'; ...Kelegei Dayun qayan=du ayilatγaba /АТ II, с. 175/ '...Хэлэгэй доложил Даюн-хагану'; ...način bariγad efen=dü kürgebei /АТ II, с. 45/ '...поймав сокола, доставил государю'; Tegüber tere doluyula buri=du Bolad nere ögübe /АТ II, с. 164/ 'Таким образом тем семерым, каждому в отдельности, дали имя Болад';

6) лицо, вместе с которым совершается действие: Qubilai noyan Arslan qayan=i abuyad ireju Boyda Cinggis qayan=dur ayulγaba /АТ II, с.19/ 'Хубилай нойон взяв /с собой/ Арслан-хагана, и встретился с государем Чингис-хаганом'; Kereyid=ün Ong qayan böged, urida Yisügei bayatur=tur saγitur qanilaysan=dur Yisügei bayatur=luγ=a anda kemeldügsen aγuyu /АТ I, с.112/ 'Кереитский Онг-хаган и прежде был в добром согласии с Егугэй-багатуром, и /они/ назвались с Есугэй-багатуром побратимами';

7) субъект, реальный исполнитель действия при страдательном залоге: Ene üge bügüde=dür sonusdaysan bui γ=a /АТ II, с.176/ 'Эти слова

наверное, услышаны всеми'; Tegün=dür ese abtaba /AT II, с.178/ 'Не были захвачены им'; Qoyar kümün=dür ülü deyildékü ci bayıy=a, bi yarsu gebe /AT II, с.178/ 'Я не буду побежден двумя людьми, - ты останься, /а/ я выйду, - сказал он'; Qorin kümün=dü deyildem y=a bi /AT II, с.178/ 'Двадцатью людьми я буду побежден'; Mongyol-un nigen törü oyirad=tu abtaba gekü tere bölüge /AT II, с.130/

Говорят, что так одна монгольская держава была захвачена ойратами';

8) реальный исполнитель действия при побудительном залоге: Tere emе sayın qaltar morin=i tayılıyad Ismel tayisi=du unuyulbai /AT II, с.167/ 'Та женщина отвязала великолепного гнедого с белой грудью коня и помогла (букв. дозволила) Исмэл-тайши сесть на него'; ... Je-gerde qaljan mori=yi inu negüjü abcu yarsu ireged ejen=dü unuyulba /AT I, с.101/ '... привел рыжего с лысинкой на лбу коня и усадил на него владыку'.

Кроме того, имеются и другие, иногда трудно квалифицируемые значения, например: Tere ügen=dür Bodi Alağ qağan ese bolba /AT II, с. 177/ 'Боди Алаг-хаган не согласился с этими словами (букв. тем словам не стал)'; Tere üge=dür Jamuq=a... nököd=tür= =iyen ögülerün... /AT I, с. 131/ 'На те слова... Джамуха сказал своим товарищам...'; Tere üge=dür inu Tomuçin uyılayad yarsu jorçıba /AT I, с. 34/ 'При этих словах Тэмучин расплакавшись вышел (букв. на те слова расплакавшись)'.

Так же как и местным падежом, дательным-местным управляют отглагольный послелог kürtele и послелог adali 'одинаковый, подобный': İigi qutuğ=i ejen=u bayıysan rağar=tur kürtele kögejü irebe /AT I, с. 99/ 'Гнали Шиги Кутугу до земель, где находился государь'; ... morin kümün ber cinu suraqui=dur adali teyimü kümün bi /AT I, с. 14/ 'Есть здесь и человек, и конь, о которых ты спрашиваешь (букв. подобные тому, что спрашиваешь)'.

Орудный падеж

Орудный падеж некоторые исследователи относят к числу падежей более позднего образования, во всяком случае появился он после сложения локативных падежей /69, с. 53; 74, с. 173/. Показателями данного падежа служат =ıyar после основ с конечным согласным и =bar, =yar после основ с конечным гласным. Происхождение этих показателей объясняется по-разному. Г.И.Рамстедт находит в них своеобразное развитие монгольского слова tor 'путь, след' /69, с. 54/.

Считая такое предположение неправомерным, Г.Д.Санжеев раскладывает этот показатель на два элемента: 1) =га, к которому восходит показатель местного падежа, и 2) =р - входящий в состав слов типа деге=р=е 'наверху', доу=р=а 'внизу'. Сочетание этих двух элементов и стало обозначать орудный падеж, восходящий к архетипу =гар~ =гэр (< =гар~ =гэр~ =бар~ =бэр~ =jar ~ =jer) [74, с.172].

Т.А. Бертагаев полагает, что показатель орудного падежа =бар/=бэр, =гар/=гэр/=jar/=jer восходит к корням таких слов, как бар= 'держать' и гар 'рука' (бар=/гар), значение которых вполне может быть осмыслено деривативно, как орудие действия [11, с. 45].

Однако кроме значения орудия действия данный падеж имеет широкий круг и других значений, например места, времени, причины, цели, что сближает его с местным и дательным-местным падежами.

Показатель же местного падежа =а/е < =ja / =ge, как известно, в современном языке развился в долгий ā/ǝ (баруунаа 'к западу', туухнээ 'в истории'. Современный орудный также содержит в своем составе долгий гласный (=аар/=ээр/=оор/=өөр). Поэтому нам представляется более правомерной точка зрения Г.Д.Санжеева на происхождение орудного падежа.

Показатели орудного падежа в других монгольских языках, в частности в баоанском =жалэ и дунсянском =жала [91, с. 21; 92, с. 27], на наш взгляд, лишь подтверждают это предположение. Показатели =жалэ, =жала можно разложить на две морфемы: =жа и =ла/ -лэ. А если учесть известное в монгольских языках чередование л ~ г, их можно также возвести к суффиксам письменного монгольского языка =*jar/ =*ger =yar/=bar.

Орудный падеж обозначает:

1) предмет или лицо как орудие или средство действия: Alcuγudai=yi sūke=ber cokiγu alaba [AT П., с.179] 'Алчугудая зарубили топором'; ... čisun=i amayar simejü... [AT I, с.93] 'Ртом отсасывая кровь...'; ...boyda Cinggis qayan=dur elci ilegejüqü. Abirγ=a Darbai qoyar el-cin=iγer öcejü ilegerün [AT П., с.20] '... послал к святейшему Чингис-хагану послов. Через послов Абирха и Дарбая [он] передал';

2) материал, из которого что-либо делается: Qara bug=a=yin arasun=iyar būrigsen būrkiren būkūi dayu=tu kenggerge=ben deledbe bi [AT I, с.56] 'Я ударил в свой рычащий барабан, обтянутый кожей черного быка'; Gegen qa-

уан ину еркетү жуу Сикемүни бурган=u bey=e erdeni altan mönggün-iyer байуулбай /АТ II, с.184/ 'Тэгэн-хаган воздвигнул статую великого Дзу Шикэмуни (Шакьямуни) из драгоценностей, золота и серебра'; Qubilai Sečen qayan Pagsba blam=a=dur erdeni=ber kil-gegsen orkimji ... ergübei /АТ II, с.114/ 'Хубилай Сэчэн-хаган преподнес Пагба-ламе ... сделанную из драгоценной ткани (драгоценностей) повязку через плечо - орхимджи';

3) лицо или предмет, вместе с которым осуществляется действие: Jurčidai=yi uruyud=iyar ilegerün /АТ I, с.137/ 'Отрядил [к ним] Джурчидай с уругудами'; Basa taulai jil=e Juci=yi baraγun yar=un čerig=ūd-iyer oi=yin irgen=dür morilayulbai /АТ II, с.21/ 'А также в год зайца послал Джучи с правым крылом войска к лесным народам'; Teyin kemeged Jurčidai Quycidai qoyar uruyud mangγud=iyar=iyar Cinggis qayan=u emüne jasaju bayiba /АТ I, с.132/ 'Тогда выстроились перед Чингис-хаганом Джурчидай и Хуйлдар со своими уругудами и мангудами';

4) нахождение или передвижение предмета в том или ином пространстве: Atar Altai=yin belčer=iyer ködeljü ... /АТ I, с.121/ 'Двигаясь по пастбищам ... Атар Алтая'; Uyiyud=un tangγud=un yaJar=iyar biduγu yaburun yadarču... /АТ I, с. 114/ 'Измучились, скитаясь по уйгурским и тангутским землям...'; Belgütei eke=yügen abur=a odju ger=tür inu baraγun egüde=ber oruqi=luy=a eke inu nabtargai nekei debel=tei jegün egüde=ber yaruyad.. /АТ I, с.62/ 'Балгутэй отправился, чтобы забрать мать, но когда он вошел через правую дверь ее юрты, мать его в поношенном овчинном тулупе вышла через левую дверь...';

5) предмет, являющийся средством передвижения: ...in jetei=ber onγuča=bar abču irebei /АТ II, с.47/ 'Привезли на лодках в качестве приданого ...'; Tedüi eñen tolbatu boru morin=iyar=iyar arulan dobtulun güyicejü ... /АТ I, с.97/ 'Тогда государь погнался за ним на своем пятнисто-сером коне ...';

6) период или отрезок времени, в котором совершается действие: Ede yurban merked ekilen yurban jayun aran /kümün/ edür=iyer... odču... /АТ I, с. 60/ 'Эти три меркита и еще триста человек отправились днем...'; Tayiciγud noyad bide, gegen čayan edür=iyer köbčin kümün=i aldaba /АТ I, с. 41/ 'Мы, тайчигуды-нойоны, [при луне, словно] ясным, селым днем, упустили целого человека';

7) предмет, являющийся причиной
какого-либо действия: *Tere sibayun=u dayun
yaruyusan siltayan=iyar Cinggis qayan kemen nereyitdügßen teyi-*
ми bölüge /AT I, с.26/ 'По тому, как кричала (букв. по причине
крика) та птица, нарекли Чингис-хаганом'; *Амауар qayan, Qadayan,
Qutula qoyar=i nereyitdügßen=ber qamuy mongyol tayičiyud Onan=u Qor-*
qoy *ǵigur=tur Qutala=yi qayan bolıaba* /AT I, с.23/ 'Так как Амагар-
хаган называл имена Хадагана и Хутулы, все монголы и тайчигуды,
собравшись на Ононском урочище Хорхог Джигур, избрали хаганом
Хутулу';

8) цель действия:... *egüdügßen=ber ǵobaysan
tan=u tusa ene boluyı* /AT II, с.30/ '... вам, пострадавшим ради
создания, от этого будет польза';

9) предмет как объект действия:...
erdenis=ün ayayan=i eldeb üres=iyer dügürgeǵü qayan=dur soıur-
qaba /AT II, с.183/ '... преподнес хагану драгоценную чашу, напол-
ненную разными дарами'; ... *yoyud manggir=iyar teǵıyegßen köbe-*
güd inu /AT I, с.35/ '... сыновья, вскормленные диким луком-по-
реем';

10) предмет, являющийся стоимостью
другого предмета: *Blam=a=dur ... ǵayun tabun lang=*
iyar egüdügßen mönggün mandalı... ergüǵü mörgübei /AT II, с.183/
'Ламе преподнес серебряное блюдо-мандал ценой в сто пять лан';

II) орудный образ действия - самый
распространенный в количественном отношении и разнообразный по
оттенкам значений в зависимости от лексического содержания того
или иного слова: *Morin inu yurban köl=iyar uke modun qarayıǵu*
yarbai /AT II, с.178/ 'Конь его перепрыгнул через то большое дере-
во тремя ногами'; *Tömücin ǵamuqa=yin ene üge=yi uqan yadaǵu sed=*
iyer bayıǵu qocırǵu... /AT I, с.65/ 'Тэмучин не мог понять этих
слов Джамухи и незаметно отстал...'; *Tere aldaysan kümün uke*
dayu=bar bariy=a=tu ǵinǵıtu /AT I, с.40/ *kümün=i aldaba kemen qayılaqui=*
dur /AT I, с.40/ 'Тот упустивший /Тэмучина/ человек плакал во
весь голос, что упустил человека с колодкой ...'; *Naqu bayan...*
nıshı nilbüsün=bar aǵu sayuqui=dur genetde Boyorǵı kürbe /AT I,
с.46/ 'Когда Наху Баян ... сидел в слезах, неожиданно прибыл Бо-
горчи'.

Любопытно в смысловом отношении следующее предложение:
Cinggis qayan öǵulerun: eke=yi genetde ireküi=lüge ayıqu=bar
ayuba. İceküi=ber iǵebe bi kemeǵü /AT II, с. 38/ 'Чингис-хаган
сказал: "Когда внезапно вошла матушка, я очень испугался. Я

очень устыдился (букв. страхом испугался. Стыдом устыдился)". Орудным падежом здесь оформлены причастия будущего времени, что могло бы означать "испугался, чтобы испугаться", "устыдился, чтобы устыдиться". В переводе на современный язык это сочетание передается словом ихээр 'очень, сильно' с родительным падежом причастия будущего времени, что выражает высшую степень действия;

12) субъект или реальный исполнитель действия при побудительном залоге: Qasar=i dörben kümün=iyer sakiyulju ... [АТ II, с.95/ 'Четырех человек заставили сторожить Хасара...'; Yerü yeke ulus=i Jüde Buq=a qoyar=iyar medegülbe [АТ II, с. 120/ 'Вообще всем великим государством велел управлять Джугэ и Буха';

13) действие, вместо которого желательно другое: ... ner=e=ben quyarayar yasu=ben quyura kele geju ... [АТ II, с.121/ '... вместо того чтобы портить (букв. ломать) свое имя, сломай свою кость (т.е. чем позорить свое имя, лучше сломай свою кость)';

Многие имена в орудном падеже, обозначая орудие или способ действия, превратились в наречия, а затем и в послелоги типа: ači=bar (совр. ачаар) 'благодаря'; qamtu=bar (совр. хамтаар) 'вместе' (об этом см. подробно в соответствующих разделах).

Исходный падеж

Показателем исходного падежа является =аса/=ебе, который рассматривается как сочетание местного падежа =а/=е с древне-монгольским суффиксом =са/=се [69, с. 40; 74, с. 170/.

В письменных памятниках XIII-XIV вв. и даже XVII в. еще можно встретить форму =са [II2, с. 55/], которая в сочетании с местным и дательным-местным падежами образовывала формы =аса и =даба. Кроме того, в памятниках XIII-XIV вв. изредка встречается форма =наса/=небе, которая присоединяется только к основам на =н, при этом =н окончания является как бы повтором конечного =н основы [95, с. 51/.

Основными значениями данного падежа являются:

1) исходный пункт направления: ... qatqulduysan yajar=aça qarin nicubai kemebe [АТ I, с.136/ '... вернулся с места сражения'; Dalan Nemürgen=eçe qalq=a uruу ködeler=ün ... [АТ I, с.136/ 'Двинулся из Далан-Нэмургэна по течению Халхи ...'; Jebe tayiciyud=aça iregsen yosun teyimü [АТ I, с.96/ 'Вот так и пришел Джэбэ от тайчигудов';

2) лицо или место, у которого или откуда что-либо изымается: Börte üjin=iyeu jolyaldu,ju merked=ece abuysan yosu eyimü buyu [AT I, с.60] 'Вот так он встретил свою Бортэ-уджин и отобрал [ее] у меркитов'; ... sang=aça dung büriy=e=yi abubai [AT II, с.182] '... из сокровищницы взяли трубу из раковины - дунг бурэ';

3) лицо, у которого о чем-либо спрашивают: Činggis qayan Quyildar Sečen=ece asaγur=un ... [AT II, с.60] 'Чингис-хаган спросил у Хуйлдар Сэчэна ...'; Yisügei bayatur Tömücin=i yisun nasutu bukui=dur Ögelen üjin=ü törküd olqonud irgen=ece ökin yuyisu kemejü, Tömücin abuγad jorčibai [odbai / [AT I, с.28] 'Когда Тэмучину было девять лет, Есугэй-баγатур отправился [с ним] к родичам (букв. родственному племени) Огэлэн-уджин олхонутам просить у них девушку [для Тэмучина]'; Tede Tünggelig yoruqan=a бүкү irgen=ece teyimü nigen kümün teyimü mori=tu bölüge keme surabasu tede irgen ögülerün... [AT I, с.14] 'Когда спросил у людей, находящихся на речке Тунгэлиг: "Был ли [там] такой-то человек с таким-то конем?" - те люди сказали...';

4) лицо как источник чего-либо: qad=un ijaγur anu tegün=ece bolbai [AT I, с.2] 'От него пошел ханский род'; qayan=aça ekilen cöm bügüde kiyud yasutai [AT II, с.190] 'Начиная с хагана все до единого были кости Хигуд';

5) целое, от которого берется часть: Sartayul=un oljan=aça qubilai köbegün=dür yeke=yi inu ögbe [AT II, с.86] 'Из сартагульской добычи большую часть отдал мальчику Хубилаю'; Edür bariγulaysan nuγusun=aça ögcu ösüg uγju ... [AT I, с.14] 'Отдавал им часть [из] уток, пойманных днем, и пил кумыс ...'; kebteγül=ece qoyar kümün oruγu tösürge barituyai nemebei [AT I, с.159] 'Пусть войдут два человека от кэбтэгулов и держат чан с вином';

6) отставание, удаление от кого (чего)-либо: Jamug=a=aça qayaçaγu Činggis qayan=dur iγebe [AT I, с.76] 'Отделились от Джамухи и пришли к Чингис-хагану'; Uruγ eligen=ece qayaçabasu ... [AT II, с.39] 'Если отделишься от родни...'; Ögelen üjin ... idegen=ece qoγdayulbasu ... [AT I, с.32] 'Когда Огэлэн-уджин ... заставили опоздать к трапезе (букв. от трапезы) ...';

7) перед глаголами ayuqu 'бояться', čöcimdaq 'испытаться', uyidaqu 'скучать': qamtu=dar yabubasu dayisun=aça yaγun=du ayuqu bile [AT I, с.106] 'Если идти всем вместе, чего же бояться врага?'; ... noqai=aça čöcimdaqai bui [AT I, с.30] '... боится собак'; Edüge biden=ece uyidaqu čay inu bolba [AT I, с.66]

‘Теперь настало время скучать с нами (букв. от нас)’; Oḡuḡu keb-teḡu üjegdeküi=ece ayuḡu usun=u qarkı=dur gederkü kebteḡu... [АТ I, с.40] ‘Он лежал в заводи на спине, боясь, чтобы [его] не увидели’;

8) лицо или предмет, с которым сравниваются другие: Ayıl=dur=ıyan alay biru=yun=aça nomıqan yabuḡad... [АТ II, с.67] ‘В своих аялах будьте тише пегих телят ...’; Tömişin=ece inu nıgen nasun eke ecegen [ileḡü] arban nasutu aḡuḡu [АТ I, с.30] ‘Возрастом она была десяти лет, на год старше Тэмучина’; Barılduḡ=a Bartaḡan bayatur=un köbegün=ece alus [АТ I, с.87] ‘В борьбе превосходнее сыновей Бартан-багатура’;

9) значение “к р о м е”: Segünden=ece busu nöḡür ügei segül=ece busu cöcige ügei bölüḡe [АТ I, с.36] ‘Нет друга, кроме тени, нет кнута, кроме хвоста’; Muluḡı bayatur ayurlayad boyos gegüü unuḡsan=açe qoyosun yaḡakiḡu qariy=a geḡü keleḡüküi [АТ II, с.177] ‘Мулучи-багатур рассердился: на чем же ехать, кроме жеребой кобылицы, как же вернуться ни с чем’;

10) п р и ч и н а: Argalı uyulḡa=yin mıqan=i qubilan qubiya=qui=aça ulam, alaldun teskindün qayaçam ta [АТ I, с.24] ‘Из-за де-лежа мяса самок и самцов архаров, учиняя [между собой] драки и убийства, разъединяетесь вы’; Köbegüd=i minu yeke ülü bolqui=aça yekes=ün kesig bileḡür sarqud=aça yaḡın qoḡıdayulıḡui ta [АТ I, с.32] ‘Сыновья мои еще не стали большими (букв. из-за того, что не стали), [и поэтому] вы лишаете меня части приносимых в жертву кушаний’;

11) н а ч а л ь н ы й м о м е н т д е й с т в и я: Erte edür=ece tatar irgen eciḡes ebüḡes=i biden=ü baraysan bölüḡe [АТ I, с.116] ‘С давних пор татары истребляли наших отцов и дедов’; Tere qayan=aça yurbaḡ üy=e boluḡsan=dur... [АТ I, с.6] ‘[Со времен] того хана сменилось три поколения ...’; Qoyına Toyun Temür=ece inḡıysı saḡın tasuraḡu onça kilinçe ber yabuḡu bölüḡe [АТ II, с.183] ‘Затем, начиная с Тогун Тэмюра и до сих пор вера прервалась и [монголы] пребывали только в грехе’;

12) м е с т о п р и л о ж е н и я д е й с т в и я: Borte üḡin qonoycın qoyar Tömişin jiluy=a şulbuyur=aça barıḡuqui [АТ I, с.59] ‘Бортэ-уджин и Хоногчин ухватились за поводья [коня] Тэмучина’; ḡulan qatun=a yar=aça barıbai [АТ II, с.95] ‘Брал за руки Хулан-хатун’;

13) с у б ь е к т: Erkitu qormusta tıḡrı=ece eḡen boyuda=dur erten=ü bayan=u küşün=ber erdeni qas ayayın=dur rasiyan araki düşirken soyurqabai [АТ II, с.1] ‘Всесильный Хормуста-тэнгри за

прежние добродетели пожаловал государю владыке драгоценную яшмовую чашу, полную вина рашияны'; Kebtegül=ece cirbi=luγ=a ayurasu tügegeldütügei kemebei [AT I, с.160] 'Кэбтэгулы вместе с чэрби пусть распределяют товары'.

Совместный падеж

Показателем совместного падежа является =tai (а также =tu), распространенный (с небольшими фонетическими отклонениями) почти во всех монгольских языках. В монголоведении существует мнение, что этот падеж возник относительно недавно (XII-XIII вв.)¹⁰ по сравнению с другими падежами [74, с.174].

В АТ совместный падеж встречается довольно редко, так как в комитативном значении употребляется еще один – соединительный падеж.

Совместный падеж обозначает:

1) лицо или предмет, вместе с которым осуществляется действие: Tegün=dur Siğüsidei yučin nükür=tei eçibe [AT II, с.144] 'Шигушидэй отправился к ним с тридцатью товарищами'; Bodi Alay qayan=dur qorçin tümen=ü bayatur Muluçi boyos qulayçi gegütei irejü üge ayilat-γaba ... [AT II, с.177] 'К Боди Алаг-хагану прибыл Мулучи-багатур из хорчинских тумэнов на [с] саврасой жеребой кобылице (букв. с кобылицей) и доложил ...';

2) лицо или предмет, которым обладает другое лицо или предмет: Erte edür=ece bide qongkirat irgen qaçar you=a qatud=tai öngge sayin ökin=tü bölüge [AT I, с.29] 'Мы, хонхираты, с давних времен славились (букв. были с) прекраснoщекими женами и красивыми дочерьми'; Boγda ejen jarliy bolbai. Uge=tei bolbasu öçijü, qosing=tai bolbasu qolbuju γayiyui gele gebe [AT II, с.7] 'Святейший владыка повелевал: "Если есть слова, изложи. Если есть шутка, посмеши" (букв. соедини, свяжи)'.

В первом предложении два слова, выполняющих одну и ту же функцию (qatun=tai, ökid=tü), имеют разные показатели =tai и =tü. Примеров, где =tu выполняет функцию совместного падежа, довольно много. Приведем некоторые из них:... irgen idegetü ulus umda-

¹⁰ В "Комментариях" к "jirüken=ü toltu" данный падеж еще не описывался как самостоятельный, хотя упоминался уже в перечне падежных показателей [57, с.157].

tu bolʹaʹju [АТ II, с.90] букв. 'Сделав народ с пищей, людей с питьем'; ... *örügelen ebür-iyen quʹjuraʹju solʹjir eber=tū bolʹju ...* [АТ I, с.68] '... сломала один рог и стала однорогой...'; *borʹjigidai mergen Mongʹolʹjin ʹju=a gergei=tū bōlūge* [АТ I, с.7] 'Борджигидай-марган был с женой Монголджин-гоя'; *Tömüčin köbegün=i Seng-gün ag=a bolʹaʹju qoyar köbegün=tū bolʹju ...* [АТ I, с.123] 'Мальчика Тэмучина сделал старшим братом Сэнгума и обрел двух сыновей (букв. стал с ...)'.¹

По-видимому, Г.И.Рамстедт не случайно отождествлял формы =tu и =tai, считая =tai <=tu + адъективное =ai [71, с.58, 205], которое и дает возможность широкого употребления имен на =tai в определительной функции^{II}, например: ... *itogeltei, Boroqul Boroʹgci qoyar...* [АТ I, с. 133] '...два надежных [друга] Борохул и Богорчи...'; ...*emegel=tei ʹarun mori...* [АТ II, с. 183] '...сто оседланных коней...?'.¹

Формой множественного числа этих показателей Г.И.Рамстедт считает суффикс =tan как закономерное множественное число на =n от =tai [69, с. 206]. Г.Д.Санжеев видит в =tan цельный и неразложимый суффикс, обозначающий социальную множественность [74, с. 133-134] (подробно о =tan см. в разделе "Множественное число").

Соединительный падеж

Показатель соединительного падежа =luʹa/=lūge является составным. В него входят элемент =lu /=lū, встречающийся в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, и =ʹa/=ge, показатель местного падежа [69, с. 47; 74, с. 174]. Этот падеж имеется только в монгольском классическом языке, ордосском, ойратских и некоторых других диалектах, но отсутствует в халхаском и бурятских диалектах [74, с. 174].

Основное значение соединительного падежа комитативное. Кроме того, он обозначает:

I) лицо или предмет, вместе с которыми осуществляется действие: ... *öte-güs yekes=lūge ulus=un üyile ögüleldesügei kemen ...* [АТ II, с.56] 'Я побеседую о государственных делах со старейшими и великими (людьми)'; *menglig eʹige doluyan köbegün=lūge=ben ireʹjü ...* [АТ II, с.43] 'Мэнлик-эчигэ пришел со своими семью сыновьями'; *Ger=te*

II В современном монгольском языке =tai превратился в омоимичный падежному окончанию суффикс образования имен прилагательных.

erüke totay-a=yin ger=e=lüge oruḡu... /AT I, с.II/ 'Проникал в юрту вместе со светом из дымника';

2) лицо, находящееся с другим в равных отношениях: Kebtegül qorčın=luḡ=a qoyar kü ming-yaḡ bolba /AT I, с.I53/ 'Кэбтэгулы с хорчинами составили всего две тысячи'; Kereyid=ün Ong qayān ... Yisügei bayatur=luḡ=a anda kemeldügseḡ aḡuḡu /AT I, с.II2/ 'Керейтский Онг-хаган с Есугэй-багатуром стали побратимами'; Ong qayān gür qayān abaya=luḡ=a=ban bulḡ=a /dayisun/ bolulčaḡu... /AT I, с.II2/ 'Онг-хаган со своим дядей гур-хаганом стали врагами'; qad=luḡ=a saḡaḡu bui kemēn /AT II, с.58/ 'Думает, что /она/ наравне с ханами';

3) предмет как чья-либо принадлежность: Eke=de Ötcigen=ü gubi=luḡ=a tümen=1 ... ögbe /AT II, с.26/ 'Матери вместе с долей Отчигина дал десять тысяч человек (подданных)...'; Yeke auḡ=a kücün=lüge соḡtu törügseḡ ... boḡda cinggis qayān minu /AT II, с.II/ 'Блистательнорожденный с великой силой ... святейший Чингис-хаган мой'; Eldeb ḡaran ḡigür=lüge te-güsügseḡ yeke kücütü Garudı minu /AT II, с.I4/ 'С многими крыльями сильная /птица/ Гаруди (Гаруда) моя';

4) время действия со значением "когда" при сочетании с причастием будущего времени: Ger=sur inu oruḡui=luḡ=a Torḡan Sira ögülerun /AT I, с.42/ 'Когда /он/ вошел в его юрту, Торган Шира сказал'; Naran uruḡui=luḡ=a kür-beḡü ... /AT II, с.37/ 'Достигла с восходом солнца...';

5) локальное значение, встречающееся в единичных примерах:... naḡadu ḡayadu=luḡ=a qatqulduḡui=dur, naḡin songḡur meḡü doḡolin doḡtulun oruḡuḡı külüḡ Boḡorčı minu /AT I, с.I95/ '... когда сражаешься /с врагом, находящемся/ по эту и по ту сторону, то нападаешь подобно кречету, доблестный (кулук), Богорчи мой!';

Двойные падежные формы

Двойные падежные формы встречаются во всех монгольских языках и диалектах. Так еще А.Бобровников указывал, что "при одном имени бывают окончания двух различных падежей" /16, с. 100/.

Ученые отмечали наличие двойных падежных форм в бурятском, калмыцком, дунсянском, монгорском языках /73, с. 95-96; 72, с.53; 90, с. 59, 76; 91, с. 22-23/ и "почти во всех монгольских диалектах" /74, с. 177/.

В монголоведении имеется и другая точка зрения, согласно которой первый из двойных падежных показателей выполняет слово-

образовательную функцию и не может считаться падежной морфемой, а потому имеется только одна падежная форма, присоединяемая к производной основе [32, с. 35-45; 44, с. 56]. Однако с этой точкой зрения трудно согласиться, так как языковые факты свидетельствуют, что первый из двух падежных показателей не является словообразовательным [55, с. 179-181].

Двойные падежные формы зафиксированы и в "Алтан тобчи". К ним относится употребление совместного и винительного падежей: Sigüsidei ong=yi ekilen Olqui mergen arban nökürtei=yi alaba [АТ II, с. 144-145] 'Убил Шигушидэй-онга (букв. начиная с Шигушидэй-онга) вместе с десятью товарищами [среди которых был и] Олхуй-мэргэн'; ...degü ner kegüked=tei=i doluyula=yi alabai [АТ II, с. 156] '... убил младших братьев с детьми [всего] семерых'; Guyilinöi baɣatur Sigüsidei=yin emegel=ün uridu bögürge dabqur quyaɣ kürjetei=yi nehte qoyitu bögürge degere sayutala qarububai [АТ II, с. 131] 'Гуйлинчи-багатур пробил насквозь у Шигушидэя переднюю луку седла и двойной панцирь со щитом (букв. лопатой), так что тот осел на заднюю луку'; Toɣ=а асаqun kümün=i kebtægül tere edür unuɣsan aɣta emegel qaɣaɣar=tu=yi emesügsen qubcisun selte=yi kebtægül abtuɣai [АТ I, с. 157] 'Кэбтэгулы пусть отбирают верхового коня, седло с уздечкой, одежду и все прочее у людей, которые будут интересоваться числом кэбтэгулов'.

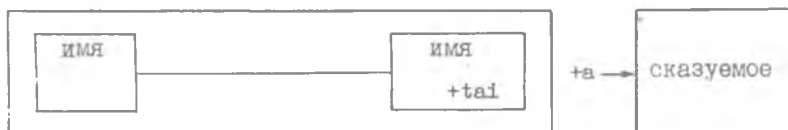
В приведенных примерах слова nökür 'друг, товарищ', kegüked 'дети', kürje 'лопата' (здесь 'щит'), qaɣaɣar 'уздечка' оформлены двумя показателями: =tei/=tu и =yi/=i. Формант =i/=yi - это показатель винительного падежа, употребляемого для обозначения объекта действия - прямого дополнения; =tei (=tu) тоже не является словообразовательным суффиксом, так как словоформы nükür=tei 'с товарищем', kegüked=tei 'с детьми', kürjetei 'со щитом', qaɣartu 'с уздечкой' не могут быть прилагательными ни по своему вещественному значению, ни по той функции, которую они выполняют в предложении. Эти словоформы имеют лишь конкретное вещественное значение имени существительного.

В таких случаях в одной словоформе содержится два синтаксических значения, а само имя-дополнение обладает двусторонними связями. Показатель винительного падежа служит признаком того, что данная словоформа является прямым дополнением, объектом действия, выраженного глагольным сказуемым. Совместный же падеж обозначает, что данное дополнение является в то же время лицом или предметом, совместно с которым осуществляется действие. Схематически это можно представить следующим образом:

Совместный падеж встречается также в сочетании с местным на =а: *naḡan=ṡ ḡaltai=a kebtegül=e ḡayilaḡu ḡadan=a ḡarṡu qonut-qun* [АТ I, с. 156] 'Как только солнце зайдет (букв. при наличии огня солнца), [они] пусть уступают место кэбтэгулам и ночуют во дворе'.

В этом случае в одной словоформе выражаются объектно-обстоятельственные отношения. Показатель совместного падежа указывает, что данное имя является принадлежностью другого имени в родительном падеже, показатель местного падежа – на время, когда надлежит совершиться глагольному действию. Схематически это выглядит так:

Несколько иначе дело обстоит с составной дательно-местно-исходной падежной формой. Она интересна тем, что в современных монгольских языках сохранилась практически в одной словоформе: монг. гэртээс; бур. гэртэһээ; калм. гертэс; дунс. гiэдэсэ 'из юрты, из дома'. В классическом монгольском она употреблялась значительно чаще. Что же касается "Алтан тобчи", то здесь это одна из самых распространенных составных падежных форм.

Форма =даца/=деце, =таца/=теце образована из сочетания показателей дательно-местного падежа =da/=de, =ta/=te и исходного падежа =са/=се. Такая форма служит для обозначения места (реже лица), откуда (или от кого) совершается то или иное действие; *Altan qaḡan Congdu=dece ḡarṡu ...* [АТ II, с. 73] 'Алтан-хаган ушел из Чонду (Чэнду)'; *Botuḡan Bocuṡci=dece küdelḡü Kilḡu mören=e küṡḡü...* [АТ I, с. 58] 'Отправились из [местечка] Ботухан-Бохурчи и дошли до реки Хилгу'; *Altan bosuḡ=a=daṡa ṡinu anggida odbasu amin inu tasulḡu kidkün* [АТ I, с. 85] 'Если далеко отойдут от твоего золотого порога, жизнь их прерви и убей!'; *Erdem=tü bilig=tü kümün=i olbasu ta öber=ün bey=e=deṡegen gola ülü bolḡaydaqui* [АТ II, с. 29] 'Если найдете человека ученого и мудрого, не отпускайте

его далеко от себя'; Jamuqa=dača ülü qayasaqun bōlūgei bi /АТ I, с. 68/ 'Я не разлучался с Джамухой'.

Эта форма также обозначает лицо, которое совершает или может совершить действие: Boroqcin you=a=dača törügßen Duw=a soqor Dobu=mergen qoyar bōlūge /АТ I, с. 7/ 'Были Дува-сохор и Добу-мэргэн, родившиеся от Борогчин-гоа'; Teqün=ü köbegün Ögelen=ü eke=dece törügßen boyda Cinggis qayan bōlūge /АТ II, с. 186/ 'Его сыном был святейший Чингис-хаган, родившийся от Огалэн-эка'; Ene keuken tngri=dece jayaγatu buyu /АТ I, с. 4-5/ 'Этот мальчик (букв. ребенок) ниспослан Небом (букв. с судьбой от неба)'; Bi-den=ü bolγaγ=a Jamuq=a degüü=dece boluγai kemebe /АТ I, с. 54/ 'Место нашей встречи пусть назначит младший брат Джамуха'.

Рассматриваемая двойная форма, как и простой исходный падеж, употребляется перед глаголом со значением "испугаться, устрашиться кого (чего)=либо": Boyda Cinggis qayan sočin geγeγeγü eke=dece emiγebe /АТ II, с. 37/ 'Святейший Чингис-хаган вздрогнул, испугавшись матери'.

Из примеров видно, что показатель двойного падежа =dača/ =dece, =tača/=tece в любом случае передает одно аблативное значение. Но ведь первый элемент =da/=de, =ta/=te в монгольских языках, как известно, имеет локативное значение. Чем же в таком случае вызвано употребление двойного падежа для передачи одного конкретного аблативного значения?

Комбинирование падежных показателей в пределах одной словоформы свойственно не только монгольским, но и другим языкам, например, **тюркским, уральским, тунгусо-маньчжурским, японскому, корейскому** и ряду других [15, с. 60-82].

Сочетание местного и исходного падежей встречается уже в языке древнеуйгурских текстов [15, с. 66], так что наличие дательного-местного-исходного в монгольском не является чем-то специфическим и указывает на типологическое сходство грамматических моделей.

Способность падежных показателей в агглютинативных языках сочетаться друг с другом дает возможность уточнять значение того или иного полисемантического показателя при отдельном употреблении. Отличительной особенностью агглютинативных языков по сравнению с языками флективными, по словам Б.А.Серебренникова, является то, что "агглютинативные языки обладают удивительной способностью к образованию суффиксов ... В агглютинативных языках в целях уточнения одного суффикса к последнему прибавляется новый

суффикс, в результате чего могут образовываться целые гирлянды суффиксов" [81, с. 107].

Но обладал ли полисемантичностью монгольский падежный показатель =da? Как известно, в монгольских языках показатель дательного-местного падежа =da/=ta существовал наряду с =dur/=tur, du/=tu не содержащими в себе аблативного значения.

Однако если взять для сравнения древнетюркские языки, в них ученые находят полифункциональный местно-исходный падежный показатель =da/=de. Отражением полифункционального значения этого падежа в памятниках рунической письменности является употребление его в качестве исходного в языке некоторых средневековых тюркских памятников [51, с. 104-110; 87, с. 25-26].

В текстах орхон-енисейских памятников нет "аффиксального различия для выражения локативного и аблативного понятий". Там существует один местно-исходный падеж, образуемый от основы имени посредством показателя =da/=дэ. Конкретное падежное значение имени выявляется только в контексте [50, с. 29].

Можно предположить, что в древности и в монгольских языках (не без влияния тюркских) падежный показатель =da/=ta был полифункционален, а поэтому в своем аблативном значении требовал уточнения путем присоединения показателя исходного падежа¹³. Со временем за показателем =da/=ta закрепилось только локативное значение и он перестал употребляться при передаче аблативных значений¹⁴.

¹³ В тюркских языках форма исходного падежа считается относительно новым образованием, так как "она отсутствует в рунических надписях Орхона и Енисея, где свойственные ей значения ... передаются формой местного падежа" [106, с. 82].

¹⁴ В этом отношении небезынтересным представляется факт, отмеченный Б.Х.Тодаевой в дунсянском языке. Как и в других монгольских языках, в нем сохранилась форма дательно-местного падежа с исходным от слова г1э дом - г1эдэсэ (к1дэсэ) 'из дома'. Однако, когда к основе в дательно-местном падежа присоединяются показатели остальных падежей, между показателем дательно-местного падежа и присоединяемым к нему показателем другого падежа вставляется суффикс =ду, например: г1э 'дом' - г1эдэ 'в доме' - г1эдэду 'находящийся в доме' - г1эдэдусэ 'от находящегося в доме' - г1эдэдулэ 'с находящимся в доме' - г1эдэдуҗала 'находящимся в доме' и т.д.... [91, с. 22-23]. Не употреблялся ли суффикс =ду, указывавший на местонахождение предмета, для уточнения значения показателя дательно-местного падежа =дэ?

Процесс этот происходил постепенно и потому в письменных памятниках в течение длительного времени использовались две формы (двойная дательно-местно-исходная и простая исходная) для передачи абсолютно одних и тех же значений, о чем могут свидетельствовать следующие пары примеров из текста АТ: ᠴongdu=daᠰa γarᠰu buruγud=un Nangking (Nanujing) balayaᠰun=dur oruᠵuquᠢ /АТ II, с. 73/ 'Бежал из Чонду (Чэнду) и вошел в город Нанкин' — Altan münggün aγurasun ed tavar... ᠴongdu=aᠰa γaγaᠵu... /АТ II, с. 70/ 'Вывез из Чонду (Чэнду)... золото, серебро и всякие товары'; Tegün=ü köbegün ögelen=ü eke=deᠰe törügᠰen boyda ᠰinggis qaγan bölüge /АТ II, с. 186/ 'Его сыном был августейший Чингис-хаган, родившийся от Огэлэн-экэ' — Naᠴin bayatur=un ubalin gergei=eᠰe törügᠰen Sisiγudai Doquᠯquᠳai qoyar bölüge /АТ I, с. 18/ 'Шишигудай и Дохулхудай родились от первой жены Начин-багатура'; Biden=ü bolᠵaγ=a ᠵamuγ=a degüü=deᠰe boltuγai kemebe /АТ I, с. 54/ 'Место нашей встречи пусть назначит младший брат Джамуха' — Kebteγül=eᠰe ᠰirbi=luγ=a aγurasu tügegeldütügei kemebei /АТ II, с. 60/ 'Пусть кэбтэгулы вместе с черби распределяют товары'.

Множественное число

Суффиксы множественного числа

Множественное число в "Алтан тобчи" образуется посредством суффиксов =s, =d, =ud/üᠳ, =γud, =n, =naγ, =tan.

1. Суффикс =s — один из древнейших суффиксов множественного числа [71, с. 57]. В современном языке он употребляется редко [74, с. 132]. В "Алтан тобчи" он встречается довольно часто, присоединяясь к основам имен, оканчивающимся на гласные и дифтонг, конечный неслоговой элемент которого =i отбрасывается: ere 'мужчина' — мн.ч. eres; degü 'младший' — degüs; üge 'слово' — üges; aγta 'мерин' — aγtas (это слово встречается и с суффиксом =d: aγtad); erdeni 'драгоценность' — erdenis; beriy-e 'посох' — beriyes; noqai 'собака' — noqas; metu 'подобный' — metüs.

2. Суффикс =d, встречающийся почти во всех монгольских языках и относящийся наряду с =s к древнейшим суффиксам образования множественного числа в этих языках [71, с. 57], в "Алтан тобчи" самый продуктивный суффикс. Употребляется после основ имен, оканчивающихся на:

а) =n, который при этом выпадает: qan 'хан' — мн.ч. qad; on 'год' — od; γalaγun 'гусь' — γalaγud; bergen 'невестка' — bergeᠳ; kümün 'человек' — kümüd; noγan 'князь' — noγad; temeγen 'верблюд' —

temeged; bulγan 'соболь' - bulγad; ceceṇ 'мудрый, мудрец' - ceceṇ; ökin 'девушка, дочь' - ökid; morin 'конь' - morid.

Причастная форма на =γsan /-gsen также может иметь форму множественного числа в любой синтаксической функции¹⁵. Конечный -n суффикса и здесь выпадает: iregsed 'пришедшие', 'те, кто пришел'; sayuysad 'севшие', 'те, кто сел'; ülegsed 'оставшиеся', 'те, кто остался' ('то, что осталось'); abuysad=i bügüde=yi abqayulba [AT I, с.153] 'Отобрали все, что успели захватить';

б) =sun, который также выпадает, и наращивается =d к именной основе: nuγsun 'утка' - мн.ч. nuγud; qubčisun 'одежда' - qubčid; naγasun 'сосна' - naγad; balγasun 'город' - balγad; burγasun 'ива, ивняк' - burγad 'заросли ивняка'.

Этот вид образования множественного числа не характерен для современного языка, в котором имена существительные на =sun сохраняют в основе элемент данного суффикса =s, к которому уже присоединяется окончание множественного числа: нарс(ан) 'сосна' - мн.ч. нарсууд; нугас(ан) 'утка' - нугасууд.

в) =r, который выпадает и взамен наращивается суффикс множественного числа =d; mör 'след' - мн.ч. möd; γar 'рука' - γad; edür 'день' - edüd; γaγar 'земля' - γaγad; öndür 'высота' - öndüd; uyγur 'уйгур' - uyγud; ē baγatur 'герой, богатырь', - baγatud; pökur 'друг, товарищ' - pöküd.

Этот способ образования множественного числа также не характерен для современного языка, в котором, пожалуй, только слово pökur сохраняет старую форму pöküd (в современной орфографии неход). Что же касается всех остальных слов на =r, то в них этот согласный является уже неотъемлемой частью основы и не выпадает;

г) в некоторых случаях множественное число на =d образуется путем прибавления данного суффикса к основам с конечным гласным, а также к основам на =či: ödū 'перо' - мн.ч. ödūd; qota 'город' - qotad; aγta 'мерин' - aγtad; busu 'другой, иной' - busud; teyimū 'такой' - teyimūd; kelemerci 'переводчик' - kelemerciṇ;

д) в единичном случае встретилось множественное число на =d от основы на =s: ös 'мечь', 'злоба', 'ненависть' - мн.ч. ösüd.

Случай этот довольно редкий и в том смысле, что именам с

¹⁵ В современном монгольском языке имена прилагательные и причастия могут иметь форму множественного числа только в субстантивном употреблении.

подобным лексическим значением не свойственна форма множественного числа.

3. Суффикс =ud/=üd присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные кроме =n: *čerig* 'войско' - мн.ч. *čerigüd*; *yal* 'огонь' - *yalud*; *külüḡ* 'конь', 'рысак' - *külüḡüd*; *kerem* 'белка' - *keremüd*; *mōv* 'прут, хвостина' - *mōsüd*; *tiib* 'материк' - *tiibūd* ном 'книга' - *nomud*.

Распространенный в монгольских языках и присоединяемый к самым различным основам [74, с. 130] суффикс =nuḡud в "Алтан тобчи" зафиксирован в одном случае; *ōtegüs=nuḡud* 'старейшины'. (В печатном издании [АТ II, 29] он оказался пропущенным, но есть в рукописи.)

4. В "Алтан тобчи" встретился суффикс =ḡud, употребляемый ныне в бурятском [74, с. 132], а также и в современном монгольском языке [53, с. 14] после основ с исконным заднеязычным. Суффикс =ḡud следует после основ на =ci/=ḡci, например: *qaraḡciḡud* 'черные овцы'; *alaḡciḡud* 'пестрые овцы'; *qongqoḡciḡud* 'желтые овцы'.

5. Суффикс =n. В монголоведении уже не раз отмечалось, что в древнейших памятниках письменности имена на =i, =ai, =ui, =qui, =küi, =ci, =ḡci имеют часто во множественном числе суффикс =n [16, с. 389; II6, с. 5-12; 69, с. 58; 74, с. 133].

Форму множественного числа на =n имеют имена: *qanḡui* 'рукав' - мн.ч. *qanḡun*; *borbi* 'пяточное сухожилие' - *borbin*; *elci* 'посол, гонец' - *elcin*; *adaḡuci* 'табунщик' - *adaḡucin*; *qoniḡi* 'пастух овец, чабан' - *qoniḡin*; *qurḡaci* 'пастух ягнят' - *qurḡacin*; *kedui* 'сколько' - *kedün*; *tedui* 'столько' - *tedün*.

Причастная форма на =qun /=kün также представляет собой форму множественного числа от причастия на =qui [II6, с. 9; 52, с. II2], например: *aqui* (причастная форма от глагола бытия а= "быть") - мн.ч. *aqun*; *pökiḡeküi* (причастная форма от глагольной основы *pökiḡe* = "подружиться") - *pökiḡekün*.

Интересно отметить употребление слова *kele* 'язык' в форме множественного числа на =n. В "Алтан тобчи" это слово в сочетании с глаголами *kürge*=/*kür*= 'доставить' или *ire*= 'приходить' означает 'передать известие устно (т.е. на словах)', например: *Ene kelen kürḡü ireged...* [АТ I, 88] 'Доставив это известие (букв. эти слова)...'; *Tere kelen ireged ülü baḡun... uabuḡulḡu köḡül-ḡeḡü...* [АТ I, 89] 'Получив такие вести (букв. такие слова), [они], не останавливаясь, двинулись дальше, говоря...'.

6. Суффикс *nar*, как известно, употребляется в монголь-

ских языках для обозначения множества лиц, состоящих в родственных отношениях, или людей в собирательном значении: *degüü* 'младший брат (сестра)' - мн.ч. *degüü ner*; *aq=a* 'старший брат' - *aq=a nar*; *blam=a* 'лама' - *blam=a nar*; *naγaṣu* 'дядя по матери' - *naγaṣu nar*. Этот суффикс имеет ограниченную сферу употребления.

7. Суффикс *=tan* определяется в монголоведении как суффикс, образующий имена с собирательным значением (наименования социальных групп людей и видов животных). Его происхождению и значению уделялось особое внимание в научных грамматиках и специальных статьях [74, с. 133-134; IO, с. 106]. Признавая за этим суффиксом общее значение собирательной множественности и совокупности, ученые, однако, расходятся в вопросе о его происхождении.

Одни считают *=tan* формой множественного числа на *=n* от имен на *=tai* [II6, с. 5-6] или *=tu* (*=tü*), *=tai* (*=tei*) [64, с. II2]; другие отрицают это, считая *=tan* исторически "цельным и неразложимым", производными разновидностями которого являются *=tu*, *=tai* [74, с. 134; IO, с. 106]. На наш взгляд, *=tan* действительно существовал первоначально как единый и неделимый суффикс, обозначающий некогда племенную принадлежность лиц, а впоследствии совокупность лиц и других живых существ, обладавших каким-то общим признаком.

Любопытно, что, например, в нивхском языке. имеется суффикс *=тан~=ран~=дан* с собирательным значением, полностью совпадающий с монгольским *=тан*, при этом в нивхском языке этот суффикс восходит к слову *тан* 'домочадцы', 'совокупность членов того или иного объединения людей' [59, с. 3-12].

Являясь весьма продуктивным в современном монгольском языке, этот суффикс употребляется не как показатель множественного числа, а как суффикс, образующий имена существительные со значением множественности, совокупности лиц, занимающихся определенной деятельностью, или живых существ, обладающих каким-то свойством, например: *ажилтан* 'работник/и/' (от *ажил* 'работа'); *холбоотон* 'союзники' (от *холбоо* 'союз'); *сэхээтэн* 'интеллигенция' (от *сэхээ* 'ум, интеллект'); *сээртэн* 'позвоночные' (от *сээр* 'позвоночник') [53, с. 42-43].

В современном языке имена на *=тан* нередко имеют значение единственного числа, принимая во множественном соответствующие суффиксы, например: *эрдэмтэн* 'ученый' - мн.ч. *эрдэмтнүүд*; *хөрөнгөтөн* 'капиталист' - *хөрөнгөтнүүд*; *ажилтан* 'работник' - *ажилтнүүд*.

Поэтому рассматривать его в числе суффиксов множественного

числа в современном монгольском языке можно лишь условно, принимая во внимание его историческое значение совокупности-множественности.

Однако в языке ХУП в. этот суффикс имел более широкий круг значений от указания коллективной совокупности до простого количественного множества предметов.

В "Алтан тобчи" =tan обозначает:

1) Принадлежность к роду, племени, клану: Borte Cinu=a... er=e ügei Gou=a Maral neretü ökin=i abcu... mongγol obuγtan bolba /АТ I, с. 6/ 'Борте Чинуа... взял [в жены] незамужнюю Гоа Марал, ...и образовался род монголов'; Buqu Qatagi=yin köbegün qatagin omuγ=tan bolba /АТ I, с. 17/ 'Сыновья Буху Хатаги образовали род хатагин'; Tömücin=ten köbegüd ödterlen=kü bosuγad morin=ıyan bariju /АТ I, с. 50/ 'Тэмучинцы (т.е. Тэмучин и его братья) тотчас встали и схватили своих коней'; Qutuγ=tan törügßen köbegüd=ıyen tejıyer=ün /АТ I, с. 34/ 'Чтобы накормить сыновей своих, рожденных святыми (хутугтами, т.е. принадлежащими к высшему духовному сану)';

2) названия лиц, обладающих каким-либо предметом: ...qara-γıciγud alayciγud tuγ=tan bui /АТ I, с. 130/ '...знаменосцы чернопестрых знамен (букв. 'обладающие черными-пестрыми знаменами)'; ...ıysün keleten irgen /АТ II, с. 41/ '...люди девяти языков';

3) качество или признак, присущий группе людей: Tede serelten irgen bui /АТ I, с. 130/ 'Они-осторожные (т.е. бдительные) люди'; Tus qaγan=ıyanγartaγı iregsen yaγun itegel=ügei=ten arad ede /АТ I, с. 110/ 'Это люди, наложившие руки на своего государя, не имеют (букв. те, кто не имеют) никакого доверия'; ...itegelten kebtegül minu /АТ I, с. 158/ '...верная стража моя'; qurdun yabudal=tan kebtegül minu /АТ I, с. 158/ 'быстроходная стража моя'; Erte edür=eçe tatar irgen ebüges eçiges=i baraγsan östen kisten irgen bölüge /АТ I, с. 80/ 'С древних времен татары были ненавистниками, погубившими наших дедов и отцов';

4) союз 'и' или сочетание 'и другие': Alun γou=a Dobu=mergen=dür irejü /Bekünütei/ Belkünütei ner=e=ten qoγar köbegün törübei /АТ I, с. 9/ 'Алун-гуа, прибыв к Добу-мэргэну, родила двух сыновей по имени [Бэкунутэй] и Бэлкунутэй'; Tömücin Qasar tan... ödbai /АТ I, с. 37/ 'Тэмучин и Хасар...ушли'; Biden=ü manglai Altan, Quasar Senggüm=ten Edükü=e kürcü... /АТ I, с. 89/ 'Как только идущие впереди нас Алтан, Хачар, Сэнгум и другие дошли до урочища Эдукуй...'; Jelm=e=yin köbegün Yisütüge aqalaγu, Tüdei=yin köbegün Bükedei=ten=lüge eyetüldüγı atuγai kemebe /АТ I, с. 152/ 'Командую-

щими были назначены сын Джэлмэ Есүтүгэ и сын Тудэя Бухэдэй во главе с Есүтүгэм'; $Tölüi=ten=lüge$ $töblen$ $saγuγuγai$ $kemen$ $saγurin$ $jiγaγu$ $ögbe$ [АТ I, с. 142] 'Вы садитесь с Тулуем и с другими [помощниками] в центре, - сказал он и указал им место';

5) значения множественности, как другие показатели множественного числа: ... $oγotur$ $terki$ $qongqor=i$ $unuγu$ $sirγ=a$ $aγta=tan=i$ $ebešün=i$ $alurqai=bar$ $möskiγü$ $γurba$ $qonoγ$ $yabuγu...$ [АТ I, с. 44] '...сел на короткохвостого саврасого [бегунца] и поехал по следу, оставленному на траве соловыми мериными...'; ... $qantu$ $dobtulγu$ $oγuγad$ $sirγa$ $aγta=tan=i$ $üldeγü$ $γarbai$ [АТ I, с. 45] '... поехали вместе и утнали соловых меринов'.

В единичных случаях $=tan$ образует имена от основ во множественном числе, например: $erdem$ 'наука' - $erdem=üd$ 'науки' - $erdem=üd=ten$ 'обладающие науками (т.е. ученые)'

Особенности употребления множественного числа

В языке ХУП в. уже произошел сдвиг в употреблении форм множественного числа в сторону современных языковых норм, о чем в свое время писал С.А. Козин, сравнивая параллельные места "Сокровенного сказания" и "Алтан тобчи" [37, с. 120-135]. И все же употребление множественного числа в "Алтан тобчи" довольно существенно отличается от того, что мы находим в современном языке.

Во-первых, форму множественного числа в "Алтан тобчи" имели имена, которые в современном языке, как правило, употребляются только в единственном числе: $Mön$ $künün$ $beγ=e$ $γad$ $ebešin$ $ügei$ $kesig=ün$ $noγad=aša$ $eγ=e$ $ügegü$ $γušin$ $doluγan$ $beriyes$ $süγitügei$ [АТ I, с. 154] 'Если этот человек, будучи здоров (букв. тело, руки не больны), без согласия нойонов в третий раз пропустит смену, то [его] следует наказать 37 розгами'; $Tömüšin$ $köbegün=dür$ $qatqulduqun$ $metüs$ ken bui [АТ I, с. 130] 'Кто есть у сына Тэмучина подобный тем, кто примет бой?'; $ösöd$ gem $ülü$ $talbiγöi$ $jögelen$ $yongqor$ $metü$ $Torγon$ $Sira$ $minu$ $ši$ $nige$ $üge$ $ögüle$ $gebe$ [АТ II, с. 17] 'Говори ты, Торгон Шира, подобный мягкому шелку, не таящий ненависти (мн.ч.) и коварства'; $Möd=iyer=iyen$ $yabuγad$ $γaγad=iyen$ $jegütgen$ $bederiγü...$ [АТ I, с. 41] 'Идя по следам, тщательно осмотрим местность (мн.ч.)...'; $teγimü$ $teγimüd$ $eyimü$ $eyimüd$ $omoγtan$ $irgen=i$ $činggis$ $qayan$ $er=e=yin$ $er=e$ $törüγü$ $doroγitaγulγu...$ [АТ I, с. 86] 'Родившись мужем из мужей, Чингис-хаган усмирил таких-то и таких-то возгордившихся людей'.

Во-вторых, и при наличии количественного определения оп-

ределяемое сравнительно часто оформляется суффиксом множественного числа: Сinggis qaγan arban γurban kūrīyed bōlūge /АТ I, с. 75/ 'У Чингис-хагана было тринадцать куреней'; Tabun kōbsgūd minu ta γaγsa kebeli=ece tōrūbei γ-a /АТ I, с. 12/ 'Вы, пять сыновей моих, родились ведь из одного чрева'; Сinggis qaγan-i tōrūkūl-yin urida jambutjū-un yirtinōū=dūr arban qoγar maγu qad tōriyū /АТ I, с. 27/ 'До появления на свет Чингис-хагана на земле родились двенадцать плохих ханов'; Eldeb erdenis=iyer boγba-laγsan Sumbur aγula minu /АТ II, с. 12/ 'Гора Сумбэр моя, полная всяких драгоценностей'; Sartaγul irgen =dūr doluxan od yabu-γu, /АТ II, с. 85/ 'Семь лет пробыл у сартагульского народа'; Сinggis qaγan Juči Saγadaī, Ōgedei γurban kōbegūn=i čimadēu /buruγusiyaγu/ γurban edūd ese aγulγabasu... /АТ II, с. 82/ 'Чингис-хаган рассердился на трех своих сыновей - Джучи, Чагадай и Угэдэи и три дня не встречался с ними...'.

В-третьих, нередко наблюдается согласование в числе определяемого и определения, отсутствующее в современном языке; Ede üges ögüleγüljū Milqa Senggūm ečige=dūr-iyen Ong qaγan=dur tedeger üges Sayıqan Tödüger=iyer ögülejū ilegejūkū /АТ I, с. 125/ 'Сказав эти слова, Нилха Сэнгум послал Сайхан Тэдугэра передать те слова отцу своему Онг-хагану'; Boγorči, Taulai Boroqul, Čilaγun ede dörben külüg=ūd=iyen derge=degen yabubasu... /АТ I, с. 139/ 'Богурчи, Таулая, Борохула, Чилагуна - этих четырех рысаков своих держу возле себя ...'.

В современном языке невозможно употребление причастных форм во множественном числе в качестве определений, так как в этом случае они имеют субстантивное значение. В "Алтан тобчи" же они нередко служат определениями, согласуясь в числе со своим определяемым: Tus qaγan=ıyan qardaγsad arad mōn=e qoγına ker itegegdekūn ede kemekūl bolūge /АТ I, с. 149/ 'Как после этого можно верить аратам, посягнувшим на своего хагана?'; Ülegsed čerig=ūd=i inu turaγu ūkūrūn /АТ II, с. 74/ 'Отставшие воины его гибли от истощения'; Čabčiyal=i bariγsad čerig=ūd=i kōdelgejū irejū Сinggis qaγan=dur neγilebe /АТ I, с. 74/ 'Оттеснил войска, державшие Чавчал, и присоединился к Чингис-хагану'.

Если в современном языке при наличии однородных членов предложения суффиксом множественного числа, как правило, оформляется в зависимости от контекста только последний из однородных членов, то в "Алтан тобчи" часто каждый из однородных членов имел показатель множественного числа, например: ... nuγud γalaγud=i

bariγulju iden būkūi=dūr... [AT I, с. 14/ '...когда ловил и ел уток и гусей...'; Nuγud, balaγud=un ödūd buriγaliγ bīsun metū butaraγu keyisōi iremū [AT I, с. 15/ 'Перья уток и гусей летают повсюду, точно снег'; Eke=yūgen ūgei boluγsan=u qoyina aq=a nar degūi ner aduγun =iyan qubiyaγu abulčaba [AT I, с. 12/ 'Когда не стало матери, старшие и младшие братья поделили табун'; qorildai mergen tūmed=un γajar=tur=iyan balaγad, kerem=ūd gōrōkū γajad qorilaγu /esergū/, qorilalduγu /tesergū/ [AT I, с. 9/ 'Хорилдай-мэргэн запретил охотиться на соболей, белок и других зверей в своих тумэдских землях'; Eng yeke ulus=tu ökid emes olan genem [AT I, с. 50/ 'Товорят, в этой великой стране много девушек (букв. девушек и женщин)']

Следует отметить и то обстоятельство, что большинство имен, способных иметь форму множественного числа как в языке ХУП в., так и в современном, сейчас, однако, употребляются с другими суффиксами множественности, например: on 'год' - od 'годы' (в современном языке редко онууд); edür 'день' - edūd 'дни' (в современном языке едрууд); baγatur 'герой, богатырь' - baγatud 'герои, богатыри' (в современном языке баатрууд); nuγusun 'утка' - nuγud 'утки' (в современном языке нугасууд); balaγasan 'город' - balaγad 'города' (в современном языке балгасууд).

К случаям употребления двойных суффиксов множественного числа, встречающихся во всех монгольских языках, в языке АТ относятся следующие: ene 'этот' - ede, edūd 'эти'; köbegün 'сын, мальчик' - köbegūd, köbegūd ner 'сыновья'; qan 'хан' - qad, qadud 'ханы'.

Ц.Б. Цыдендамбаев высказывает предположение, что появление составных суффиксов множественного числа вызвано, по-видимому, ослаблением значения множественности у имен и в связи с этим необходимостью усиления его путем удвоения суффиксов. Это предположение вытекает из того, что, судя по материалам бурятских хроник, добавочный суффикс присоединяется к простым суффиксам множественности, например: =s, =d, nar или tan, тогда как к составным nuγud или nud обычно ничего не добавляется. По наблюдению Ц.Б. Цыдендамбаева, простые суффиксы множественности =s, =d "выражают ограниченное (или незначительное) множество, а nar и tan - собирательное (или неопределенное) множество", в то время как "nuγud (или nud) и ud обозначают более значительное (или неограниченное) множество" и потому "они могут быть приняты словами в дополнение к предыдущим" [98, с.337].

Двойных суффиксов множественности в тексте АТ не так мно-

го, из-за чего трудно судить, насколько подтверждается здесь это предположение, хотя, на наш взгляд, оно не лишено оснований.

Как отмечают исследователи индоевропейских и других языков, отличие в употреблении единственного и множественного числа сводится к тому, что единственное число имеет развернутую систему падежей, а множественное получает выражение только в сфере субъектно-объектных падежей [96, с. 66].

В древнегрузинском языке, например, единственное число имеет семь падежей, а множественное только два — прямой и косвенный [19, с. 213], а в мордовском множественное число выражается только в номинативе, а в других падежах только в некоторых местоимениях, да еще в определенном роде склонения с участием этих местоимений [17, с. 113].

Факты монгольского языка XVII в. в какой-то мере подтверждают эти наблюдения. Наибольшее число примеров употребления множественного числа приходится здесь на именительный и винительный падежи, т.е. на сферу субъектно-объектных отношений, тогда как с другими падежами встретились лишь единичные примеры: пять — с родительным падежом, пять — с дательным-местным, четыре — с орудным, два — с местным и один — с исходным.

Прилагательные

В языке "Алтан тобчи" имена прилагательные представлены качественными прилагательными и относительными.

К качественным прилагательным относятся непроизводные прилагательные, например: *qara* 'черный', *gegen* 'ясный', *qula* 'саврасый', *qajučin* 'старый', *tarjun* 'толстый, жирный', *turqan* 'тонкий, тощий', *sine* 'новый', *soqur* 'слепой', *qaljan* 'лысый'; и производные, образованные посредством некоторых суффиксов, например: *yadanggi* 'слабый, маломощный', *qabtaqai* 'плоский', *nabtarqai* 'ветхий, изношенный', *qarangqui* 'темный', *qajarqai* 'рванный, разорванный'.

Качественные прилагательные, обозначающие цвет и ряд других качеств, могут иметь показатели степеней качества и формы интенсива, например: *sine* 'новый' — *sineken* 'новенький'; *jalayu* 'молодой' — *jalayuqan* 'моложавый'; *gegen* 'светлый' — *segeken* 'светленький, светловатый'; *qara* 'черный' — *qarabtur* 'черноватый', *qarangqui* 'темный' — *qab qarangqui* 'совершенно темный'. Они также участвуют в образовании сравнительной конструкции для указания качественного различия однородного при-

знака, присущего двум или более предметам. Наличие качества в каком-либо предмете в большей мере, чем в другом, передается конструкцией, где имя существительное (или другая часть речи), с которым сравнивается качество или свойство какого-либо предмета, ставится в форме исходного падежа, а имя прилагательное остается без всякого изменения, например: *Alay biruun=ača* *nomь qan...* /АТ II, с. 67/ 'Тише пегих телях...'; *Köbegün=ёё alus* /АТ I, с. 87/ 'Превосходнее сыновей'.

Конструкцией со словом *qamuy-un* 'самый' передается наличие качества в предмете высшей степени: *qamuy-un möngke* /АТ II, с. 104/ 'Самый вечный'.

Относительные прилагательные образуются от именных и глагольных основ посредством определенных суффиксов. В АТ — это прилагательные, производные от имен путем добавления суффиксов =tu, реже =ki и =kei: например: *uqayam* 'ум' — *uqayantu* 'умный'; *erke* 'власть' — *erketü* 'могущественный, властный'; *čilayu* 'камень' — *čilayu=tu* 'каменистый'; *čisu(n)* 'кровь' — *čisutu* 'кровяной'; *amta* 'вкус' — *amtatu* 'вкусный'; *gem* 'вина' — *gem=tü* 'виновный'; *aldar* 'слава' — *aldar=tu* 'славный'; *urida* 'раньше, прежде' — *uridaki* 'прежний'; *Tömüčin=ü* 'Тэмучина' (форма род. пад. от *Tömüčin*) — *Tömüčin=ükei* 'Тэмучиновский, т.е. принадлежащий Тэмучину'.

В монгольских языках отсутствуют прилагательные, обозначающие вещество или материал, из которого состоит или сделан предмет, поэтому предметные определения передаются сочетанием двух стоящих рядом существительных, например: *tömür kürje* 'железная лопата', *modun bayising* 'деревянный дом'. Наряду с этим в "Алтан тобчи" существительное в функции определения встречается и в форме родительного падежа: *kerem=ün degel* /АТ I, с. 106/ 'беличья шуба'; *yubud-un kerёё debel* /АТ II, с. 114/ 'жемчужная одежда священнослужителей'.

Вместо притяжательных прилагательных, нередко выделяемых в грамматиках индоевропейских языков, в монгольских языках, в том числе и в языке "Алтан тобчи", употребляются имена существительные в форме родительного падежа: *üker=ün mör* 'бычий след'; *ünege-yin segül* 'лисий хвост'.

Как известно, имена прилагательные в монгольских языках не изменяются ни по падежам, ни по числам. Это связано с тем, что в функции определения они не согласуются с определяемым именем ни в падеже, ни (как правило) в числе. Любое падежное оформление прилагательного ведет к его субстантивации.

Отличительная особенность употребления прилагательных в "Алтан тобчи" состоит в том, что в ряде случаев прилагательное, выступающее в качестве определения, согласуется с определяемым существительным в числе, например: *kōkegčid nuγud* /АТ II, с. 57/ 'серые утки'; *alayačiyud nuγud* /АТ II, с. 57/ 'пестрые утки'; *alayud külüg-ūd* /АТ II, с. 57/ 'пегие аргамыжи'.

Функциональной особенностью прилагательных является их атрибутивное употребление. Обозначая признаки и качества предметов, прилагательные выступают в предложении прежде всего в функции определения имен существительных. Прилагательное как определение в монгольских языках всегда стоит в позиции перед своим определяемым. Определительные отношения выражаются только порядком слов, например: ...*ulayan degel-tū kışın uru-a-baγ-iyan dokiγu bayıγu qočurba* /АТ I, с. 46/ '...человек в красном халате подал знак своим укроком и отстал'; *Qayučin on...odqu kemen, sine on... irebe geγū...* /АТ II, с. 2/ 'Говорят, старый год... уходит, новый год... пришел'; *Qayiratu Boroqul=dur-iyan eyin jarlıγ bolurun...* /АТ II, с. 13/ 'Своему любимому Борохулу так соизволил сказать...'.

Предикативная функция для прилагательных не характерна. Но иногда в целях эмоционального выделения или подчеркивания признака предмета они употребляются и в качестве сказуемого, например: *Aduγun biden-ū turqan* /АТ I, с. 127/ 'Табуны наши тощи'; *Si kenūkei bui kemen asaγaba...* *Bi Tōmūcin=ūkei bui* /АТ I, с. 50/ 'Ты чья будешь? – спросили ее... Я – Тэмучиновская'.

В контексте качественные прилагательные могут получать субстантивное значение, обозначая отвлеченное понятие качества или признака. В таких случаях они принимают тот или иной падежный показатель: *Er=e-yūgen sayin=i em=e ulū medeyū. Er=e=decegen qaγaγan baraγzan=dur, er=e-yūgen sayin=i tende medeyū* /АТ II, с. 32/ 'Жена не знает хороших качеств своего мужа (букв. хорошее своего мужа), но когда расстанется с ним, тогда-то и узнает [все] хорошее своего мужа'.

(Подробнее вопрос о субстантивации имен прилагательных в монгольском языке см. [53, с. 105-110]).

Местоимения

1. Личные местоимения: *bi* 'я', *bide* 'мы', *či* 'ты', *ta* 'вы'.

Особый интерес представляет местоимение 1-го л. мн. ч.

bide, состоящее из bi 'я' и морфемы =de, о происхождении и этимологии которой среди монголоведов нет единого мнения. Так, Г.Д. Санжеев считает, что данные современного монгольского языкознания пока не дают точной опоры для того или иного решения затронутой проблемы [74, с. 148]. Иного мнения придерживается Ц.Б. Цыдендамбаев, который, развивая выдвинутую еще О.Бётлингом гипотезу об образовании местоимения 1-го л. мн. ч. путем слияния его формы единственного числа с местоимением 2-го л. ед.ч., приходит к выводу, что монгольское bide состоит из bi 'я' + ta 'вы' с переходом t>d, основанном на известном в монгольских языках чередовании t/d, d/t [98а, с. 15-22].

Аргументация в пользу данной гипотезы представляется убедительной, хотя некоторые сомнения, высказанные по этому поводу Г.Д. Санжеевым [74, с. 148], остаются в силе.

Личные местоимения, несмотря на строгий порядок членов предложения в монгольских языках, могут находиться в предложении как перед сказуемым, так и после сказуемого, например: Bi uriyangqan=n küšün bui kemeged... [AT I, с. 107 'Я - урянхаец' (букв. 'урянхайский человек'); Erikü kereg=iyen olba bi [AT I, с. 607 'То, что искал, нашел я'; Bide ende buu baγu=a [AT I, с. 667 'Мы здесь не остановимся; ᠋ᠰil=iyen ker ᠋ᠰikü bide [AT I, с. 557 'Как исполним мы свою месть?'; ᠋ᠰi yaγun küšün kemebeᠰü... [AT I, с. 107 'Ты что за человек?..'; Tuγar=un γurban arad=i uqabai ᠋ᠰi [AT I, с. 227 'Ты понял [намерение] тех недавних троих людей?'; Та namayī jakir᠋ᠰu ᠋ᠵanda᠋ᠵu... [AT I, с. 987 'Вы браните меня, распоряжаясь мною...'; Budang=tu aγula=yi abalam ta. Buγu yaγu alam ta [AT I, с. 247 'В покрытых туманом горах охотитесь вы, оленей-изюбрей убиваете вы'.

Эти местоимения являются общими почти для всех монгольских языков и диалектов. Что же касается местоимения 3 л., то до недавнего времени считалось, что в монгольских языках оно отсутствует, сохранившись лишь в формах родительного падежа, употребляемых в качестве лично-притяжательных частиц [74, с. 157].

Г.И.Рамстедт отмечал, что "местоимение третьего лица (им. п. 1, основа in=) как самостоятельно воспринимаемое склоняемое слово сохранилось только в маньчжурском языке" [69, с. 69; 60, с. 30].

Материалы по мало исследованным ранее языкам свидетельствуют о наличии местоимения 3-го л. в ряде монгольских языков, причем в дагурском в формах in 'он', an 'они', имеющих полную падежную парадигму [92, с. 45].

В старописьменном монгольском языке кроме широко используемых форм родительного падежа *inu*, *anu* зарегистрированы некоторые другие падежные формы: вин. *imaḡi*, дат.-местн. *imada*, *imadur*, орудн. *imaar* [69, с. 69].

В китайско-монгольской надписи 1335 г. отмечена форма *imaluḡ=a* [III, с. 72] – соединительный падеж от основы косвенного падежа *ima=*. В надписи 1338 г. встречается форма *imadaḡa* – двойной дательнo-местный с исходным падежом той же основы [II2, с. 55].

В "Алтан тобчи" сохранились только формы родительного падежа *inu*, *anu* (реже *ni*) как орфографические варианты одной и той же притяжательной частицы 3-го л. со значением 'её', 'его', 'их'. Употребление *inu* или *anu* имеет случайный характер, т.е. не зависит от сингармонического ряда предшествующего слова или его числа, хотя в количественном отношении чаще используется *inu*, например: *Aḡuski=tu ḡūyil=tū arasun inu abḡu buḡu būḡūde miḡan=i anu Dobu=mergen=e öḡbe* [AT I, с. 10] 'Себе взял легкие, голову с сердцем и кожу [его], а все остальное мясо [его] отдал Добу-мэргэну'; *Bi kedūi=yi inu abḡu bui. ḡi kedūi=yi anu abunam kemeḡesu* [AT I, с. 46] 'Сколько из них возьму я? Сколько из них возьмешь ты?'; ...*em=e=yi ni qaḡan beu=e=degen abuba* [AT II, с. 131] '...жену его хаган взял себе'.

Эти притяжательные формы местоимений можно встретить только в постпозиции, тогда как в XIV в. *anu* еще употреблялось и в препозиции, как и всякое другое личное местоимение, например: *anu ordu=dur* 'в их дворце', *anu ordu dotur=a* 'внутри их дворца', *anu balayasun=u yadana* 'за пределами их города' [II2, с. 53-54].

Иногда *anu(inu)* утрачивает свое значение соотнесенности с 3-м л. и употребляется лишь для выделения того или иного члена предложения, например: *Sōni qonuḡu manaḡarsi anu ḡuyibasū Dei Seḡen öḡülerün...* [AT I, с. 30] '[Есугэй] переночевал, а когда наутро стал сватать, Дэй Сэчэн сказал...'.

Эксклюзивное местоимение *ba* 'мы' в "Алтан тобчи" уже не встречается, но от его косвенной основы *man* образуется ряд падежных форм: вин. *man=i*, род. *man=u*, мест. *man=a*, дат.-местн. *man=dur*. Примеры: *Edüḡe man=i tarḡayuluyad eke degüü ner=iyen erin od kemeḡ* [AT I, с. 41] 'Теперь, когда мы разойдемся, отправляясь искать свою мать и младших братьев'; *Yesüḡei bayatur, Nekün tayisi qoyar=i üḡei=yin tula eyin=kü askiydaḡu man=u uayun kemeḡed yеke dayun uyilaḡuḡi* [AT I, с. 77] 'Не потому ли меня и бьют так, что нет в живых ни Есугэй-багатура, ни Нэкун-тайши, – сказал и

Формы личных местоимений в "Алтан тобчи"

Местоимения	bi 'я'	ci 'ты'	* i 'он'	bide 'мы' (ин- клюдивное)	ba 'мы' (экс- клюдивное)	ta 'вы'	* a 'они'
Падежи							
Родительный	minu=ci	cinu	inu	biden=ci	man=ci	tan=ci	anu
Винительный	namaui	cinamai		biden=i	man=i	tan=i	
Местный					man=a	tan=a	
Дательно- местный	naða nama=dur	cinma=dur cinma=da		biden=dur	man=dur	tan=dur	
Исходный	naðaça	cinmaça		biden=eçe			
Орудный							
Совместный							
Соединительный				biden=luy=a			

Примечание. I. Любопытные данные о косвенной основе личного местоимения i л. приводит Ц.Дамдинсүрэн. В одной из рукописей, оказавшейся переводом с тибетского известного сочинения "Море притч", наряду с формами minu, namaui, manadur, naða=aça, nama=luy=a зафиксированы формы: minu, namaui, manadur, nama=aça nama=luy=a. Это дает основание предполагать, что в древности во всех косвенных основах личных местоимений в единственном числе был гласный i, а во множественном - гласный a. Что же касается возникновения формы namaui и др., то, по мнению Ц.Дамдинсүрэна, она либо обозначала в древности местоимение i-го л. мн. ч., либо namaui образовалось из namaui вследствие перелома гласного i (29, с. 29-36).

громко заплакал'; Qoriġin qatun Qoγuγcin qatun qoyar man-a ūlū terigūien ker tūsürüü kemen/AT I, 77/ 'Хориджин-хатун и Хоγуγчин-хатун сказали: "Как ты смел начинать не с нас (букв. не начиная для нас)"; Bdūr buri man=dur ireġū niγusun=ēēgen öqēi ösüg umdayan uūġū odumu /AT I, 14/ 'Каждый день заходит к нам, отдает часть уток, пьет кумыс и уходит'.

Личные местоимения изменяются по падежам. Формы личных местоимений, встречающихся в "Алтан тобчи", см. в табл. 1.

2. У к а з а т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я: ene 'этот', tere 'тот', ede 'эти', tede 'те'.

Структура и значение этих местоимений описаны довольно подробно, хотя объяснения порой расходятся. Так, Г.И.Рамстадт, считая указательные местоимения наиболее древними в силу их широкого распространения, членил их по составу на en-е, ter-е, где =е относил к дейктическому элементу, встречающемуся и в других языках, например, в гольдском eje наряду с ej, teje наряду с tej /69, с. 74/.

Г.Д. Санжеев предлагает иное членение, а именно: e-ne 'этот', te-re 'тот' для единственного числа, e-de 'эти', te-de 'те' для множественного числа, исходя из того, что форма множественного числа образовалась здесь с таким же элементом =de, как и инклюзивное личное местоимение 1-го л. bi-de~bi-da 'мы' при bi 'я' /74, с. 153/.

Кроме того, Г.Д. Санжеев членит основу косвенных падежей egün на e-gün=, полагая, "что некогда в монгольских языках и диалектах первоначально образовались два падежа: прямой с показателем =ne~на... и косвенный с показателем =гун, на основе которого (косвенного падежа) образовались после все падежи, кроме именительного" /74, с. 154/. Остается неясным, что же собой представляет элемент =gün, каково его происхождение и назначение.

Новые данные по ранее не исследованным монгольским языкам дали возможность Б.Х.Тодаевой сделать интересные наблюдения об употреблении этого местоимения. Материалы баоаньского, дагурского и дунсянского языков свидетельствуют, что местоимение ene первоначально использовалось только как указательное местоимение единственного числа и поэтому все косвенные падежи в этих языках сохраняют его без всякого изменения в качестве своей основы. Как считает Б.Х.Тодаева, это стало возможным благодаря наличию в этих языках личного местоимения 3-го л., присутствие которого "не требовало прибавления дополнительного элемента =gün в роли усилителя, уточнителя форм 3-го лица" /92, с. 51-52/.

Можно допустить, следовательно, что элемент =gün появился в тех языках, в которых уже исчезло местоимение 3-го л. в качестве усилителя, уточнителя значения указательного местоимения ene, лишенного значения лица. Ведь ene, будучи в форме именительного падежа, как правило, определяет какой-либо предмет или живое существо, т.е. за ним всегда следует определяемое слово: ene kümün 'этот человек', ene nom 'эта книга', ene nom=dur 'в этой книге', ene kümün=i 'этого человека'. А для того чтобы придать этому местоимению конкретность, определенность, соотнесенность с лицом, потребовался дополнительный указатель лица, роль которого и взял на себя элемент =gün. Таким образом, указательные по происхождению местоимения ene и tere в косвенных падежах приобретают основы со значением лица egün=, tegün=, например: Egün=ü ilede üsüben samalju... [АТ II, с. 132] 'Около него волосы свои расчесывая...'; Tegün=ü köbegün Buyan=tu qayan [АТ I, с. 2] 'Его сын Буянту-хаган'; Qad=un ijaɣur anu tegün=ece bolbai [АТ I, с. 2] 'От него произошел род ханов'; Tegün=lüge tusiyaɣsan blam=ainu saske=yin Güngge Basningbo bölüge [АТ I, с. 27] 'Встретившийся с ним лама был сакьяский Гунгэ Нинбо'.

Каково же происхождение форманта =gün? Оставляя этот вопрос открытым, Г.Д.Санжеев тем не менее отмечает, что в ряде ранних калмыцких диалектов посредством этого элемента или суффикса производилась какая-то субстантивация ранних местоимений (?) e-, te- и ja-, в результате чего и получились egün, tegün и jaɣun [74, с. 155].

Б.Х.Тодаева высказывает предположение, что элемент gün восходит "к некоему местоименно-субстантивному слову со значением 'сам', 'человек', превратившемуся впоследствии в формально-грамматическую морфему" [92, с. 53]. Это предположение представляется реальным с точки зрения семантики и употребления основ egün= и tegün=. В этой связи любопытно данное в сноске примечание Б.Х. Тодаевой о том, что у калмыцких женщин существовал обычай, по которому запрещалось произносить имя мужа, и они называли его словом бий (beye 'человек', 'тело', 'сам'), кун (kümün 'человек') [92, с. 53].

Нам кажется правомерным допущение, что элемент =gün восходит к күн<kümün 'человек': e<(ene) + күмүн>күн//gүн= egүн>совр. туун=; te<(tere) + күмүн>күн// gүн=tegүн>совр. туун=. О том, что этот элемент восходит к слову, обозначающему одушевленный предмет (лицо), могут, пожалуй, свидетельствовать и случаи иногда необязательного употребления косвенной основы местоимения перед

последологом, когда речь идет о неодушевленном предмете, ср. совр. монг. энэ тухай (ун) 'об этом' вместо /т/үүний тухай 'об этом', 'о нем'.

Множественное число местоимений *ene* и *tere: ede~eden* 'эти' *tede~teden* 'те', употребляется также в формах *edeger*, *tedeger* без какого-либо изменения в значении, ср. *tede čerig=ūd* [АТ I, с. 51] 'те солдаты' и *tedeger irgen* [АТ I, с. 2] 'те люди'.

Прибавляемый к основе суффикс *=jar/=ger* имеет, по мнению В.Л. Котвича, то же происхождение, что и окончание творительного (в современной терминологии орудного) падежа, который "первоначально имел значение совместности (комитатива) и только с течением времени утратил это значение..." [41, с. 315].

Г.И. Рамстедт видел в *=ger* формы множественного числа **mer *wer*, к которым восходит возвратно=притяжательный суффикс *=iyan/=ban/=gan/=yugan* со значением 'сам', например, в словах *edeger* 'эти сами', *tedeger* 'те сами' [69, с. 73].

По-видимому, здесь прав В.Л. Котвич, возводя *=ger* к орудному падежу. Это подтверждает и употребление таких местоимений, как *bügüdeger* и *bultu=bar* 'все', 'все целиком', 'полностью', при *bügüde* и *bultu* 'все' (ср. в совр. яз. бугд=бүгдээр, булт=бултаар). Кроме того, оба эти местоимения могут иметь притяжательную частицу *=iyan/-iyen*, которая вряд ли присоединялась бы, если бы суффикс *=ger* был сам притяжательным по происхождению.

К указательным местоимениям относятся также *eyimü* 'такой' (как этот), *teyimü* 'такой' (как тот), например: ...*merked=ese abuḡsan yosu eyimü buyu* [АТ I, с. 60] '... вот так забрали у маркитов'; ...*teyimü nigen kümün teyimü moritu bölüge* [АТ I, 14] '... был такой человек с таким конем'.

В роли указательного местоимения встречается слово *mön* 'тот', 'этот самый', например: ...*mön sönī böged ögülejü ilegerün* [АТ I, с. 60] 'в ту же ночь отправил с вестью'. В.Л. Котвич называет *mön* определительным местоимением, которое выступает иногда в значении прилагательного ('тот самый', 'выше упомянутый'), иногда – наречия ('действительно', 'также'), а иногда и связки с оттенком подтверждения ('действительно есть', 'именно') [41, с. 172].

В. Запросительные местоимения: *ken* 'кто?', *yaun* 'что?', *yambar* 'какой?', *ali* 'какой?' (всякий), *kedüi~kedün* 'сколько?'. Примеры: *ken=ü yaun=u köbegün bui kenen* [АТ I, с. 11] 'Кого, чей сын?'; *yambar ele sayin=i üjejü kemelüge bui* [АТ I, с. 29] букв. 'Какое же хорошее видел я?';

ali irgen kemebeşü ... [AT I, с.84] 'Если говорить, какой народ ...'; ... kedün nöküd [AT II, с.140] '... сколько товарищей?' Местоимение ali употребляется также в форме ali=bar со значением 'каждый, всякий', например: ali=bar yusu=ban [AT II, с.31] 'всякий свой закон'.

В тексте довольно часто встречается препозиционное вопросительное слов ker со значением 'как?', 'каким образом?', например: Cinggis qaγan... ögülerün, ker eyin kigden bölüge [AT I, с. 78] 'Чингис-хаган ... сказал: "Как это случилось (букв. было сделано)?"'; Bi cin=a-aşa anggida morid ker abquī bölüge [AT I, с. 46] 'Без тебя как бы я поймал коней?'; Qarangquī söni ker olqu [AT I, с. 41] 'Как найти [его] темной ночью?'; Tus qaγan=iyan ker tebčijü bariju odqu bide kemeju... [AT I, с. 148] 'Как мы [можем] лишить жизни своего собственного хагана?', - сказали [они]....'.

В современном монгольском языке ker отсутствует и ему соответствует kerkün (хэрхэн) в том же значении. Однако в бурятском языке имеется вопросительное местоимение хэр 'какой?', 'каков?' [28, с. 144-145].

4. Обобщительные местоимения указывают на совокупность лиц, предметов: бүгүдe~бүгүдeгeр 'все', 'все полностью', cöm 'все', бүри 'каждый', бүкү~бүкүн 'каждый', 'всякий', qamuy 'все', 'весь'. Примеры: ... busu бүгүдe mīqan=i am Dobu=mergen=e ögbe [AT I, с.10] '... все остальное мясо отдал Добу-мэргэну'; qaγan=aşa ekilen cöm бүкүдe kiγud yasutai [AT II, с.90] 'Начиная с хагана все были хигуды'; ... gegen uqayatu čečed merged бүгүдeгeр ... [AT II, с.19] '... все со светлым умом и мудрые ...'; ... ösiy=a=tu kümün=i, edügen бүри γaruy=a [AT II, с.175] '... враждебных людей у каждой двери сделаем слугами'; Altan Qučir Sečen beki бүкүн eyetüleldüjü Tömücin = [e] ögülerün [AT I, с.70] 'Алтан, Хучир и Сэчэн-бэки - все, посоветовавшись, сказали Тэмучину ...'; Tere nūke=ber qan orun=iyan gegeju qamuy ulus=iyan orkiju γarum geju ... [AT II, с.120] 'Через это отверстие вышел, оставив свой ханский трон и бросив весь свой народ ...'.

5. Притяжательные местоимения: уулуицай 'чей?', кенүкей 'чей?', 'кого?', тегүнүкей 'его'; образованы от формы родительного падежа указательных и вопросительных местоимений с помощью суффикса =qai/=kei. Примеры: Tede irgen Bodanсар=i кенүкей bui, уулуицай bui кемеи асаqu үгеi [AT I, с.14]

‘Те люди не спрашивали Боданчара, кого и чей [сын/’; *ᠬауун кү-
шүн, ёи кенүкеи, буи кепен аауаба* [АТ I, с. 50] ‘Что за люди? Ты
чья/будешь?’; —спросили [они/’; *Ede köbegüd кенүкеи болба. Ene
мауалиу Бауаудай күмүн гер-үн дагуу-а бөлүге. Тегүн-үкеи буи
ү-а кепен* [АТ I, с. 11] ‘Это чьи сыновья? Хозяин этой юрты Магалик
Баягудай. Должно быть, его’.

6. Возвратные местоимения. По словам
В.Л.Котвича, “из трудного положения, создавшегося в связи с отсут-
ствием возвратных местоимений, монголы вышли, использовав особую
частицу *ban/ben, yan/ven* (*iyan/iyen*), а иногда *yan/gen* (= ‘an = ‘en),
которая присоединяется к концу слова” [41, с. 160]. Происхождение
этой частицы связывается со словом *beye* ‘тело’, ‘человек’, ‘сам’.

Действительно, данная частица широко используется как в па-
мятниках XIII–XIV вв., так и в позднейших, в том числе и в АТ, со
значением ‘свой’, например: *Aduu=ban abuyad irejüki* [АТ I,
с. 75] ‘Пригнал свой табун’; *Eyimü=yin tula qaračin=и noyad ulus=
=iyan abcu Tayicing ulus=tu oruba* [АТ II, с. 92] ‘Поэтому хара-
чинские князья, взяв свой народ, вошли в государство Тай-цзуна’.

Однако наряду с возвратно-притяжательной частицей упо-
требляются и возвратные местоимения с основой *öber=, öbesü=*
‘сам’, т.е. *öber=ün, öber=iyeu, öbesüben*, например: *Öber jäy-
raban маулалдуу... [АТ I, с. 6] ‘Сами между собой поссорились...’;*
Öber=ün amin=ača qayiran ügei [АТ II, с. 20] ‘Ничего нет дороже
[милее] своей жизни’; ...*öber=iyeu ber ideged qarçayai=yuyan ber
tejiyeged... [АТ I, с. 13] ‘...и сам ел, и ястреба своего кор-
мил...’; Boyda, Cinggis qaγan kilinglejü öbesüben morilan
toγuribaγu... [АТ II, с. 24] ‘Чингис-хаган разгневался и намере-
вался самолично отправиться...’; ...*öbesüben ökin=iyeu üde=kü
bolun... [АТ I, с. 21] ‘...самолично провожал свою дочь...’;*
...*kesig orur=un kesig=ün noyan öber=tür=iyeu kesiglegsен kesig=
=ten, бүтүгөү... [АТ I, с. 154] ‘Нойону отряда, вступившего на
стражу, самому надлежит делать переключку воинов очередной
стражи’.**

Как известно, в качестве возвратного местоимения в монголь-
ских языках с давних пор употребляется слово *beye* ‘тело’, ‘че-
ловек’ в значении ‘сам’, например: ...*beye anu toγulaγu oruγu
iretügei* [АТ I, с. 156] ‘... пусть входят, пересчитав себя (букв.
тело их)’; *Bide beyes=iyeu Cinggis qaγan=a kücün ögkür=е irebe*
[АТ I, с. 111] ‘Мы сами (букв. своими телами) пришли отдать
[свою] силу Чингис-хагану’; *Egün=ü ilede üsüben samalγu beyeben
шагайиқи=yi niγultai gebe* [АТ II, с. 132] ‘При нем грешно расче-
сывать свои волосы, почесывать себя (букв. свое тело)’.

Числительные образуют особую группу имен, обозначающих названия абсолютных чисел, количества и порядка при исчислении предметов. В отличие от других имен числительные не имеют формы множественного числа, за исключением тех случаев, когда они исторически являются названиями племен; ср., например, ...dörben köbegün inu, ...qaraǵu [orkıyad] negübe. Dörben omuǵ=tan bolba. Dörben [dörbed]=ü ebüges teden bölüge [AT I, с. 97] 'Четыре сына его ...отделились. Образовался род дәрбән (букв. четырех). Это и были предки дәрбәнәв (дәрбәтов)'.
 К формам множественного числа относятся также племенные названия mingǵad 'мингаты', tümed 'туметы' соответственно от mingǵan 'тысяча', tümen 'десять тысяч'.

По морфологическому оформлению и значению числительные делятся на несколько разрядов.

1. Количественные числительные противопоставляются другим отсутствием словообразовательных аффиксов и тем, что от их основ образуются при помощи суффиксов все прочие разряды числительных.

Количественные числительные первого десятка: nigen 'один', qoyar 'два', ǵurban 'три', dörben 'четыре', tabun 'пять', ǵırǵıǵan 'шесть', doluǵan 'семь', naiman 'восемь', yisün 'девять', arban 'десять'.

Десятки, сотни и тысячи обозначаются следующим образом: arban 'десять', qorin 'двадцать', ǵuǵın 'тридцать', döǵın 'сорок', tabın 'пятьдесят', ǵıran 'шестьдесят', dalan 'семьдесят', naıan 'восемьдесят', yeren 'девяносто', ǵaıun 'сто', mingǵan 'тысяча', tümen 'десять тысяч'.

Числительные II-19, 21-29, 31-39, 41-49 и т.д. сложные. Они образуются сочетанием названия десятков и соответствующих единиц: arban nigen 'одиннадцать', qorin tabun 'двадцать пять', ǵuǵın doluǵan 'тридцать семь', döǵın dörben 'сорок четыре', tabın qoyar 'пятьдесят два' и т.д.

Этот разряд числительных употребляется в качестве:

1) количественного определения: ...ede ǵurban köbegüd=i törübeı [AT I, с. II] '... родила этих трех сыновей'; ...döǵın dörben nasun=dur=ıyan tıgri bolba [AT II, с. 176] '...в сорок четыре года скончался';

2) обобщающего слова после перечисления однородных членов, главным образом имен собственных, реже нарицательных: Duw=a

soqur, Dobu mergin qoyar böñce /АТ I, с. 77 'Были Дува-сохор и Добу-мэргэн' (букв. 'Дува-сохор Добу-мэргэн два'); ...Küsi, Kökeü, Jongqur, Qorqasad dörben=i tüsibe [ögbe] /АТ II, с. 277 '... отдал четырех: Кучу, Кокэчу, Джонхура и Хорхасата'; Tere noyan ber ünen qidal qoyar=i ilçaju jasayalay-san=iyar /АТ I, с. 27 'В результате того, что тот нойон различал правду и ложь';

3) компонента глагольного словосочетания: yurban qonugu 'провести трое суток' (букв. 'три переночевать'); Tömücin siyui dotura yurban qonubasu... /АТ I, с. 138/ 'Когда Тэмучин провел в поше трое суток...'

Иногда конечный =n числительного yurban опускается, например: Basa yurba qonuba /АТ I, с. 39/ 'Провел еще трое суток'.

2. Порядковые числительные отвечают на вопрос 'который?' и образуются с помощью суффикса =duyar/ =düger, присоединяемого к основе с утратой конечного =r в числительном qoyar 'два' и =an в числительных jiryuyan 'шесть', doluyan 'семь'; например: jiryuduayar üced ür=e ügei buyu /АТ II, с. 190/ 'Шестой [сын] Учед детей не имел'.

Числительные yurban 'три', dörben 'четыре', tabun 'пять' сохраняют в АТ древние формы этих порядковых числительных yutağar, dötüger, tabtağar²⁰; например, ...yutağar edür çerig=iyen çigulçaju... /АТ I, с. 8/ '... на третий день собрал свои войска...'; Yutağar edür tayiçigud irejü /АТ I, с. 42/ 'На третий день пришли тайчигуды'; Dötüger Bingdu ür=e ügei /АТ II, с. 190/ 'Четвертый [сын] Бингду детей не имел'; Tabtağar Otqun çögür=ün köbegür Buyan aqai /АТ II, с. 190/ 'У пятого [сына] Отгон-чохура был сын Буян-ахай'.

3. Разделительные числительные отвечают на вопрос "по сколько?" и образуются посредством суффикса =yad/=ged: tabuyad 'по пять', arbayad 'по десять', qoriyad 'по двадцать' и т.д.; например: Basa jiçi tabuyad mösün qamtu çuylaju öghesü ese quylbai /АТ I, с. 11/ 'И когда снова дала [им] по пять собранных вместе прутьев, [они] не сломали'; Çerig=ün kümün toluyai=yin arbayad yal sitayaytun geju Jarlaju sitayalyaba /АТ II, с. 138/ 'Распорядился, чтобы каждый воин зажег по десять огней (т.е. костров) и по приказу зажгли [огни]'; ... qoriyad büküli çayan, sira, ulayan, noyuyan toryan ... örgüjü

²⁰ В текстах XIV в. эти числительные употреблялись в формах yutağar, tabtuğar /110, с. 65-66; 111, с. 74-75; 112, с. 54/.

mörgübei /АТ П, с.183/ '... преподнес по двадцать целых/кусков/ белого, желтого, красного, зеленого шелка'.

От числительного **nigen** 'один' разделительное числительное имеет форму **niʃeged** 'по одному', например: **Tömüčin=i ayıl tutum=dur -ıyan niʃeged qonuylı, bidügülün/kesün/ yabuqi dur...** /АТ I, с. 39/ 'Чтобы в каждом айле Тэмучин ночевал по одному разу и просил милостыню скитаясь...'; **...niʃeged mösün=i bariylı...** /АТ I, с. II/ '...дала по одному прутуку...'.
От числительного **qoyar** 'два' разделительная форма будет **qosiyad~qosiyad** вместо ожидаемой **qoyayad**.

4. Собираательные числительные отвечают на вопрос "сколько вместе?" и образуются, как правило, от единиц первого десятка при помощи суффикса **=yula/=güle**; например: **Nigen edür aq=a degü qoyayula görügeled Burqan Qaldun=a degere yarbasu** /АТ I, с.8/ 'Однажды старший и младший (братья) охотились вдвоем и взобрались на Бурхан Халдун'; **Tömüčin, qasar, Belgütei yurbayula kereyid=ün Ong qayan=dur Tuylan mören=ü qara tün=e /siyi/ büküi=dür oǵu ögülerün ...** /АТ I, с.53/ 'Тэмучин, Хасар и Бэлгүтэй отправились втроем в темный бор на реке Тугула (Тола) к керейтскому Онг-хагану и сказали...'; **Tede dörbegüle qosiyulaıu ükübei** /АТ П, с.178/ 'Те четверо командовали [отрядами] и погибли'; **Ta tabayula ey=e öber=e-ten bolbasu tuar-un ıarıs mösün metü kildar ilaydaqun ta** /АТ I, с. 12/ 'Если вы впятером будете [выступать] каждый за себя, то будете легко сломлены [всяким], как одна та самая хворостина'; **Buun aq=a degü yisügüle aısan aııuı** /АТ П, с. 150/ 'Бугун с братьями были вдевятером'.

Числительные с суффиксом **=ta/te** отвечают на вопрос "сколько раз?": **yurban=ta** 'трижды', 'три раза', **yisün=te** 'девять раз', 'девятикратно'; например: **yurban=ta amııı uııı qayan ögülerün** /АТ I, с. 92/ 'Трижды отпив, хаган сказал'; **Qaldun=a jüg yisün=te sögüdıü öcin saıulı saıuba** /АТ I, с. 53/ 'Девятикратно поклонился в сторону [Горы] Халдун и побрызгал во все стороны'.

Впрочем этот разряд числительных можно рассматривать и в виде наречий, соотносительных с числительными, например: **nigen=te** 'уже', 'однажды': **...amin minu nigen=te abııı ıaruluı=a ııı** /АТ I, с. 93/ 'Ты уже [однажды] спас мне жизнь'.

Повелительно-желательные формы

Повелительно-желательные формы глагола выражают приказание, просьбу, пожелание, обращение к какому-либо лицу, а также намерение, призыв самого лица (лиц) совершить действие. Все эти формы являются финитными глагольными формами и синтаксически функционируют как сказуемые законченного предложения. Общим для них является то, что они имеют одну и ту же свойственную только им запретительную препозиционную частицу, которая ставится перед соответствующей глагольной формой, когда нужно выразить запрещение. В языке "Алтан тобчи" такой частицей является *буу* 'не'.

Большинство повелительно-желательных форм соотносится с определенным лицом. Различие между формами состоит в степени настойчивости, категоричности приказа и обязательности выполнения действия соответствующим лицом.

Повелительная форма 2-го лица

Эта форма обозначает прямое, настойчивое и категорическое приказание субъекту, обозначенному 2-м лицом обоих чисел ^I, совершить действие. Морфологического показателя она не имеет, т.е. совпадает с основой глагола: *Ḳi teyin=kü kebte, bi ülü jiyajū ögkü kemen nögḡibe [ṡnggergölbe] [AT I, с. 40]* 'Ты так и лежи, я не выдам тебя, - сказал [он] и уехал'; ...*Ḳ=a, edüge Ḳi nada mörgü [AT II, с. 176]* '...ну, теперь ты поклонись мне'; *Tömüḡin Jamuq=a=dur Qasar, Belgüteḡ qoyar=i ileger=ün, Jamuq=a anda=dur kürḡü ögüle kemen ögülejū ileger=ün ... [AT I, с. 54]* 'Тэмучин послал к Джамухе Хасара и Балгутэя, сказав им: "[Вы],

^I Некоторые исследователи определяют эту форму как форму 2 л. ед. ч. [16, с. 130; 129, с. 15]. Однако примеры свидетельствуют, что и в "Сокровенном сказании" и в "Алтан тобчи" она используется и для 2-го л. мн. ч.

приехав к повороту Джамухе, скажите [ему] (букв. достигнув, скажите) "..."; *Tayiciγud daγudaγu ögüler=ün aq=a-yuγan Tömičin=i ilege* [АТ I, с. 38] 'Тогда тайчигуды стали кричать: "Выдайте [пошлите] своего старшего брата Тэмучина!" Эта же форма встречается с отрицательной частицей: *Naṃayī üje=lüge kemen küšün=e buu ögüle* [АТ I, с. 41] 'Что видел меня, никому не говори!'

Повелительно-наставительная форма 2-го лица

Эта форма образуется путем присоединения суффикса *-γarai/-gerei*. Считается, что она появилась в классическом языке под влиянием устной речи [74, с. 98, 172]. Эта форма широко распространена в современном монгольском и бурятском языках, но в классическом языке она употреблялась редко, особенно в его ранний период, о чем может свидетельствовать и текст "Алтан тобчи", в котором она встретилась всего один раз.

Эта форма обозначает более вежливый характер действия по сравнению с повелительной формой 2 л., например: *Ene üge=yi minū qudal geγü sanaqu boluγsan čimadur tursiγul elči ilegekü bui medegerei gebe* [АТ II, с. 154] 'К тебе, посчитавшему эти слова мои ложью, [хан] отправляет разведчика-гонца, знай [это]!'.

Повелительная форма 2-го лица множественного числа

Эта форма образуется путем прибавления к глагольной основе суффикса *=dun/=dkün* и передает обращение, призыв совершить действие, причем обращение или призыв имеют различную степень категоричности – от требования безоговорочно совершить действие до более вежливой просьбы. Если в языке более раннего периода эта форма выражала преимущественно категорическое приказание совершить действие [77, с. 173], то в тексте "Алтан тобчи" встречаются примеры со значением как категорического приказа, так и обращения-просьбы: *...degüü=ner köbegüd baγuγu üjedkün kemebe* [АТ I, с. 51] '...сойдите-ка, младшие сыны, да посмотрите!'; *γaγsa Belgüte=yi minū buu tebčidkün* [АТ I, с. 37] 'Только Балгутэя моего не лишайте жизни [не губите]!'; *...qoyar jalaγus bui ta nöküčeldüdkün mön qoyina buu tebčileldüdkün kemebe* [АТ I, с. 47] '...вы оба молоды, дружите же и впредь никогда не покидайте [друг друга]!'

В единичных случаях эта форма выражает намерение или приглашение от первого лица совершить действие: *Ede ekes köbegüd=i nutuγ=tur gegeγü negüdkün, buu böged abču yabudqun kemen* [АТ I,

с. 33/ 'Эту мать с сыновьями оставим в кочевье и откочем, уйдем и не возьмем [с собой]'.

Форма =dquṇ заинтересовала исследователей своей структурой, которая до сих пор остается не совсем ясной. Дело в том, что в более позднем классическом языке наряду с этой формой употреблялась аналогичная по значению форма =γtun/=gtün, впоследствии вытеснившая первую. Она встречается в "Алтан тобчи", но значительно реже, чем форма =dquṇ/=dkün. Примеры: *Beu-e inu quriya-tala setkil-i inu quriyaγtun* [АТ II, с. 46/ 'Овладевайте их душами, пока не овладеете их телами'; *Qaril bucal ügei yabuḡu qataγuḡin setkigtün ta* [АТ II, с. 101-102/ 'Без колебаний живите и твердо (букв. закаляясь) мыслите!'; ...*niḡeged mösün-i barḡu-1ḡu köbegüd quḡuluḡtun kemen...* [АТ I, с. 11/ '...дала по одному пруту и сказала: «Сыновья, сломайте!»'.

Возникает вопрос, это одна или разные формы по происхождению? Г.Д. Санжеев высказывает предположение, что =γtun вряд ли могла возникнуть из =dquṇ путем метатезы [77, с. 102/; другие исследователи считают наличие этих форм результатом метатезы [130, с. 124/.

Г.И. Рамстедт полагал, что древнемонгольское =dχun возникло из вторичной глагольной основы на =tu/=t=, а =χun - окончание, употреблявшееся для множественного числа, тогда как для единственного числа могла быть форма =dχui [69, с. 90/ Н.Н. Попе считает, что эта форма произошла от производной основы (пассива) на =d=/=da [123, с. 195/.

Однако венгерский языковед Л.Бэшэ замечает, что в среднемонгольском пассив имел три алломорфа (=Gda=, =da и tA=) и что, следовательно, =d в dkun не мог быть выделен таким путем. Л.Бэшэ предлагает еще одно объяснение происхождения формы =dkun, а именно то, что в ней присутствует =d - показатель настоящего времени, свойственный древнемонгольскому языку, а =ku - показатель будущего времени во множественном числе [109, с. 25/.

И все же, как бы ни были интересны предложенные объяснения, вопрос о морфологической структуре данной формы еще нуждается в дополнительном исследовании. Сам факт наличия разных точек зрения свидетельствует о ее сложности. Отметим также, что в "Алтан тобчи" наряду с =dkün встречается и форма =dekün, например: *Edüge Ünggür Boroquḡ qóyar morilaḡu yabuḡu olan kümün-e tügedekün kemen jarliḡ bolba* [АТ I, с. 142/ 'Издав указ: "Теперь Унгур и Борохул распределяйте [пищу] во время походов, [когда будет] много людей". По-видимому, =d=/=de в =dkün, =dekün

все же нельзя возводить к глагольной форме на =d, которая рано исчезла из монгольского языка [41, с. 274].

Пропозитивная форма 1-го лица

Морфологическим показателем пропозитивной формы является суффикс =su/=sü. Эта весьма распространенная форма передает намерение, желание, готовность совершить действие. Как правило, она употребляется с 1-м лицом единственного, в редких случаях множественного числа, например: Ene köbegün=iyen čimada ögsü [AT I, с. 107] 'Отдам тебе этого своего мальчика'; Baraγun γar činu bolju küčü ögsü kemen... [AT II, с. 71] 'Стану правой рукой твоей, поддержку тебя... (букв. силу отдам)'; Ene, söni erte morilasu kemeγüküi [AT I, с. 128] 'Этой ночью пораньше отправлюсь в поход'; Qatun Börte=1 činu garıγulju abčü iresü bide [AT I, с. 54] 'Мы вернем и отдадим тебе твою ханшу Борте'.

Наряду с su с тем же значением употребляется (хотя и несколько реже) форма на =suγai, =sügei: Dayi Sečen ögülerün: ökin=iyen ögsügei bi [AT I, с. 30] 'Дай Сэчен сказал: "Я отдам свою дочь"'; Tegün=dür bi ayalasuγai kemen [AT II, с. 84] 'Я отправляюсь на него походом'; Aduγun biden=ü turaγan bui. Aduγun=ıyan teγegesügei kemen [AT I, с. 127] 'Наш табун отошал, откормим свой табун!'; Bi...ötegüs yekes=lüge ulus=un üyile ögülde sügei kemen... [AT II, с. 56] 'Я же... побеседую со старшими и великими о делах государства...'

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица

Эта форма употребляется в 1-м лице обоих чисел, обозначает намерение, желание совершить действие, а также призыв, приглашение к другим лицам совершить действие, в котором принимает участие и сам субъект, обозначенный в форме 1-го лица. Показателем этой формы является =y=a. Эта форма также очень часто встречается, но в отличие от предыдущей, которая употребляется преимущественно с 1-м лицом ед. ч., она встречается преимущественно в 1-м лице множественного числа²: Činggis qaγan Ong qaγan qoyar=tur morılay=a kemeldübei [AT I, с. 88] 'Отправимся-ка мы в поход на Чингис-хагана и Ong-хагана'; Činggis qaγan Ong qaγan qoyar qatqulduy=a kemen [AT I, с. 120] 'Чингис-хаган и Ong-ха-

² А.Бобронников описывает ее как форму 1-го л. ед.ч. [16, с. 339].

ган сказали: "Сразимся-ка" ; *Qatun Börtөгөлжин-dur činu üjügülye=ni* /АТ II, с. 104/ 'Ханше Бортөгэлджин твоей покажем'.

И гораздо реже она зафиксирована с 1-м лицом единственного числа, например: ...*činu öngge gerel-i üjeu=gejü namay ile-gebe* /АТ II, с. 128/ '...посмотрю-ка на твою красоту, - сказал [он], - меня [за этим] и прислали'; *Eke-dece asaγuγ-a kemen* /АТ I, с. 66/ "Спрошу-ка я у матушки", - сказал [я/].

Повелительно-желательная форма 3-го лица

Эта форма выражает просьбу, приказание совершить действие субъекту, выраженному 3-м лицом обоих чисел. В качестве показателя выступает суффикс *=tuγai/=tügei*; *Toγoril qaγan ečige üdter iretügei kemen* /АТ I, с. 81/ 'Сказал: "Пусть немедленно придет отец Тогорил-хаган" ; *Altan bosuγ-a-yi činu sakiγu atuγai kemen* /АТ I, с. 84/ 'Пусть хранят твой священный порог!'; *ǰamıq=degüü tendese qoyar tümen bolǰu baraγun γar bolun mori-latuγai* /АТ I, с. 54/ 'Младший брат Джамуха пусть выступит оттуда с двумя туменами, образуя правое крыло'; *Ükübesü abasu ǰayaγan minu medetügei kemen Onan mören uruγu odba* /АТ I, с. 13/ "Пусть судьба решит умереть или живу быть", - сказал [он] и отправился вниз по реке Онон'.

Кроме того, этой формой выражается также приказ, повеление безотносительно к какому-либо лицу, например: *Kebtegül oruqun=dı buı udayatuγai kemen ǰarlıγ bolba* /АТ I, с. 152/ 'Издав указ: "Не запрещать [не задерживать] вступление в кэбтэгулы" ; *Dotuna biden=ü dergede yabuǰu suralčasu kemeǰu irekün arad=i buı itγatuγai kemebe* /АТ I, с. 152/ 'Не задерживать аратов, направляющихся к нам, которые хотят обучаться при нас во дворце'.

В одном случае обращение к 3-му лицу выражено формой на *=ɣ*, например: ...*qaγan=ača ǰinong asaγ genem gebe* /АТ II, с. 136/ "...пусть джинонг спросит у хагана", - сказал [он/]. По имеющимся примерам нельзя проследить разницу в значении форм на *=tuγai* и *=ɣ*, хотя, по мнению некоторых исследователей, этимологической связи между этими формами нет и в монгольских языках существует не одна повелительно-желательная форма 3-го лица с разными показателями, а разные формы /77, с. 106/.

Если учесть различие в значении и употреблении этих форм в современном языке: первая употребляется только в призывах, воззваниях (БНМАУлс мандтугай! 'Да здравствует МНР!'), вторая - в пожеланиях (Өвөл яваг бид бэлэн байна /ун/ 'Пусть приходит зима, мы готовы'), то можно, пожалуй, говорить о двух формах 3-го лица.

Пожелательная форма употребляется со всеми тремя лицами и указывает на пожелание какому-либо лицу совершить действие, причем это пожелание может быть высказано без особой надежды на его осуществление. Эта форма образуется показателями =*γasai*/=*gesei*/=*gsei* и =*sai*/=*ssi*/=*sa*/=*se*³, например: *Eġen ober=iġen medegesei* [АТ II, с. 95] 'Хорошо бы государь сам узнал'; *Gegen yeke ġarlıġ=iġan öġcü tarġasai* [АТ II, с. 51] 'Хорошо бы обнародовал свой светлый великий указ'; *Maġu ġu bolba köbġileġü medegsei gebe* [АТ I, с. 79] 'Хотя и плох [лук], хорошо бы [вам] натянуть тетиву'; *Ger=te=ki ökid köbegüd=iġen sireġülesei* [АТ II, с. 51] 'Хорошо, если бы разбудили в юрте своих дочерей и сыновей'; *Teġün=i abasai kemen* [АТ II, с. 93] 'Хорошо бы получить ее'; *Yekes=üm ġerge=dür oruġsan bolusa bi, yere üġe kelese bi, sayid=un ġerge=dür oruġsan bolusa bi, sanaġsan sanaġaban kelese bi geġü bayıba* [АТ II, с. 6] 'Войти бы мне в ряды знати, сказать бы мне простые слова, войти бы мне в ряды вельмож, сказать бы то, что в мыслях (свое задуманное)'.

Форма опасения

Эта форма образуется посредством суффикса =*ġuġai*/*ġüġei* и выражает предостережение или опасение, как бы не совершилось действие, которое является нежелательным: *Er=e=yı inu biden=ü ġerig=üd urida alaġu boluġuġai* [АТ I, с. 94] 'Как бы наши воины уже не убили ее мужа'; *...nökür minu tulada ġi erüsdegüġei* [АТ I, с. 45] '...друг, как бы ты не погиб из-за меня'; *...aġu törü minu aldarġuġai... burin ulus minu sanduraġuġai* [АТ II, с. 64] 'Как бы не стали подражать [тебе] многочисленные подданные'.

Иногда встречается раздельное написание компонентов суффикса =*ġuġai*, например: *Busu boluġsan aġ=a degün=degen iġirig boluġu ġai* [АТ II, с. 33] 'Как бы не было стыдно [тогда] старшим братьям и младшим за все это'. В качестве прототипа суффикса =*ġuġai*/=*ġüġei* предполагается =*ġуджі* ~ **ġүлжі*, разложимый на два компонента: 1) **ġу* ~ **ġү* и 2) **джі*, причем последний, как считает Г.Д. Санжеев, в старописьменном монгольском, ойратском и совре-

³ Ср. =*сā* ~ =*сā̄* в ойратском, =*сā* в монгольском, =*сē* в монгольском, =*сэ* в дунсянском и баоаньском языках [77, с. 108].

менном монгольском языках сопровождается усилительной частицей * $\text{ai} \sim \text{ei} = \bar{\text{a}} \sim \bar{\text{e}}$ [77, с. 112].

Некоторые ученые считают первый компонент ju = суффикса jujai вариантом показателя причастия будущего времени $\text{qu} = \text{kü}$, а второй — jai , в свою очередь состоящий из двух компонентов ja и i , — эмфатической частицей со значением вероятности [109, с. 30–31]. Такое предположение, на наш взгляд, не лишено основания. Как уже отмечалось выше, все повелительно-желательные формы имеют одну общую запретительную частицу biu 'не'. Данная форма является исключением, так как при ней употребляется не biu , а ülü 'не', частица, предшествующая другим глагольным формам (см. раздел "Частицы"), в том числе и причастным, например: $\dots \text{qamij ulus} = \text{i} \text{ ülü medegüjei kemen}$ [АТ I, с. 27] '... как бы [это] не осталось неизвестным всем народам'. Следовательно, ju в jujai вполне мог быть вариантом суффикса причастия будущего времени $\text{qu} = \text{kü}$.

Частица отрицания при этой форме встречается весьма редко, в связи со значением, выражаемым данной формой. В таком случае получается конструкция, похожая на двойное отрицание "как бы не не узнали", т.е. не оказались не осведомленными.

Изъявительные глагольные формы

Формы настояще-будущего времени

Показателей настояще-будущего времени несколько, и все они, обладая общим значением непрощедшего времени, имеют некоторые отличия в своем значении и употреблении.

Форма на yu

Форма на $\text{yu} = \text{yü}$, отсутствующая в современном монгольском языке, но употреблявшаяся в памятниках монгольского языка XIII–XIV вв. [69, с. 98; 77, с. 119], часто встречается в "Алтан тобчи". Ей присуще модальное значение достоверности, убежденности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, поэтому ее, как правило, можно встретить в разного рода изречениях, поучениях, наставлениях, когда совершение действия в настоящем или будущем не подлежит сомнению. Такое значение этой формы подкрепляется и тем фактом, что после нее практически не употребляется частица сомнения $\text{j} = \text{a}$, которая вполне возможна при других изъявительных формах (см. раздел "Частицы").

Действие, передаваемое этой глагольной формой, может относиться к так называемому расширенному настоящему времени, т.е. оно совершается не в данный момент, а присуще предмету или явлению как таковому: *Naran urγubasu sayin ba maγu=dur amidu ba ūkūgsen=dūr tegsi qalaγun gegen=iyen kūrgūyū* [АТ II, с. 35] 'Когда солнце всходит, оно посылает одинаково теплый свет для хороших и плохих, живых и мертвых'; ...*idegen-i tūgegen čidaqu baγurōi kūmūn, qaraγsan irgen=i ūlū qoγidaγuluyu Qurim dotura ūlū dutaγuluyu. Ōber=iyen ber olju idegeyū* [АТ II, с. 89] '... повар, умеющий распределять кушанья, не заставляет ждать собравшихся, не допускает на пиру недостатка в пище и сам бывает сыт'. Относится оно также и к будущему времени, особенно в предложениях с условными и временными деепричастными оборотами наставительно-поучительного характера: *Uqaγ=a ūgei maγu kūmūn=iyer elči ɣarubasu ulus=iyen ebdeyū* [АТ II, с. 66] 'Если направить послом неумного, плохого человека, [он] погубит свое государство'; *Qan kūmūn qaraγu kūmūn=ū aburī aburilabasu qamγ ulus=iyen aldayu* [АТ II, с. 32] 'Если хан поведет себя как простолюдин, [он] потеряет все свое государство';

В предложениях с прямой речью действие, которое передается глаголом в форме =уи, может быть будущим по отношению к моменту речи, хотя предложение в целом относится к прошедшему времени, значение которого передается формой заключительного сказуемого: *Kūbegūd=tegen edūr ūjekū=yin nidun, sōni sonusqu=yin čiken bolγayu kemen ger dotur=a teɣiyebei* [АТ I, с. 85] "Стану для сыновей глазами, чтобы видеть днем, и ушами, чтобы слышать ночью", — сказала [она] и — воспитала [их] в юрте'.

Иногда действие, передаваемое глаголом в форме =уи, относится к прошедшему времени, например: *Erte tere čaγ=tur ɣambutīb=un kūmūn anu qubilju törūjū diyan=u idegen ideyū, Ōber=ūn bey=e=eče gerel badarayu ridi qubilγan=iyar oγtarγui=bar yabuγu čaγlasi ūgei nasutu buyu* [АТ I, с. 1] 'В те далекие времена люди переродились, [они] питались пищей созерцания, излучали своими телами свет, благодаря чудесным превращениям ходили по небу и годы их были бесконечны (букв. были непостижимого возраста)". Однако такие случаи единичны. В целом же эта форма употребляется для обозначения действий настоящего расширенного и будущего времени, несомненность совершения которых очевидна.

Наряду с суффиксом =уи встречается (хотя и довольно редко) суффикс =i после гласного и, например: *bui, ayisui*, причем гласный и появляется с присоединением суффикса =уи к основам, оканчиваю-

шимся на согласные. Ср. примеры: *ide=yū*, *aburi=yu*, *bolḡa=yu*, *a=yu* и *dutaḡul=u=yu*, *ab=u=yu*, *qoḡidaḡul=u=yu*.

В более ранних текстах (например, в "Сокровенном сказании") можно встретить, кроме того, суффикс *=yī* после гласного, например: *ol=u=yī* (§ 55), а также суффиксы *=i* или *u* после согласного, например: *ayis=i* (§ 100), *ayis=u* (§ 92). Таким образом, выявлено четыре разновидности этого показателя: *=yu* и *=yī* после основ, оканчивающихся на гласный, или после соединительного гласного *=u* и *=i* и *=u* после основ на согласные. Все эти разновидности показателя употребляются в качестве финитных предикативных форм и *=y=* в них появляется только в положении между гласными. Поэтому можно предположить, что *=y=* это следствие хиагуса между двумя гласными, а сам глагольный суффикс представлен гласными *=u* и *=i* [130, с. 139]. Возникает вопрос, однозначны ли формы на *=i* (*=yī*) и *=u* (*=yu*)? Б.Я. Владимирцов считал окончание *=i* в словах типа *yabui*, *bui*, *ḡarui* суффиксом бывшего причастия настоящего времени [23, с. 55]. Г.И. Рамстедт же полагал, что это суффикс отглагольных имен типа *bui*, *darui*, *murui*, *ayisui*, непродуктивный в современном монгольском языке, но распространенный в корейском, тунгусских и тюркских языках [69, с. 96]. По его мнению, помимо отдельных слов такого рода в монгольском более древнего периода существовала, как продуктивная, еще одна форма настоящего или, скорее, настояще-будущего времени, окончанием которой являлось *=i* (*=j*) и *=ju* (*=jū*), например: *bolui*, *boluju* 'становится'; *irejū* 'приходит'; *yabuju* 'идет' и т.д. [69, с. 98].

И, по-видимому, Г.И. Рамстедт был прав. В отличие от глагольно-именных форм на *=i* изъяснительная глагольная форма образовалась путем присоединения к основам на гласный глагольного суффикса *=u* (*=i*) или *=yu* (*=yī*) $u + u = (=i)$, где *=y=* является следствием хиагуса между двумя гласными [ср. *ide=yū*, *bolḡa=yu*]. В тех же случаях, когда он следовал сразу после согласного основы, в качестве окончания оставалось *=u* (*=i*) (*ayis=u*, *ayis=i*).

Сохранившиеся с древних времен некоторые такие имена на *=i*, например: *ḡarui* 'свыше' (*ḡar*='выходить'), *darui* 'немедленно' (*daru*='давить'), *murui* 'кривой' (*mur*='идти в сторону'), *baḡurai* 'слабый', 'бедный', 'разорившийся' (*baḡura*='снижаться', 'приходить в упадок'), являются в современном языке наречиями и прилагательными. И только, пожалуй, одно слово *ayisui* от основы *ayis*='приближаться' (в современной орфографии айсуй) употребляется в качестве глагольно-именной финитной формы, обозначая действие, совершающееся в настоящий момент, например: *нэг машин айсуй* [Цэв.,

27/ 'приближается машина'; Тэд айсуй /МРС, с. 28/ 'Они идут' (т.е. приближаются). В современном монгольском языке эта архаичная форма имеет узкую сферу употребления.

В языке же "Алтан тобчи" основа *ayis* = часто встречается в различных причастных и деепричастных формах, например: ...*tere Tüngqileg ḡoruqan иḡуḡḡ negüjü ayisuqui irgen=ü dotura...* /АТ I, с. 8/ '...среди людей, приближающихся /сюда/ вниз по реке Тунгилэк...' (*ayisuqui* форма причастия будущего времени на =*qui* в сочетании с деепричастием *negüjü* 'кочуя' выполняет функцию определения); *Dayin /dayisun/ ayisuqui kelen kelen kürgen irebe* /АТ I, с. 89/ 'Прибыл вестовой со словами: "Приближается враг" (та же форма в функции сказуемого); ...*nigen bülüge negüjü ayisuqui=i Bodančar üjejü...* /АТ I, с. 14/ '...Боданчар увидел, что приближается группа людей...' (та же причастная форма в винительном падеже в функции сказуемого дополнительного причастного оборота); *Сinggis qaγan Toγoril qaγan qoγar... ayisuqui=dur...* /АТ I, с. 81/ 'Когда Чингис-хаган и Тогорил-хаган... приблизились...' (та же форма в дательно-местном падеже в функции сказуемого временного причастного оборота); ...*dörbüjü ayisuqun /iregsen/ irgen=dür...yabuqui=dur...* /АТ I, с. 59/ '...когда подъехал к бежавшим людям...' (*ayisuqun* -форма будущего причастия на =*qun* в функции определения); *Tedüi atala Tüngqelig ḡoruqan ögede nigen küḡün ayisun irebesü Bodančar mōn aḡuḡu* /АТ I, с. 15/ 'Тем временем вверх по реке Тунгилэк приближался человек (букв. когда приближаясь подходил), это был Боданчар' (*ayisun* -форма слитного деепричастия, которая в сочетании с формой условного деепричастия образует деепричастный оборот с временным значением); *Nigen yadangki küḡün ösüken köbegün=iyen köteljü ayisun aḡuḡu* /АТ I, с. 10/ 'Приблизился один бедный человек, ведя за собой своего маленького сына' (*ayisun* -форма слитного деепричастия в сочетании с глагольной связкой *aḡuḡu* в функции финитного сказуемого); *Egüsген ayisur=un Deyi Sečen Kerülen=ü ḡol Uḡuta=ača mariyan qalaḡun bolḡu Kerülen ögede qariba* /АТ I, с. 47/ 'Сопровождая их, Дэй Сэчэн вернулся в верховья Кэрулэна, так как начиная от Джол-Угута на Кэрулэне была сильная жара' (*ayisur=un* - форма так называемого цитатного или приготовительного деепричастия). Встретилась еще одна форма *ayisulali*: *Tarḡutai=yi bariḡu ayisulali* /АТ I, с. III/ 'Прибыли, схватив Таргутая', где в написании глагольного окончания допущена, по всей видимости, ошибка: =*lali* вместо =*laai* < *laḡai* ~ *luḡai* - изъявительная форма прошедшего времени (ср. в "Сокровенном сказании": *ayisula'a*).

Основа *ayis* употреблялась и в залоговой форме, например: *Јашиг=а Онг қаған=луғ=а қашту айисулсан ајууи* [АТ I, с. 130] 'Оказалось, что приблизились Джамуха вместе с Онг-хаганом' (*ayisulсан* - форма слитного деепричастия от основы в совместном залого).

Форма на =ш -----

Форма на =ш, отмеченная исследователями в памятниках монгольского языка XIII-XIV вв., часто употребляется и в "Алтан тобчи". В зависимости от контекста она обозначает действие, относящееся к настоящему или будущему времени. При этом действие настоящего времени - это чаще всего действие, совершаемое обычно, часто, регулярно; например: *Адагү=а=ту агула=уи абалам та. Агуали угул-јин=и алам та* [АТ I, с. 24] 'В изрезанных складками горах охотитесь вы, самок и самцов архаров убиваете вы'; *Ўилау=ту сөл=уи абалам та. Ўикитеи Јегери=уи алам та* [АТ I, с. 24] 'В каменистых пустынях охотитесь вы, куланов и дзеренов... убиваете вы'; *Монгол=ун Аругтай тайиси отелју али ба уйиле ухал мету санагдам... Јебе=yin морин=иyan ger deger=e unum. Ўсүкен медекү күмүн=и тору=дүр yabуyulam. Ўрий=е морин=и Јебелем. Восqayul күмүн=и торү медегүлүм* [АТ II, с. 133-134] 'Монгольский Аругтай-тайши, состарившись, ко всем далам стал равнодушен: боевого коня для ближних поездок седлает, малознающих людей назначает в правление государством; на молодом коне в бой отправляется, перебежчикам власть доверяет'.

Форма на =ш употребляется также и для обозначения действия настоящего времени, соотнесенного с моментом прошлого. Отнесенность к прошлому в этих случаях определяется контекстом и наличием глагола в форме прошедшего времени в ближайшем предложении. Такое употребление данной формы нередко встречается при описании событий нереального характера, например сновидений, благодаря чему события эти предстают перед читателем с большей образностью и наглядностью, как бы происходящими в настоящем, например: *Ене Јегүдүн=дүр minu бору јирүген minu бол бол gebe... yurban көтери=yin саyаду sira dabsang deger=e yurban qara туғ=тай yurban Јауun dayisun Јолуam* [АТ I, с. 97-98] 'При этом сне бедное сердце мое тревожно билось... И встречаю я за тремя грядками холмов, на выжженной (букв. желтой) возвышенности триста врагов с тремя черными знаменами'.

В равной степени эта форма может передавать действия, отно-

осягаются к будущему времени, что определяется контекстом и ситуацией, например: Uyilaqu ğinu usun olan getülbe. Qayılabasu ülü sonısqı, qarabasu ülü üjgedem /АТ I, с. 23/ 'Оплакиваемый тобой много вод переплыл. Если и заплачешь, не услышит, если и будешь глядеть, не увидит (букв. не будешь увидена)'; Ene beu=ı urıd üküjü ülü üjem ğ=a bı /АТ II, с. 156/ 'Я раньше сама умру и не увижу ведь /этого/'; Qorın kımın=dır deyildem ğ=a bı. Qoyar kımın=dır ülü deyildekü, Ğı bayığ=a bı ğarsu gebe /АТ II, с. 178/ 'Меня ведь победят двадцать человек, двое не победят. Ты подожди, я выйду!'

Со служебным глаголом ge= в форме соединительного деепричастия (geğü) форма на =m обозначает намерение действующего лица совершить действие; Borulağsan Ebeğei bı ülü ködelüm geğü baıuğı... /АТ II, с. 177/ 'Я, посевший Эбэçай, не сдвинусь /с места/, - сказал и слез /с коня/...'; Tere öriben abım geğü eğided... /АТ II, с. 170/ 'Он отправился взять (букв. сказав: возьму) свой долг...'

С этим же служебным глаголом в форме предельного деепричастия (getele) форма на =m выражает намерение совершить действие, передаваемое по-русски словами 'намеревался было', 'хотел было': Tendeğe erkıjü ğarım getele Toğun tayısı=ın qabar aman=ağa ğısın ğarğu... /АТ II, с. 146/ 'Повернувшись, хотел было уже выйти оттуда, как из носа и изо рта Тоğун-тайши пошла кровь'; ...qan=u altan ordu=yı küriyem getele qağan medejü, ğuğın tümen mongğol=ıyan orkıjı urıdu üjgesen nıke=ber qatud köbegüd=ıyen abun od=un bölüge /АТ II, с. 121/ '...уже намеревались окружить ханский дворец, но хаган, узнал об этом, покинул тридцать туменов своих монголов, бежал, захватив с собой своих жен и сыновей, через обнаруженную раньше дыру /в стене/'

Форма на =m употребляется и с глаголами-связками прошедшего времени ağu~ağuğı и bölüge. Со связкой ağu~ağuğı она обозначает действие настоящего времени, соотношенное с прошлым, с модальным оттенком неожиданности, непредвиденности всего случившегося: Tegün=ü qoyına qağan ğegüdülbe. Olan ğerig=tü dayısın bolıjı qota=i minı dabqurlan bayım ağu. Tere dayısın=ağa ayuğı, qota dotura toğorıjı ğüyıjü yabun atala ğarğı cölöge ülü olım ağu. Baza barağın qoyısı ğüyıjü yabutala nigen nıke üjgedem ağu /АТ II, с. 120/ 'После того хагану приснилось: появляется /неожиданно/ большое вражеское войско и окружает город. Испугавшись врагов, бежит /он/ по городу, но не находит выхода, чтобы уйти. Еще раз бежит /он/ к западной стене и /вдруг/ видит отверстие'.

Кроме того, сочетание $=m + a\dot{ju}u$ в предложениях с условными деепричастными оборотами (иногда в конструкциях с усилительной частицей *ele*) передает действие, которое, в зависимости от условия деепричастного оборота, осуществится (или не осуществится) в будущем. При этом в значении такого действия выражена уверенность и категоричность. Подобное употребление этой формы особенно распространено в диалогах и речах назидательно-поучительного характера, например: *Qurça bolud moqubasu bilegüü ügei ülü daγam ajuu. Qurdun külüg eñibesü miq=a ügei ülü güyim ajuu* /АТ II, с. 58-59/ 'Если острая сталь затупится, без оселка резать не будет. Если резвый конь утомится, то с тела спадет и не побегит'; *Boljiyal sayin ele tutum sayin bolun ajuu* /АТ II, с. 65/ 'Если хорошо уговорить /исполнять/, то и будет все хорошо'.

Со связкой *bölüge* форма на $=m$ обозначает действие настоящего времени, соотносённое с прошлым и передаваемое по-русски словом "бывало": *Tegüber uqabasu temdeg inu tngri-yin köbegün bui j=a kemen sanam bölüge bi* /АТ I, с. 12/ 'Думаю, бывало, я: по виду, наверное, сын Неба'; ... *naran saran gilbaran. (mandun/γarqu saγ=tur, sira noqai bolju silmalciju γarçu odun bölüge* /АТ I, с. II-12/ '...перед рассветом (букв. когда солнце с луной сходится, т.е. луна закатилась, а солнце еще не взошло), превратившись в желтую собаку, поспешно выходит, бывало'; *Duw=a soqor manglai dumda γarça nidutu bögetele, γurban negüri (negüdel/γajara üjem bölüge* /АТ I, с. 7/ 'У Дува-сохора один глаз посреди лба, а видит, бывало, на расстоянии трех перекочовок'.

В некоторых, сравнительно редких случаях форма на $=m$ указывает на действие, относящееся к прошедшему времени. Обычно это определяется сложившейся ситуацией и значением контекста, например: *Tere üge=dür mongγol-un kegüken egirçü uyilam. Adγun=iyam qaskirçu quriyam. Noqai inu uliγu quçam. Eyimü maγu iru=a inu Toγun Tayisi medejü Tngri=dür mörge* /АТ II, с. 133/ 'При этих словах дети монголов залились плачем, криком собрали свои табуны, завывая лаяли собаки. Тогун-тайши, узнав о такой дурной примете, совершил поклонение Небу'; *Tere nüke=ber qan orun=iyam gegejü qamγ ulus=iyam orkiγu γarum gejü jегүdülebe* /АТ II, с. 120/ 'Приснилось, что он выбрался через ту лазейку, потеряв свой ханский трон и покинув весь свой народ'.

Форма на $=mi$

Форма на $=mi / =mü$ употребляется для обозначения действия совершающегося повседневно, постоянно, часто, регулярно в течение ка-

кого-то отрезка времени, например: *Baür buri man=dur irejü nuγusun* =a^{ca}γan ög^{ci} ösüg umdaγan uuγu odumı. Söni maγ=a [manaγur] qamıγ=a qonumı [AT I, c. 15] 'Каждый день приходит к нам, отдает [часть] своих уток, пьет кумыс и уходит. Ночует, где придется'; *Aq=a nar degüü ner yakin teyin kildemü ta* [AT I, c. 36] 'Старшие и младшие братья, почему вы так ссоритесь?'; *Örgöne umara=a^{ca} kei bolbasu tere qar^{ca}γai=uγan bariγ uluγsan noγud γalaγud=un ödüd burγalıγ cısın metü butaraγu keyis^{ci} iremü* [AT I, c. 15] 'Если дует северо-западный ветер, тогда словно снег летают и сыплются перья пойманных тем ястребом уток и гусей'.

Она выражает также действие настоящего времени, относящееся к моменту речи, например: *...nigen qarqu=dai [sekür] tergen=ü ölfigede [ködegei aral=dur] saγuγvan nigen ökin=ü ger=e [gerel] endece üjegdemü* [AT I, c. 8] '...отсюда видна красота девушки, сидящей на передке крытой повозки'; *Yisügei quda qamıγ=a odumı cı kemebesü Yisügei ögülerün, ene köbegün=degen naγa^{ci} nar olqonud irgen=ece ökin yuγısu kemen irelüge bi kemebe* [AT I, c. 28-29] 'Когда спросили: "Куда ты отправляешься, сват Есугэй?" - он отвечал: "Еду просить для своего сына девушку у родни по матери олхонутов"'. Эта же форма употребляется и для обозначения действия, которое осуществится в будущем, например: *Ene köbegün=ıyen cımada ögsü, tere mıqan=a^{ca}γan nada ög^{ci}mü cı* [AT I, c. 10] 'Я отдам тебе своего мальчика, а ты дашь мне [кусок] из этого своего мяса'.

Форма на =müi

Форма на =müi/=müi, так же как и на =mı, указывает на действие настоящего времени, происходящее в момент речи; *Eke eke üdter bos bos, γaγar delberimüi, töberige sonusdamüi* [AT I, c. 49] 'Матушка, матушка, скорей вставай, земля дрожит, слышится конский топот'; *Činggis qaγan ögülerün, cısın anaγu masi berke umdaγa-umı bi kemebe* [AT I, c. 91] 'Чингис-хаган сказал: "Кровь засохла, очень хочется пить"; ...γaγar ködelümüi uγun bolba geγü kelebe [AT II, c. 167] '...земля дрожит, что бы это случилось?'.

Кроме того, эта форма употребляется и для обозначения действия, настоящего расширенного или совершающегося повседневно, постоянно; *qamıγ bügüde jıγar=un.eγ=e eb=ben sayın=dur jıγamı j=a* [AT II, c. 32] 'При всеобщем блаженстве радуются согласию и миру'; *Ken=ü uγun=u köbegün bui kemen seremüi j=a* [AT I, c. 11] 'Подозреваете, наверное, чьи и кого [они] сыновья?'.

В контексте форма на =*mu* обозначает и действие, которое произойдет в будущем; *Boγda eγen tere üge=ui inu sonusuγad, bolul=ügei öšüken köbegün yaγun ögülemui ši gebe* /АТ II, с. 6-7/ 'Услышав те слова, святейший владыка сказал: "Что скажешь ты, ничтожный малыш /не достигший совершенства/?"'; *Sibaγula abalan yabuqui=dur jobaldumui. Ordu ger qataγalalduγu negüküi=dür örug=tür ger tergen asaramui* /АТ I, с. 159-160/ 'Когда отправимся на охоту и ловлю птиц, будем вместе испытывать лишения. /Кэбтэгулы/ будут охранять дворцовые юрты во время кочевков, будут заботиться об очаге и повозках'.

Из трех рассмотренных форм [*=m*, *=mu*, *=mui*] форма на *=m* признается в монголоведении исходной. Г.И. Рамстедт писал, что *=mui* является формой настоящего времени изъявительного наклонения и "представляет собой специфическую форму имени на *=m* с удлинением гласного, существовавшую еще в древнем языке и употреблявшуюся в тех случаях, когда имя выполняло в предложении функцию сказуемого" /69, с. 104/.

По наблюдениям Б.Х.Тодаевой баоаньский и монгорский языки сохранили суффикс *=m* в первоначально "чистом" виде. Признавая общность происхождения вышеуказанных форм, Б.Х. Тодаева полагает, что в процессе развития они "дифференцировались: *=mui* продолжала функционировать как суффикс глаголов настоящего-будущего времени изъявительного наклонения в монгольском письменном и в языке памятников XIII-XIV вв., а *=m* стала употребляться как показатель глаголов будущего времени в монгорском и баоаньском языках" /92, с. 84/.

Текст "Алтан тобчи" подтверждает, что все три формы употреблялись в классическом монгольском языке со значением как настоящего, так и будущего времени.

Форма на *=m*, в зависимости от контекста, могла выражать и действие, совершившееся в прошлом. Наблюдается также употребление этой формы с глаголами-связками *aγu-aγuγu* и *bölüge* для обозначения действия настоящего времени в плане прошедшего с модальным оттенком неожиданности, непредвиденности действия (*=m+aγu~aγuγu*) или со значением "бывало" (*=m + bölüge*).

Следует отметить, что глаголы с окончанием на *=m* употребительны и в современном монгольском языке, причем значение их имеет модальный оттенок вероятности действия, например: *хүрэм* 'пожалуй, достигнет', *түлэм* 'пожалуй, обожжет' /26, с. 219/.

Кроме трех рассмотренных форм в "Алтан тобчи" употребляется еще одна форма настоящего-будущего времени на =nam. По мнению одних ученых исследователей, она представляла собой глаголообразующий суффикс в разговорном языке ХУП-ХУШ вв. /97, с.567/. По мнению других, она зарегистрирована в памятниках монгольского языка ранних периодов и встречается только в монгольском старописьменном языке /77, с. 123/.

Хотя =nam и признается всеми учеными составным суффиксом, но единого мнения о происхождении его компонентов нет. Большинство исследователей полагают, что =nam — это сочетание слитного деепричастия на =n со служебным глаголом amu<amu (форма настоящего-будущего времени изъявительного наклонения от ныне омертвелого глагола а= 'быть') /69, с. 105; 123, с. 205, 261; 130, с. 137/. Однако против такой точки зрения имеется возражение, суть которого состоит в том, что сочетание =n + amu "не имеет такого пространства, какое характерно для сочетания соединительного деепричастия со вспомогательными глаголами, и, кроме того, такого рода деепричастно-глагольные сочетания характеризуются определенными значениями, близкими к значениям русского несовершенного вида и отсутствующими в форме на =nam" /77, с. 124/.

Если говорить о форме слитного деепричастия со служебным глаголом amu, которая могла бы привести к сращению компонентов и образованию формы на =nam, то подобные случаи в тексте "Алтан тобчи" встречаются, например: Bi yadangqi kũmũn bui nũmu qudal-duju yabun amu kemebei /AT I, с. 79/ 'Я бедный человек, иду и продаю лук'; Jalqamsiγ=tan tayiγiγud ayisun ayu (iren amu) /AT I, с. 49/ 'Приближаются опасные тайчигуды'; Eγin yadaγu yabun amu /AT I, с. 10/ 'Вот так и мучаюсь (букв. так, не будучи в состоянии, иду)'

По наблюдениям Б.Х.Тодаевой в диалекте хуцзу монгольского языка слитное деепричастие на =n сочетается с глаголами-связками а или i, в результате чего образуется глагольная форма на =na/=ni со значением настоящего времени /93, с. III/.

Что же касается видового значения, то при сращении форм оно могло несколько и измениться; более того, сама форма на =nam не всегда передает значение только совершенного вида.

В "Алтан тобчи" форма на =nam употребляется для обозначения действия настоящего времени по отношению к моменту речи: Qourci ögüler=ün, qatun köbegün cinu mendü bayinam /AT II, с. 47-48/ 'Хурчи сказал: "Госпожа и сыновья твои здоровы [есть]"'; Eγen

tayisi ger=tegen iregsen=ū qoyina tayisi=yin eke inu olja ügei, mendülen bayinam geju kelebe, ċi yaγun=dur niγunam. Yeke olja oljilaγu. Dayiming Jingtei qaγan-i bariba geju sonusba geju kelebe /АТ II, с. 148/ 'После возвращения Эсэн-тайши домой мать его сказала: „Вернулся без добычи и в полном здравии. Что же ты скрываешь? Я слышала ты захватил большую добычу и пленил дайчинского Джингтэй-хагана". Встречается эта форма также и при обозначении действия, которое произойдет в будущем, например: Napaγi qatun bolγaba ċi, kobegün=i minu Toγun=i künim=dū yakil γoruγunam ċi /АТ II, с. 133/ 'Ты сделал меня госпожой, как же ты ве-
лишь отдать в услужение людям сына моего Тогуна?'; Yosutu eγen mon=ū tula ese mörgübesü dayisuldanam bi siruγun üge=ber dongγud-bai /АТ II, с. 176/ "Так как /он/ законный государь, то если не поклонись, я буду враждовать /с тобой/," - сказал он сурово'.

Форма на =nam употребляется и в современном языке, но исключительно в книжном [26, с. 219], например: Бидний тэмцал Чингт шан уул шиг бат бэх гэж Вьетнамчууд сэтгэл дуурэн өгуулнэм /УЗУ/ 'Наша борьба крепка как горы Чингт шан, - спокойно говорят вьетнамцы'; Эрдэмтэн мэргэдийн энэ хүч чармайтын ур дун олон зуун жил тайлагдаагүй байгаа асуудалд үнэн бодит хариулт өгнө гэдэгт бат итгэнэм /УЗУ/ 'Твердо верим, что результаты усилий ученых дадут правильный ответ на этот еще не разгаданный за столетия вопрос'.

Формы прошедшего времени

В старописьменном монгольском языке существуют три формы прошедшего времени, и все они встречаются в "Алтан тобчи".

Форма на =ba/=bai

Форма на =ba/=bai (перфектный претерит) - одна из самых распространенных форм в языке данного памятника. Она часто встречается во всех других монгольских языках [77, с. 129]. Эта форма употребляется для обозначения действия, совершившегося сравнительно недавно по отношению к моменту речи, а также действия, совершившегося в прошлом, в связи с чем и называется иногда формой настояще-прошедшего времени [77, с. 129]. Приведем некоторые примеры: Yesügei bayatur qarifu irekui jaγura čegčer Sira kegere tatar irgen=dur umdaγasur=un, qurim=dur inu bayubasu tende erte dayisun aγuγu, Yisügei keved /osten/ irebe kemen... qour=a golifu oγekui /АТ I, с. 31/ 'Когда Есүгэй-

багатур возвращался обратно, он остановился в степи Чэгчэр-Шара у татар, чтобы утолить жажду. Там были [его] старые враги. "Прибыл ненавистный Есугэй", - сказали они, - и, подмешав яду, дали [напиться]". В целом описываемые здесь события относятся к отдаленному от момента повествования времени и отрывок заканчивается глагольной формой на =jūkūi, употребляемой для описания событий, имевших место в прошлом. Однако в данном отрывке текста в предложении: Yisugei keved [osten] irebe 'Прибыл ненавистный Есугэй' форма на =ba/=be обозначает только что совершившееся действие. Оно произошло в присутствии действующих лиц, которые и сообщают о нем, как об уже совершившемся.

В другом отрывке, в котором представлен рассказ самого действующего лица, форма на =ba употребляется наряду с другими формами прошедшего времени, причем каждая из них указывает на определенную последовательность событий: Bi kobegun=iyen Tömücin=i kürged=te talbıju qariju ayısuqui=dur [ireküi] jayura tatar irgen qurımlan ajuju, umdayasur=un bayulu=a bi ösiyelegdebe, dotura minu maui bui [AT I, c. 31] 'Я отвез сына своего Тэмучина в зятя и возвращался обратно, по пути, [оказалось], пировали татары. Я остановился, чтобы утолить жажду. И вот мне отомстили (букв. я был отомщен), внутри у меня болит [плохо]'. Вернувшись домой, Есугэй рассказывает о том, что на пути домой ему повстречалась группа пировавших татар: здесь использовано сочетание слитного деепричастия qurımlan и глагола-связки ajuju, обозначающей действие, имевшее место в прошлом с долей некоторой неожиданности (оказывается, уже пировали). Есугэй останавливается, чтобы утолить жажду. Здесь употреблена форма на =lu=a, служащая для обозначения действия недавно прошедшего. Он чувствует, что ему отомстили: в этом случае взята форма на =ba, обозначающая действие, недавно совершившееся, закончившееся к моменту речи.

Иногда форма на =ba передает действие, относящееся к настоящему моменту, и тем самым как бы заменяет собой изъявительную форму настояще-будущего времени, например: Tendece tede cerig=ud ögülerün, Tömücin ger=tür buyu uu, ügei uu ger kejiqe [kedüi kerı] bui kemebesü, qonoyün emegen ögüler=ün, ger öi oyır=a bui, Tömücin=i bui, ügei=yi ese medebe bi [AT I, c. 50] Тогда те воины спросили: „Тэмучин дома или нет? Далеко ли отсюда его юрта?“ – Старуха Хоногчин ответила: „Юрта-то поблизости есть. А здесь ли Тэмучин или нет, я не знаю“; ... ede köbegüd kenükei bolba [AT I, c. 11] '... Чьи эти сыновья? (букв. эти

сыновья чьи стали?'); Ariγun Idegetü qaγan=u iγaγur tasuraba gekü. Olan sudur=ud=tur tasuraγsan ügei keman nomlabai [AT I, с.4] 'Говорят, род Аригун-Идэгэту-хагана прервался, но во многих сутрах проповедуется, что не прервался.'

Но чаще всего эта форма обозначает действие, закончившееся в прошлом, безотносительно к какому-нибудь моменту, например: Nigen edür Tömücin, Qasar, Begter, Belgetei dörbegülen qamtu saγuγu qubi tataqu=dur, nigen gegeken soqosun oruγu, Tömücin Qasar qoyar=aça Begter, Belgütei qoyar buliyaγu yabuba [AT I, с.35] 'Однажды, когда Тэмучин, Хасар, Бэгтэр и Бэлгэтэй сидели вчетвером и ловили на крючки рыбу, попалась одна светленькая рыбка-сохосун, и Бэгтэр с Бэлгэтэем отобрали ее (букв.отобрав ушли) у Тэмучина и Хасара'; Tömücin tedü odγu γurban söni edür Jorciγu Sengkür Joruqan=a ger=tür=iyen kürbe. Ögelen eke Qasar kiged degüü ner inu erüγü saγun aγuγu.Üjeγü bayasba [AT I, с.47] 'Тэмучин тотчас же отправился в путь, ехал три дня и три ночи и добрался до своей вьрты на реке Сэнкур. Матушка Огэлэн, Хасар и младшие братья уже разыскивали его. Увидев его, обрадовались; Eke=de Ötcigen=ç tümen irgen ögcü noyad=aça Kücü Kökecü Jungqur qarqasad dörben=i tüsibe [ögbe] [AT II, с.27] 'Матери и Отчигину он дал десять тысяч человек и назначил к ним из числа нойанов четверых: Кучу, Кокэчу, Джунгхура и Хорхасада.'

Лишенная сама по себе каких-либо модальных оттенков [77, с.193] форма на =ba/=bai сопровождается усилительными и другими модальными частицами, например: Jаγura edür=ün irged kümün=e=eße üjegdebe j=a.Tngri kü üjegdebei j=a [AT I, с.92]. По пути не был замечен дневальными. Само Небо, видать, хранило его; ...Jirüken=i minu amuγulbai j=a ta [AT I, с.73] '... Вы ведь успокоили мысли мои'; Barlas=aça Qubilai, Qutu aga nar degüü ner irebei kü Mangγud=aça Jedei, Doqulqu çerbi [Türüküü-noyaγ] aq=a degüü qoyar irebei kü [AT I, с.67] 'От барласов пришли Хубилай, Хутуг, старшие и младшие братья. От мангутов также пришли братья Джэдэй и Дохулху-чэрби [Туруку-нойаγ]'

Форма на =luγa

Форма =luγa, [иногда =la] (перфектный презенс), обладая абсолютным значением прошедшего времени, передает при этом различную степень соотнесенности с прошлым. Это может быть прошедшее, закончившееся в момент речи, относительно недавно, а также и некоторое время тому назад. Например, действие еще не закончилось, хотя уже началось, действующее лицо находится в процес-

се этого действия: Yisügei quda qamıy=a odumu ği kemebeau Yisügei bayatur ögüler=ün; ene köbegün=degen hayacı nar olqonud irgen=eġe äkin yuyısu kemen irelüge bi kemebe [AT I, c.28-29] 'Когда спросили: «Куда ты едешь, сват Есугэй?» - Есугэй багатур ответил: «Я еду просить у родственников по матери олхонутов девушку для своего сына»; Tendeġe tede ġerig=üd ögülerün, Tömuġin ger=tür buyu uu, ügei üü ... kemebesü qonoyġin emegen ögüler=ün ... Tömuġin=i ġui ügei=yi eġe medebe bi, qoyına=aca bosuyad irelüge bi [AT I, c.51] 'Тогда те воины спросили: «Дома Тэмучин или нет?»... - Старуха Хоногчин ответила: «Дома Тэмучин или нет, я не знаю. Я еду (выехала) с заднего [двора]». Действие, закончившееся сравнительно недавно, перед моментом речи, например: Boyoġci ögülerün nököġesü kemen irelüge bi [AT I, c.45] 'Богорчи сказал: «Я приехал, чтобы подружиться [с тобой]»; Namayı üġe=lüge kemen kümün=e buu ögüle [AT I, c.41] 'Людям не говори, что видел меня'; Tömuġin köbegün ögüler=ün, erte edür eġige=lüge minu anda kemeldügsen aġıyuu. Eġige kü buyu kemen, ġergei bayulġaġı irelüge [AT I, c.48] 'Тэмучин ответил: «Прежде с отцом моим вы назвались побратимами. Вы как отец [мне], женившись приехал [я]». Действие, совершившееся в отдаленном прошлом, например: ... Tömuġin ġımayı törüküi=dür, bulġan öligei öggülüge bi. Ene köbegün=ıyen ġelem=e=yi öggülüge bi [AT I, c.49] 'Когда ты родился, Тэмучин, я подарил тебе соболью колыбель (т.е. люльку). Я отдал этого сына, своего Джэлмэ'; Ede yurban merked erten=ü Ögelen eke=yi Yeke ġiledü=eġe bulıyaġı abuluġ=a kemen edüge ösil ösin iregsen aġıyuu [AT I, c.52] 'Эти трое меркитов приехали, чтобы отомстить сейчас за то, что прежде отобрали Огэлэн у Екэ Чилэду'.

Перфектный презенс употребляется иногда и в форме на =la, возникшей под влиянием разговорного языка, например: Erekekei sayın=ıyar eġen eġe bolula bi. Eġige tngri=deġe ġayaġataı bolula bi [AT I, c.103] 'Я стал владыкой не благодаря своей храбрости, я стал им судьбой от Отца-Неба; ġayaġ=a=tu eġen ınu bi bolbau ġeġı sanala [AT II, c.1] 'Разве я не стал предопределенным судьбой владыкой?'; - подумал он'.

Форма на =ġıquı

Форма на =ġıquı / =ġıküı / =ġıkü / =ġıquı (имперфектный претерит) - третья форма прошедшего времени, обычно называемая в монголистике формой неожиданного, нечаянного действия.

Часто (но не всегда) она употребляется для передачи модального значения неожиданности или необычности совершившегося в

прошлом действия: Edür geyin barabası atulduǵı qonıǵan ǵerig-
 üd sönı böged butarǵuı. Kürıyelegsen irgen könggen [tagılun/
 ülü cıdaǵad kemen kürıyelegsen ǵaǵar=aǵa ese ködelǵüküı
 [AT I, c.93-94] 'Когда рассвело, то оказалось, что войска, остав-
 шиеся ночевать в укреплении, ночью разбежались. Расположившимся
 же кругом людям нелегко было следовать за войском и они не дви-
 нулись с этого места. Здесь действие, выраженное формой на
 -ǵuı, представляется неожиданным для читателя с точки зрения
 поведения воинов, готовых сражаться утром, но ночью вдруг по-
 кинувших оставшееся на месте население, которое не могло с до-
 машним скарбом поспевать за бежавшим войском.

В предложениях: Bört-e-üjin qonıǵın qoyar Tömücin=i jılıǵ-
 a solbuǵar=aǵa bariǵuı [AT I, c.59] 'Бортэ-уджин и Хоног-
 чин [неожиданно] вдвоем ухватились за поводья коня Тэмучина';
 Jamıq=a bolǵaral ǵaǵar=a ǵurban edür urida kürǵüküı [AT I, c.
 58] 'Джамуха, оказывается, прибыл на условленное место три дня
 тому назад; ... köbegüd=ıyen cırai ker üjekü kemeged güıjü
 sıǵuı oi=dur sıǵuıǵuı [AT I, c.62] '...«Как же мне смотреть
 в лицо моим сыновьям», - сказала она и, неожиданно выбежав, скры-
 лась в густом лесу' - действия, выраженные глагольными формами
 -ǵuı / -ǵükü кажутся неожиданными со стороны действующего
 лица по отношению к другим участвующим в событиях лицам. Нали-
 чием в этой форме модального значения непредвиденности действия
 объясняется, по-видимому, и тот факт, что она не употребляется
 в I-м лице. (Как отмечает Г.Д.Санжеев, говорящему самому о се-
 бе всегда что-либо известно [77, с.191].) Во всяком случае, в
 тексте "Алтан тобчи" нам таких примеров не встретилось.

Кроме того, эта форма используется для обозначения дейст-
 вий прошедшего времени без ярко выраженных модальных оттенков
 неожиданности или непредвиденности действия, но с целью подчерк-
 нуть, усилить значение выраженных действий и привлечь внимание
 читателя к описываемым событиям. В свое время А.Бобровников
 назвал такое употребление "искусственным" [16, с.363-364], т.е.
 само событие не заключает в себе ничего нечаянного или необыч-
 ного, но представляется слушателю как заслуживающее особого
 внимания, например: Biden=ü ǵerig=üd jolǵaǵuı. Er=e inu dutaǵa-
 ǵuı Yisui qatun=i abıu ireǵüküı. Tende Yisügen qatun egeci-yügen
 üfeged urida ögülegsen ügen=dür=ıyen kürün bosıu saǵuǵan saǵurın-
 dur=ıyan saǵulǵaǵu, mön öbesüben दौरа saǵuıǵuı [AT I, c.118] 'Наши
 воины повстречали их. Муж ее убегал. А Есуй-хатун они привез-
 ли. Тогда Есугэн-хатун, увидев старшую сестру, встала, согласно

прежней договоренности, и посадила ее на свое место, а сама села ниже. В этом отрывке данной формой обозначены действия, имеющие место в прошлом. По своему характеру они не являются чем-то неожиданным для действующих и окружающих лиц. Воины отправляются искать молодую женщину с мужем, о которых известно, что они укрываются в лесу. Факт обнаружения их не является неожиданным. Мужу удается бежать, а жену доставляют к хану. Младшая сестра женщины, как до этого и было условлено с ханом, уступает старшей свое место.

Форма на -juqui употребляется также и при обозначении действий, происшедших давно, задолго до того, как о них сообщается, т.е. выражает действие давнопрошедшее: Mengge=tü Sečen öcürün, erte mingyan terigütü, yağsa segültü moğai ajuju. Olan terigün inu jüg jüg tatalaldaqui=dur, tergen=e daruɣdaɣu alayɣaɣuqui. Basa mingyan segültü yağsa terigütü moğai ajuju. Segül inu yağsa terigüben qoyina=aşa daɣaɣu nigen nüken=dür oruɣu tergen=e ese daruɣdaɣuqui [AT II, с.33] 'Мэнгэту Сэчэн почтительно проговорил: «В старину (т.е. давно) была змея с тысячью головами и одним хвостом. Множество голов ползли в разные стороны, и змея была раздавлена повозкой. Была еще одна змея с тысячью хвостами и с единственной головой. Хвосты ее, следуя за единственной головой, вползли в одну нору и не были раздавлены повозкой»'.

Таковы основные значения трех изъяснительных форм прошедшего времени. Остается добавить, что в контексте формы порой чередуются (особенно =bai и -juqui), хотя употреблены они бывают в одном и том же плане прошедшего времени, что, вероятно, связано с желанием улучшить стиль, придать однообразию повествования большую живость и легкость, например: Naiman=u Buyiruy qağan Alta=yin ebür Uluɣ taɣ jorin qağačan kodelbei. Merked=ün Toɣtuɣ=a beki=yin köbegün Qutu Selenge jorin yabubai. Oyirad=un Qutuɣ=a beki oi temčen Sigsig jorin ködelbei. Tayičiyud=un Nağaču bayatur Onan mören jorin ködeljüküi. Jamuq=a öber= iyen gur=sa [qağan] ergügsen irgen=i dolıɣad [daɣaɣul=un] Ergün=e mören jorin qarin ködeljüküi. Ong qayan Ergün=e uruɣu Jamuq=a=yi nekebei. Gınggis qayan Onan jüg tayciyud=un Nağaču bayatur=i nekebe [AT I, с.90] 'Найманский Буйруг-хаган, отделившись, двинулся в сторону Улуг-тага на южном склоне Алтая. Хуту, сын меркитского Тогул-га-бэки, пошел по направлению к Селенге. Ойратский Худуга-бэки, пробираясь лесом, двинулся по направлению к Шигшигу. Тайчигудский Нагачу-багатур двинулся в сторону реки Онон. Джамуха, ограбив на-

род, возведший его в гур-ханы, двинулся обратно к реке Эргунь. Онг-хаган погнал Джамуху по течению Эргуни, Чингис-хаган прогнал тайчигудского Нагачу-багатура в сторону Онона'. В этом отрывке форма на =ba/=bai предшествует форме на =jūkū, хотя и та и другая употреблены для обозначения однородных действий, происходивших в одном и том же плане прошедшего времени и несколько предшествовавших по времени действиям, обозначенным той же формой =ba/=bai уже в конце данного текста.

Форма на =t

Об этой форме исследователи уже писали [35, с.28-33; 41, с. 272-276], так как она неоднократно встречается в языке «Сокровенного сказания» и зарегистрирована в памятниках квадратной письменности [130, с. 138].

С.А. Козин определил значение этой формы, сравнив параллельные места «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи». По его наблюдениям, это – форма будущего времени изъявительного наклонения, возможно, с некоторым оттенком сомнения, так как чаще всего она употребляется с частицей сомнения ĵ=a. На наш взгляд, частое употребление частицы сомнения ĵ=a свидетельствует об отсутствии у самой формы модальных оттенков.

В.Л. Котвич, полностью согласившись с выводами С.А.Козина о значении этой формы, считал маловероятной этимологическую связь ее с отглагольными существительными типа монг. *saġat* (*saġad*) 'препятствие', *genet* (*gened*) 'неожиданность' и деепричастием на =tala и считал более правильной высказанную мимоходом тем же ученым мысль о происхождении данной формы из тюркских языков. Факт довольно быстрого ее исчезновения из монгольского языка является подтверждением этому.

Автору «Алтан тобчи» Лувсан Данзану форма на =t была чужда, поэтому все параллельные с «Сокровенным сказанием» места хроники, в которых встречалась форма на =t, опускались или заменялись изъявительными формами на =m, =muī, причастием на =qun и даже деепричастием на =n (ср., например, §§ 21, 64, 153, 173, 174 и соответствующие места в АТ).

Мы обнаружили единственный случай употребления формы на =t в «Алтан тобчи», да и то с орфографической опиской: *baṣa mōn qoyina Bidūgūn=i nuqud (uqud-) =ta* [АТ I, с.140]'«Потом вы наставляйте Бидугуна», – [сказал Чингис-хаган]'. Ср. то же место в «Сокровенном сказании»: *baṣa mono qoyina Beču'un=i uqat ĵ=a bida ke'eba* (§ 209).

Форма на =мја употребляется нечасто в некоторых монгольских языках (халхаский, ойратский, монгорский) [77, с.113]. Г.И.Рамстедт называет ее потенциальной, состоящей из окончания изъявительной формы =муi/=му/=м и утвердительной частицы ǰ=a [127, с.75]. Этой же точки зрения придерживается и Г.Д.Санжеев. «В старописьменном монгольском языке, — пишет он, — этой форме соответствует именно сочетание изъявительной формы настоящего времени на =м/= муi с утвердительной частицей дх=a~дж=e, например: ǰаруму¹ дх=a ‘конечно, выйдет’, укүм дх=e ‘пожалуй, умрет’, бобунідум дх=a ‘вероятно, укоротится’ [77, с.113].

В «Аятан тобчи» эта форма используется редко и со значением не столько возможности, сколько уверенности в осуществлении действия в будущем, например: Mongγol oyirad bayilduqula bide qoγar ǰarumǰa gebe [АТ П, с.130-131] ‘Если монголы и ойраты сразятся, то мы двое выйдем ведь [на поединок]’.

В ряде случаев встречается написание ǰам вместо мја, видимо, как результат метатезы. Любопытно, однако, что в таких случаях после данной глагольной формы употребляется и частица ǰ=a, входящая в состав самой формы. Вероятно, слияние частицы ǰ=a с изъявительной формой на =м привело к ослаблению модального значения самой частицы (см. раздел «Частицы») и частица ǰ=a стала употребляться повторно в качестве модальной, в результате чего, возможно, и произошла метатеза мја~ǰам. Отметим, что модальное значение в таких случаях выражено ярче, а само действие может относиться к настоящему и (контекстуально) к прошедшему времени, например: Tegün=dür Dayun qayan eyimü bayirī kei ci medeǰem ǰ=a geǰü, gara čerig=ün oyirad=un Següse=eče asǰabai [АТ П, с.173] ‘Тогда Даян-хаган спросил у ойратского Сэгусэ из вспомогательного (букв. черного)⁴ войска: «Ты ведь, должно быть, знаешь этот строй (т.е. расположение войск)!»; Törü=yi biden=ü ǰasaу=a geǰü ireǰem ǰ=a [АТ П, с.170] ‘Ведь он приехал, намереваясь управлять державой нашей’.

Более частые примеры употребления формы на =мја в тексте «Шара туджи» подтверждают ее значение как формы, выражающей действие будущего времени с оттенком утверждения и уверенности в его осуществлении: Edüge ese kürtebči, ečeüs=tür üre mini kürtemǰe kemegsen=i ... [ШТ, с.29] ‘Хотя теперь [я] не удосто-

⁴ Объяснение этого термина см. [45, с.383].

и/ся [награды], но ведь дети мои удостоятся [ее] ...»; qas bolu-
san törü činu boγonidumja, qayiratu Börtügeljin qatun činu
belbesüreñje, Qasar Belgetei qoyar degüü činu qoduju qoçuramja
[ШТ, с.36] 'Ставшая яшмой держава твоя укоротится ведь (т.е.
станет слишком короткой), любимая Бортугуджин-хатун твоя, ов-
довеет ведь, Хасар и Белгэтэй, младшие братья твои, останутся
ведь одни'.

Причастные формы

Причастные формы занимают особое место в грамматической системе монгольских языков. Обладая значением глагольности, они выступают в предложении в роли сказуемого; совмещая в себе и именные признаки, могут употребляться как определение и подлежащее; кроме того, получая падежное оформление, становятся различного рода дополнениями и обстоятельствами.

Причастных форм несколько, причем их употребительность, степень предикативности неодинаковы.

Причастие будущего времени

Причастие будущего времени – одна из наиболее распространенных форм в «Алтан тобчи». Окращение этого причастия представлено тремя формами: =qu/=kü, =qui/=küi, =qun/=kün.

Происхождение =qu /=kü Г.И.Рамstedт связывает с тюркским элементом =yu, являющимся древним суффиксом имен действия [127, с.89–91]. Однако, по мнению В.Л.Котвича, этот взгляд не выдерживает критики, так как тюркскому =yu должно было бы соответствовать в монгольских языках =γu или =ü [41, с.299–300]. Сопоставление же тюркского =qu с монгольским =χu, безупречное с фонетической точки зрения, вызывает, по мнению В.Л.Котвича, некоторые оговорки в семантическом плане, поскольку тюркский суффикс =yu имеет больше глагольных признаков, чем =qu или =qun [41, с.300].

Г.Д.Санжеев также подвергает сомнению высказывание Г.И.Рамstedта, считая его недостаточно убедительным и оставляя происхождение будущего причастия и его суффиксов пока что без определенного ответа [77, с.131].

Если говорить о различии в употреблении трех форм будущего причастия (=qu, =qui, =qun), то здесь можно предварительно отметить, что =qui имеет больше именных признаков, определяющих его субстантивированное употребление и изменение по падежам.

Форма на =qu - это форма множественного числа на =n от имен на =i, =ai, =ui [69, с.58,90 ; II6, с.9], что подтверждается приводимыми ниже примерами.

Ф о р м а =qu(=kü). Из трех указанных форм наиболее употребительна =qu(kü). Ее можно встретить в различных синтаксических функциях, но чаще она используется в функции сказуемого, главным образом со связками. Примеров на бессвязочное употребление сравнительно немного: Qarangqui sōni ker olqu [AT I, с.41] 'Как найдешь [его] темной ночью?'; Edüge qaγan namayi ükügeldebesü alayan=a tedüiγaγar=a üküjü qoçurqu [AT I, с.95] 'Теперь, если хаган прикажет меня умертвить, останусь [я] на [ключке] земли величиной с ладонь'. В первом, вопросительном предложении это причастие обозначает действие, которое произойдет в будущем, но выполнение его ставится под сомнение наличием вопросительного слова ker 'как?'; 'каким образом?'; во втором предложении указано действие, которое при определенных условиях, выраженных в условном деепричастном обороте, может совершиться в будущем.

После сказуемого, переданного причастием будущего времени, обычно следует подлежащее, если оно является личным местоимением, что представляло собой норму в классическом языке, например: Ösil=iγen ker ösikü bide [AT I, с.55] 'Как выместим мы месть свою?'; Ker dabaqu bi [AT II, с.88] 'Как преодолю я [перевал]?'; Ken=ü ner=e=yi nerelekü ta [AT II, с.2] 'Чье имя назовете вы?'; ...namayi jıγaγsan=u tula kerkiγü jıγaγulqu éi kemebe [AT I, с.69] '... чем порадуешь ты меня за откровение?'

В отрицательных предложениях причастие будущего времени оформляется также отрицательной препозиционной частицей ülü 'не' и только в некоторых случаях ügei, универсальным постпозиционным отрицанием для причастных форм в современном монгольском языке, например: Tömiçin namayi ülü alaqu [AT I, с.109] 'Тэмучин меня не убьет'; Та qoyar ülü čidaqu bi nekesü kemejü... [AT I, с.44] 'Вы двое не справитесь (т.е. не сможете), погонюсь=ка я ...'; Qoyar kümün=dür ülü deyildekü ... [AT II, с.178] 'Двое не победят меня' (букв. 'двумя людьми не буду побежден'); ...sōni jula kereglekü ügei genem [AT, II, с.93] '... ночью, говорят, светильники не потребуются'.

Причастие на =qu(=kü) с отрицанием ügei может обозначать действие, относящееся к настоящему времени. Но такие случаи редки и ограничиваются, вероятно, немногими глаголами типа mede= 'знать', čida= 'мочь, уметь', например: Tegün=ü üre

eduge ken=i ber medekü ügei [АТ II, с.187] 'Не знаю, кто ныне является его потомком'; ср. в совр.монг.: Бий угуй хоёрыг мэдэх-гүй [Цэв., с.613] 'Есть или нет, не знаю'; Би орсоор ярьж чадах-гүй ... [МРС, с.626] 'Я не могу говорить по-русски ...'.

В единичных случаях действие, обозначаемое причастием будущего времени с ügei, может относиться к прошлому, например: Tede irgen Bodançar=i kenükei бул уагунуqai бул кепен аваqu ügei [АТ I, с.14] 'Те люди не спрашивали Боданчара, кто он такой и чей'. Но это выявляется только в контексте.

Чаще, однако, причастие будущего времени употребляется с различными глаголами-связками, которые придают действию, выраженному этим причастием, различные дополнительные временные и модальные оттенки.

Причастие в сочетании со связкой bölüge ~ bölügei ~ bile может обозначать действие, которому надлежало совершиться, но оно не было реализовано из-за непредвиденных обстоятельств. Действие приобретает модальный оттенок долженствования, возможности, например: Ögedei ögülerün, erte irekü bölüge bi. Jayura qurim=ud Jolyaju udaba [АТ II, с.3] 'Угэдэй сказал: «Я должен был прибыть рано. [Но] по пути встретились пировавшие [люди], и [я] задержался».

Сочетание =qu(=kü)+bölüge может указывать на гипотетическое действие, которое не произошло, но предполагается как вполне возможное, реальное в прошлом при определенных условиях. В таких случаях решающее значение имеет предшествующее действие, например: Namayi ünen bolyaju qubçasun ögöü asaraqu bölüge. Bi morin unuqad üjetele üdter jayura ülekü [türgen] irekü bölüge [АТ I, с.93] '[Они] поверили бы мне, дали бы одежду и приняли бы к себе. А я нашел бы коня и быстро вернулся бы [обратно]'.

Такое же значение =qu + bölüge имеет в предложениях с условным деепричастным оборотом, когда вероятность или возможность совершения действия в прошлом всецело зависит от условий, выраженных в деепричастном обороте, например: ... ker ber bariyda-basu bi tan=a oruju irekü duritu bölüge ... bi kemekü bölüge [АТ I, с.93] 'Если бы поймали, я бы сказал, что хотел бежать к ним'. Предложения могут быть и вопросительными. Тогда действующее лицо выясняет возможность совершения того или иного действия при сложившихся обстоятельствах, например: Bariydabasu namayi=yi eyimüi=yi [eyin kigdekü] ülekü уауаqu bölügei üü

[АТ I, с.92] 'Если бы [тебя] схватили, разве бы ты не сказал, что я вот так остался [лежать]?'.

В зависимости от наличия вопросительного слова *ker* или вопросительной частицы *uu* сочетание =*qu* + *bölüge* передает модально-экспрессивные оттенки, когда действующее лицо как бы подвергает сомнению возможность совершения обозначенного действия или размышляет и недоумевает по поводу его совершения, например: *Ėirqa ebügen-i ker itġaqu bölüge ėi kemeġu ...* [АТ I, с.33] 'Как это могла сползти подгрудная шлея?'; *Qaġan=u minu Ėbei Qasar=u ġre ėi idekũ bilũũ. Ėinu Ėbei bide idekũ bilũũ* [АТ II, с.161] 'Разве ты, потомок Хасара, присвоил (букв. съел) наследство хагана моего, разве мы присвоили (букв. съели) твое наследство?'.

Наряду с этим сочетание =*qu* + *bölüge* может и не содержать в себе явных модальных оттенков и передавать обычное действие, имевшее место в прошлом; например: *Belġütei=e ũlũ ilaġdaqu bölüge* [АТ I, с.87] '[Я] не был побежден Бэльтутэем'; *Cer=ũn belge inu gegũn=ũ sũn tũsũrũgsen Ėsũġ [ayiraj]=iyan sũni dũli boltala bũlekũ bölüge* [АТ I, с.42] 'Отличием той юрты было то, что там всю ночь до рассвета сбивали в кумыс кобылье молоко'.

В сочетании с формами условного деепричастия *bögesũ* (от глагола-связки *bũ=* 'быть'), *bolbasu*, *bolusa* (от глагола *bol=* 'становиться') причастие будущего времени обозначает действие, при возможном совершении или наличии которого предполагается другое действие: *Ėilaġun Ėimbai ta qoyar edũġe setkil=iyeŋ Ėġũledkũn, Ėġũlekũ bögesũ dutaġuban ġuġuqu bögesũ ġaġur=a kũmũn=e buu kelelegũlũdkũn* [АТ I, с.147-148] 'Вы, Чилагун и Чимбай, высказывайте сейчас ваши пожелания. Если будет что сказать, если придется просить о чем-либо (т.е. о какой-либо своей нужде), не обращайтесь [ко мне] через посредника ...'; *Quda kũbegũn=iyeŋ mũrġedkũ bũlbasu oduġai* [АТ I, с.32] 'Если сват так горюет о своем мальчике, пусть отправляется!';

Ene ũġe=yi minu ġũbsiyekũ bolusa Esi qatun eke minu, duġuġadu engger=tũ minu doluġan kũbegũn tũrũġũl ... [АТ II, с.163]

'Если одобряешь эти слова мои, матушка моя Еши-хатун, пусть на внутреннюю полу мою родится семь сыновей...'. С *bolun* (реже

bolġu) и *bolġan* (формы слитного и соединительного деепричастий от *bol=* 'становиться' и *bolġa=* 'сделать', 'заставить стать') причастие будущего времени обозначает такое недавно наступившее или ожидаемое действие, которое оказывается невыполненным в связи с наступлением другого последовавшего за ним действия, напри-

мер: Ede dörben külüg=üd=i kürkü=yin urida Ulağan qud=ta Senggüm bayıldıqu bolun morin=dağan yuyuǵdaǵı abtaqu bolǵı büküi=dür ede dörben külüg=üd kürcü aburaǵad ... [AT I, c. 122] 'До того как эти четверо кулюков прибыли, Сэнгум начал сражение в Улаган-хуте, но конь под ним был ранен в бедро и, когда его уже должны были схватить, эти четверо кулюков подошли и спасли [его] ...'; Jıdalaqu bolun Jıda inu urbaǵı mōn degere Jıda bolǵıqu [kürcü] ... [AT I, c. 90] 'Принялись они было за волшебство, но оно не удалось (букв. повернулось), и ненастье разразилось над ними самими ...'.

Предшествующее действие может начаться и вызвать последовавшее за ним действие, например: Qağan=aǵa ayuǵı arǵadan unaǵı ariyaqu [emiyeǵı] bolun amin=dur=ıyan kürtegebe bi [AT I, c. 87] 'Испугавшись хагана, я нарочно упал, испугавшись, заплатился своей жизнью'; Görügesün=dür dobtulqu bolun ügdereǵı nōǵıbe [AT I, c. 136] 'Поскакал [он] за зверем, [рана] открылась, и он скончался'; Tümed irgen=dür ökin abqu kemen odqu bolun ... Qorǵı noyan=i bariǵıqu [AT II, c. 25] 'Хорчи-нойан поехал за туметскими девушками, ... но [туметы] его захватили в плен'; Amaǵar qağan ökin=ıyen öǵı öbesüben üdeǵı odqu bolǵan tatar irgen cıi=yin irgen kiyad [öste] Amaǵar qağan=i bariǵı ... [AT I, c. 20] 'Амагар-хаган лично отправился провожать свою дочь, и его схватили чуйнские люди, враждовавшие с татарами'.

В сочетании с bolun+aǵıǵı (имперфектный претерит от глагола a= 'быть', 'существовать') причастие будущего времени выражает действие с модальным оттенком неожиданности, непредвиденности, например: Tendece Cinggis qağan, Ong qağan qoyar qariǵı ayısuquı=dur naiman=u qatqulduǵı Köngsegü Sabaraǵ Bayıdaraǵ Belçir çerig Jasaǵı qatqulduqu bolun aǵıǵı [AT I, c. 120] 'Когда Чингис-хаган с Онг-хаганом тронулся в обратный путь, то [оказалось], что найманский храбрец (букв. рубака) Конгсэгу Сабараг собрал войско в урочище Байдараг-Бэлчир и готов дать им бой'.

В сочетании с bolba (перфектный претерит от того же глагола bol=) причастие будущего времени обозначает такое действие, осуществление которого оказалось возможным или уже свершилось как результат каких-то предшествующих действий или событий, например: Qara terigün=dür=ıyen kürtekü bolba [AT I, c. 61] '[Я] могу заплатить (букв. стал таким, что удостоюсь) своей черной головой'; здесь действующее лицо размышляет о возможнос-

ти совершения действия: Amaγai=yi ūkübe kemen Ogelen=e kürtele eyin kemegekü bolba [AT I, с.33] 'Из-за того, что умер Амагай, даже Огэлэн стала так оговаривать нас (букв. стали оговариваемы)'. В данном случае глагол bol=сохраняет свое лексическое и временное значение и указывает на становление действия, переданного причастной формой.

В сочетании со связкой bui причастие будущего времени обозначает действие, которое совершится в будущем. Высказывание в целом имеет значение утверждения или (при наличии отрицательной частицы) отрицания действия, например: ... čimadur tursiγul elči ilegekü bui [AT II, с.54] '[Хаң] пошлет к тебе разведчика-гонца'; Teb Tngri edüge irekü bui [AT II, с.42] 'Тэб Тэнгри сейчас придет'; Man=u qatun=u gerel=tür inu söni jula ūlū kereglekü bui [AT II, с.92] 'При красоте (букв. свете) нашей ханши ночью светильник не потребуется'.

С вопросительным словом ker 'как?', 'каким образом?' данное сочетание передает риторический вопрос – восклицание с большой эмоционально-экспрессивной окраской, например: Ner=e ūgei ber ker ūkükü bui [AT I, с.39] 'Неужели довести себя до бесславной смерти?!' (букв. 'как умереть без имени?!')

В сочетании со связкой бууу⁵ причастие будущего времени указывает на действие, совершение которого ожидается в будущем. Действие имеет модальное значение достоверности, убежденности в его совершении. Эту модальную окраску придает связка бууу, например: Naγaču ireküle alaqu бууу či gebe [AT II, с.143] 'Ты говорил, если придет Нагачу, то [непременно] убьешь его'.

В контексте сочетания =qu с бууу обозначает иногда и действие, относящееся к прошлому: Nidun inu doura aca degegside aniqu бууу [AT I, с.4] 'Глаза его закрывались снизу вверх'; Qaγan eγen=dūr či ūge ayilatγaqu бууу [AT II, с.8] 'Хагану-владыке ты [такие] слова доложил'.

В сочетании с baynam (имперфектный презенс от bayi= 'быть') рассматриваемое причастие обозначает действие, которое произойдет в будущем: ... qaračin menji=luγ=a neyileküle erkebiši uke gem bolqu baynam [AT II, с.191] 'Если харачины объединятся с манчжурами, непременно случится великая беда'. Форма настояще-будущего времени вспомогательного глагола указы-

⁵ О значении глагольной формы на = уи см. на с. 83–84.

вает на отношение действия к моменту высказывания «в данный момент положение таково, что может произойти ...»

В сочетании с деепричастием предела от той же глагольной основы *bayi*=(*bayitala*) причастие будущего времени обозначает такое действие, во время (в течение) которого произойдет или произошло другое действие (событие), т.е. время действия таких сочетаний всецело определяется и зависит от времени конечного сказуемого: *ᠰabčiyal kürtele önjikü bayitala kiduᠵu ᠰabčiyal-un qaᠭaᠯᠭ=а Jebe abču dabaᠭ=а buliyaᠵu dabaᠵu ᠰinggis qaᠭan Sir=а degter=e baᠭubai* /АТ II, с.68/ 'До [самого] Чавчияла в течение суток [пока миновали сутки] шла резня, Джэбэ, взяв ворота Чавчияла, перешел через перевал, Чингис-хаган спустился к Шира-дэгтэр'.

Со словом *aᠵiyamu* 'не соблаговолите ли?', 'не угодно ли?', 'пожалуйста' причастие будущего времени имеет значение русского инфинитива: *Kötel ᠭaᠶar=а Jam Jiᠭaᠵu ögkü aᠵiyamu* /АТ II, с.101/ 'Не соблаговолите ли указать дорогу в холмистых местах?'; *Tegün=dür nigen sayin surᠭal üge kelekü aᠵiyamu* /АТ II, с.101/ 'Не угодно ли дать им хорошее наставление?'

Причастие будущего времени в функции определения, как правило, характеризует предмет с точки зрения действия или признака, осуществление которых произойдет в будущем: *Amin=dur činu qour kürgekü medege ügei irgen* /АТ I, с.22/ 'Неизвестные люди, которые причинили вред твоей жизни'; *Qaᠭan qan orun=ıyan aldaqu eyrbe buyu geᠵü tayılba* /АТ II, с.120/ '«Это плохое предзнаменование, что [ты], хаган, потеряешь свой ханский престол»-разъяснил он'; *Edüge irekü saᠭ inu bolba* /АТ I, с.15/ 'Сейчас настало время ему прийти'.

Кроме того, оно может характеризовать предмет с точки зрения обладания его каким-то признаком, качеством: *Öčiken medekü küšün=i törü=dür yabuᠴulam* /АТ II, с.134/ 'Малосведущего человека назначает на государственные дела'; ... *qadan=tur dabtulqu salbar metü aᠶura darun yadaqu arslan metü* /АТ I, с.37/ '... Вы словно орлы, бросающиеся на скалы, словно львы, не могущие унять свою ярость'.

В качестве определения, характеризующего предмет с точки зрения его назначения, причастие будущего времени могло оформляться и показателем родительного падежа, причем значение его при этом оставалось неизменным: *Köbegüd=tegen edür üjekü=yin nidun, söni sonusqu=yin čiken bolᠭayu* ... /АТ I, с.85/

‘Для своих сыновей стану глазами, чтобы видеть днем, ушами, чтобы слышать ночью’⁶.

Контекстуально причастие будущего времени может характеризовать предмет еще и с точки зрения его состояния или действия в прошлом: ... morin ülü čidaqu Tarγudai=yi bariju tergen=dür unuγ-ulju [AT I, с.108] ‘... Таргудая, который не мог сесть на коня, схватили и усадили в повозку’; ... erikü kereg=iyen olba bi [AT I, с.60] ‘... я нашел то, что искал’.

Причастие будущего времени, оформленное показателем винительного падежа, образует преимущественно дополнительные причастные обороты. В таких случаях время действия, обозначенное этим причастием, зависит от времени заключительного сказуемого, а также контекста в целом: оно может соотноситься с настоящим, будущим и прошедшим, что видно из следующих примеров: ... čisun čoburi olju yabuqu=yi činggis qaγan ... üjeju, γarču ireju ögüler=ün [AT I, с.78] ‘... Чингис-хаган увидел, что [Бэлгутэй] истекает кровью ... вышел [оттуда], подошел и сказал’; Nigen edür boroγčin qarčayai qara quru bariju idekü=yi üjeju ... bariju asaraba [qarčayai=yi tejebe] [AT I, с.13] ‘Однажды [Бодончар] увидел, как сизая самка ястреба ловит и пожирает черного тетерева ... поймал ее и обучил (букв. вскормил)’; Egün=eče Yeke nere jao tao nere ögkü=yi Altan qaγan medetügei [AT I, с.82] ‘Пусть знает Алтан-хаган, что [только] он даст высокий титул чжао-тао [Чингис-хагану]’.

С безличной притяжательной формой это причастие, будучи дополнением, имеет субстантивное значение, например: Ergi mōgen=dür qun γalaγan olan genem, erkei=ben činatala namalaqu=ban ežen inu medenem j=a [AT II, с.50] ‘Говорят, в реках и на берегах полно лебедей и гусей, но государь ведь знает, как стрелять (букв. свое стреляние знает), пока не устанет большой палец’; Öskü ötelkü=ben abun jirγasa [AT II, с.8] ‘Хорошо бы повеселиться, взяв подросших и состарившихся’.

С послелогом tula/tulada ‘для’, ‘так как’ причастие будущего времени в родительном падеже выражает целевые и причинные отношения, например: Manju qaračin bide qoyar ulus nigen ey=eber yabuqu=yin tulada tngri=dür, saγan morin, γajar=tur qara üker alaγu ... [AT II, с.192] ‘Для того чтобы наши два на-

⁶ Ср. в переводе на совр. монг. яз. в [3, с.53]: хөвүүддээ, өдөр үзэх нүд. шене сонсох чих болгож өгье...

рада, маньчжуры и харачины, жили в согласии, /мы/ принесли в жертву Небу – белого коня, Земле – черного быка...'; Bide uruγ = iγar=iγan yeke ey=e barilduγsan=i Belqūtei jiyāqu=yin tulada bi-den=ü čerig=ūd masi samsiyabai /erūsdebei/ [AT I, с. II7] 'Так как Болгутэй разгласил постановление Великого семейного совета, погибло много наших воинов'.

С послелогом urida 'до', 'раньше' выражаются временные отношения, например: Dalan Nemürgeŋ=e qatquldaqu=yin urida činggis qaγan jasay ögüleldürün [AT I, с. II5] 'До выступления в битву при Далан-Нэмургэне Чингис-хаган постановил'; Ede dörben külüg=ūd=i kürkü=yin urida Ulaγan qul=ta Senggün bayilduqu bolun ... [AT I, с. I22] 'До прибытия этих четырех купцов Сэнгум вступил в битву при Улаган-хуте'.

При субстантивированном употреблении в качестве подлежащего причастие будущего времени приобретает значение отглагольного имени. В этих случаях оно вместе с относящимися к нему словами может образовывать подлежащий оборот, в котором притяжательная форма личного местоимения выполняет роль грамматического показателя подлежащего, например: Töšüčin köbegün=i qaγan bolγaqu tan=u nai jöb [AT I, с. 74] 'Назначение ваше хаганом /моего/ сына Тэмучина совершенно правильное'; Soqor elčin=iγen ilgekekü činu jöb üü [buγu] kemeŋ ... [AT II, с. 40–41] 'Разве правильное твое назначение (букв. отправление) посланца Сохора?'; ... Otčigin noγan ögülerün, elči ilgekekü minükei buruγu kemejükekü [AT II, с. 41] '... Отчигин-нойан сказал: "То, что я отправил посланца (букв. мое отправление), неправильно"'.

Иногда оно может обозначать и действующее лицо, например: ... teberikü činu dabay=a olan dababa, cyilaqu činu usun olan getülbe [AT I, с. 23] '...обнимаемый тобой много перевалов переплывал, оплакиваемый тобой много вод переплыл'.

Нередко причастие будущего времени в функции подлежащего не оформляется как подлежащее; в таких случаях в переводе оно соответствует русскому инфинитиву или отглагольному существительному со значением процесса действия, например: Niγur inu üjekü berke [AT II, с. 49] 'Тяжело /мне/ увидеть лицо ее'; ... шауу sed-kikü ünen bayinaŋ [AT II, с. I55] '... то, что плохо задумал /обо мне/, верно (букв. плохое думание верно)'.

Ф о р м а =qui(=küi). Вторая форма причастия будущего времени на =qui(=küi) также выполняет различные синтаксические функции, но соотношение этих функций у нее несколько иное, чем у формы на =qu(=kü).

Являясь преимущественно именной по своему значению, форма на =qui/=küi/ чаще употребляется в функции определения, гораздо чаще оформляется различными падежными показателями, выражая всевозможные дополнительные и обстоятельственные отношения, и при этом реже используется в функции сказуемого.

В функции определения эта форма практически не отличается от определительной функции формы на =qu/=kü/. Она также характеризует предмет с точки зрения: а) предстоящего действия, например: Mordaŋu yabuqui ŋay=tur eŋen jiruyuan sayid=iyan ŋaytaŋu dayulaba [AT I, с.103] 'Когда пришло время отправляться в путь, государь произнес хвалу своим шестерым сайдам';

Alalŋaqui dayisun=dur amin beu=e=ben buu qayirlalŋay=a [AT I, с.106] 'Для врагов, с которыми сразимся, жизнью своих не пожалею'; б) назначения предмета или функции, выполняемой им,

например: Tendeŋe ideküi idegen ügei bolŋu ... [AT I, с.13] 'После того, как не стало пищи, чтобы поесть ...'; Ögeleŋ eke=yin ger dotura ködelküi [jaruqui] qonoyŋin eŋegen bosŋu ögülerün [AT I, с.49] 'Встала прислуживающая в юрте Огэлэн-экс старушка Хоногчин и сказала ...'; в) признака, качества, присущего данному предмету, например: Basa sutu ċinggis qayun nagan uruqui jüg Solongu=a ulus=tur ayalaŋu eŋitele...

[AT II, с.46] 'В то время, когда обладающий величием мудрый Чингис-хаган совершал поход в сторону восходящего солнца на государство Солонго ...'; Nigen üy=e=dür Garm=a baysi anu usun=a singgeküi oyтарыui=dur nisküi ċilayun atyaqui teriċüten olan ridi qubilyan=i üjügölügŋen=dür ... [AT II, с.115] 'Однажды, когда Гарма-багши показывал чудесные превращения: способность погружаться в воду, летать в небе, сжимать камни и многие другие ...'.

Оформленное показателем винительного падежа, оно выступает как прямое дополнение или образует причастный дополнительный оборот, переводимый на русский язык обычно придаточным предложением с союзом что, например: ... nigen bülüge irgen negüjü ayisuqui [ireküi] =yi bodanŋar üjeŋu ... [AT I, с.14] 'Боданчар увидел, что приближается какая-то группа людей...'; Tere noqai eŋen=ü mordaqui=yi medeŋü yurban on ulin qisabai [AT II, с.94] 'Та собака, зная, что владыка отправляется в поход, три года выла'.

В контексте это причастие в винительном падеже нередко имеет субстантивированное значение и употребляется в качестве объекта действия, например: Tere jobaqui=yi erketü Sigemüni bur-

qan medeju ... [AT II, с.109] 'О тех страданиях (букв. те страдания) узнал всемогущий Шигэмуни-бурхан (Будда Шакьямуни)';
 ya gara ju jalgi qu=yi jalgi γ ad aza ya qu=yi aza γ a γ ad... [AT I, с. 92] букв. 'В спешке глотал глотаемое, сплевывал сплевываемое',
 причем в последнем предложении в одной и той же функции использованы разные формы причастия на =qu и =qui, что свидетельствует об их сходстве.

Обозначая субстантивированный процесс действия, причастие может иметь безличную притяжательную форму со значением 'свой', например: ... qayilaqui=ban usatu γ san aju γ u [AT I, с.34] ... 'перестал плакать (букв. свое плакание прекратил)'; ... küñün ögküi=ben qata γ ujisu γ ai kemen öçiged ... [AT II, с.34] 'Отдадим [себе] свои силы (букв. 'свое отдавание силы утвердим')'.

В тексте нередко показатель винительного падежа в дополнительных причастных оборотах оказывается опущенным, что вообще-то не свойственно синтаксическим нормам монгольского языка, например: Sigüsidei ma γ u sedkiküi medeju ... [AT II, с.144] 'Узнал, что Шигушидэй замышляет недоброе ...'; qara qosi γ utu ünen=i qatarifu ireküi üjebesü ... [AT II, с.58] 'Если увидишь, что бежит рысью черномордая лисица...'; Kitad=un çerig ayisuqui üjeju qa γ an=dur kele kürgebel [AT II, с.165] 'Увидав, что приближается китайское войско, доставили хагану известие [об этом]'; ... çisun ba γ ul γ aju ködel=ün bayiqui bügüdeger üjebel [AT II, с.147] '... все увидели, что течет кровь'; Köke qota=aça çerig jorifu γ arqui üjebel [AT II, с.165] 'Увидели, что из Хохэ-хото вышли войска'.

Причастие на =qui/=kui/ в исходном падеже обозначает действие, которое является причиной другого действия, и переводится на русский язык «из-за того, что», например: Jürken=i iregdeküi=eçe [ireñü kemen] jir γ u γ an edür külçeju [küliyen] yadaju ... [AT I, с.81] 'Прождали шесть дней из-за того, что джуркэны обещали прибыть, но больше не могли ждать...'; Ar γ ali u γ ulja=yin miqan=i qubilan qubiyaqui=aça ulam alaldun teskindün qa γ aça ta [AT I, с.24] 'Из-за дележа мяса самок и самцов архаров вы еще больше ссоритесь и разъединяетесь'.

Причинно-объектное значение имеет это причастие в исходном падеже перед глаголом ачуqu 'бояться', например: Oγu ju kebteju üjegdeküi=eçe ачуju ... [AT I, с.40] 'Боясь быть убитым лежавшим [в дубраве]...; ... qola odbasu çimaça alji-yaqui=aça ачуju... [AT I, с.92] '... боясь, что ты утомишься, если отойду далеко ...'.

Причастие в исходном падеже указывает на любой исходный момент действия, а также имеет значение наличия какого-то исходного качества, например, способности, умения для осуществления действия, например: ... *törüküi=eče setkiŋü medel=dür otubasu* ... [АТ П, с.67] 'Если от рождения [вы] умны и понятливы ...'; *čidaqui=ača ker=ber čüiledbesü či mede kemebe* [АТ П, с.42] 'Ты [вам] знай, как надо действовать по [своим] возможностям!'

Наиболее часто причастие на *=qui/=küi/* зафиксировано в дательном-местном падеже с показателем *=dur/=tur/*, В таких случаях оно, как правило, образует причастный оборот, выражающий временные отношения, причем время действия оборота всецело определяется заключительным сказуемым и контекстом, например: *Tömücin yaŋar=tur uruŋu unan kebeŋü masi ya-salqui=dur qongqutan=u čirqa sergügen ögülegsen aŋuŋu* ... [АТ I, с.32] 'Когда Тэмучин, упав [ниж] на землю, лежал, очень горя, хонгхотанский Чирха, утешая его, сказал ...'; *Süm=e bari-qui=dur yaŋar köndeŋü modun oŋtaluŋsan=iyar yaŋar=un eŋen ireŋü totŋarlabai* [АТ П, с.II2] 'Когда ты возводил храм, то потревожил землю, вырубая деревья, [поэтому] пришел хозяин земли и воспрепятствовал'.

Кроме того, оно употребляется и в субстантивном значении, при этом нередко с возвратно-притяжательной частицей, означающей "свой", например: ... *uruŋqui=ača singgeküi=dür kürtele* ... [АТ П, с.28] '... от восхода и до захода [солнца]...'; *Törü-küi=dür=iyen barayun yar=tur=iyen sayai=yin tedüi qara nōŋin=i atqun törübei gekü* [АТ I, с.26] 'Говорят, при своем рождении он сжимал в правой руке сгусток черной запекшейся крови величиной с таранную кость'; *Tere ürgileküi=degen Jegüdülebe* [АТ I, с.97] 'Приснилось во сне (букв. 'в своей дремоте приснилось')'.

Причастие в соединительном падеже с относящимися к нему словами образует причастный оборот причинно-временного значения. Оно обозначает действие, одновременно с которым или вслед за которым происходит другое действие, например: ... *ger=tür inu oruqui=luŋ=a, Torŋan Sira ögüler=ün* [АТ I, с.42] 'Как только он вошел в юрту, Торган Шира сказал ...'; *Eke=yi genedte ireküi=lüge ayuqu=bar ayuba* [АТ П, с.38] 'Когда мать неожиданно вошла, [он] очень испугался'.

В качестве подлежащего оно обычно сопровождается показателем подлежащего (частицей *ber* или лично притяжательными части-

цами), например: Sereküi ber tan=u jöb bui [AT I, с.II/ 'Подозрения-то ваши справедливы'; Qoyar köbegüd minu sereküi tan=u ede yurban köbegüd=i törübei kemen [AT I, с.II/ 'Двое сыновей моих, подозрения ваши в том, что родила [я] этих трех сыновей'.

Причастие на =qui(=küi) употребляется и в качестве сказуемого, но эта функция свойственна ему меньше, чем все предыдущие. В этом и состоит основное отличие данной формы от формы на =qu(=kü), которая, как мы показали, гораздо чаще встречается в функции заключительного сказуемого.

В качестве сказуемого форма на =qui(=küi) употребляется со связками и без них. Без связки оно может обозначать действие, которое совершится в будущем времени; так же как и в случаях с =qu(=kü), за сказуемым следует подлежащее, выраженное личным местоимением, например: Amin ügei beu=e-yi minu abdu odçu yaçu kiküi ta [AT I, с.I09/ 'Вы] захватите мое бездыханное тело, а что вы будете делать с ним?'; Egci=yügen irebesü jayilađu ögküi üü ci kemebe [AT I, с.II7/ 'Но уступишь ли ты место, когда твоя старшая сестра явится?'; Yaçarađu irebesü tayičiçud=un noyad minu qoçuruy-san em=e köbegün aduçun idegen=i minu ünesü=ber keyisgeküi tede kemojü ... [AT I, с.95/ 'Если поторопиться, тайчигудские нойаны превратят в пепел все, что останется после меня: семью, скот, имущество'.

Со связкой bölüge это причастие обозначает действие, которое могло бы совершиться при определенных условиях, но на самом деле не совершается. Вся форма в целом имеет модальное значение возможности, предположительности: Toçtaç=a Beki-yi kebtege bögetele kürküi bölüge [AT I, с.59/ 'Тогтага-бэки могли настигнуть (т.е. настигли бы) во сне [пока он лежал]'. Здесь речь идет о том, что враги могли бы захватить в плен Тогтага, когда он спал, но оказалось, что его уже заранее предупредили и он бежал. Поэтому выраженное причастием и связкой bölüge действие представляется лишь как возможное.

Со связкой ажуи это причастие обозначает действие с модальной окраской должностования: Yisügen qatun ögüler=ün, nadaça egeci Yisui neretei nada=aça deged [degere] qaçan kümün=e jokiqui ажуи j=a [AT I, с.II7/ 'Есугэн-хатун сказала: «Ведь моя старшая сестра Есуй лучше меня и должна [больше] подходить хагану».

Со связкой bolun (форма слитного деепричастия от bol= 'становиться') причастие на =qui(=küi), так же как и на =qu(=kü),

обозначает наступление действия, вслед за которым происходит другое действие: *Aγ-ula ögede dataγ uqui bolun olang= iγan tasaraγu tende bariluγ=a* [AT I, с.120] 'Он бежал было в горы, [но у него] оборвалась подпруга, и [он] был схвачен'.

Ф о р м а =qun(=kūn). Как уже отмечалось, эта форма множественного числа причастия на =qui(=küi) употребляется в языке «Алтан тобчи» значительно реже по сравнению с двумя предыдущими формами. Это объясняется утратой согласования в числе, что наблюдалось уже в XIII в. [37], т.е. далеко не всегда подлежащее или определяемое во множественном числе требовали оформления сказуемого или определения показателем множественного числа.

Что же касается синтаксических функций причастия на =qun(=kūn), то в принципе они такие же, как и у формы на =qu(=kü). Большая часть примеров приходится на употребление его в предикативной функции сс связками и без них. Без связки оно обозначает действие, которое произойдет в будущем, например: *Biden=dür dayisun bolγu ülü nöküsekün tede* [AT II, с.69] 'Когда у нас окажется враг, они не смогут воссоединиться с нами'; *Ulus=i činu ken=ө medegülkün tede* [AT II, с.42] 'Кому они позволят управлять твоим народом?'. Как видно из примеров, подлежащие в этих предложениях выражены местоимением в форме множественного числа и следуют после сказуемого.

В конструкциях с условным деепричастным оборотом и =qun + böläge обозначается действие, которое может быть потенциальным или реально осуществимым только при определенных условиях, выраженных в деепричастном обороте, например: *Boroqul=un tere üge=dur irebesü qatquduqun böläge* [AT I, с.135] 'Если по словам Борохула, [враг] придет, мы сразимся'; *Ildei ögülerün: minu dayan ese somusbasu ta ker üjekün böläge* [AT I, с.144] 'Илдэй сказала: «Если бы не услышали моего крика, то как вы могли увидеть?»'.

В предложениях, не включающих условные деепричастные обороты, =qun + böläge может обозначать действие, имевшее место в прошлом. Однако в таких случаях оно содержит в себе ярко выраженное модальное значение, когда говорящий высказывает свое отношение к действию, как бы недоумевая по поводу совершившегося, например: *Tende Menglig ečige ögülerün, Čaqur beke=yi γayabasu mönlü beden-i dorumjilaγu ülü ögkün böläge* [AT I, с.126] 'Тогда Мэнглик-эчигэ сказал: «Когда ты просил Чакхур-бэки, он ведь унизил нас и не отдал [ее]»; *Jamuq=a=dača*

или qay'aqun bölüge [AT I, с.68] 'Ведь [я] не должен был отделиться от Джамухи'.

Кроме того, о событиях рассказывается так, как будто говорящий является их очевидцем, например: ... saɣalɣar modun=anda kemeldüŋü amaralduŋu qurimlan tayilan jırɣalduŋu sön-i könjilen=degen qamtu qonulduqun bölüge [AT I, с.65]'... под ветвистым деревом [Тэмучин и Джамуха] назвались побратимами, вместе пировали и праздновали, ночью спали вместе под одним одеялом'.

Оформленное показателем винительного падежа причастие на =qun(=kün) вместе с относящимися к нему словами образует дополнительный оборот, соответствующий в переводе русскому инфинитиву или существительному со значением процесса действия:

Tegün=i sergekün=i masi berke bolugad ... [AT II, с.10] 'Ее (т.е. воду) испарить очень трудно...'; Qamıɣ quraɣ sad=un dotura üge ögülekün=i masi berke aŋıla [AT II, с.7] 'Очень трудно говорить среди всех собравшихся'; Keɓteqıl oɣuqun=i buı ıdaɣatuɣai [AT I, с.152] 'Не задерживать (букв. не замедлять) вступление в кэбтэгулы'.

И наконец, как и две предыдущие формы, форма на =qun(=kün) может определять предмет с точки зрения предстоящего действия, причем определяемое стоит во множественном числе: Dotuna biden=ü dergede yabuŋu suralçasu kemeŋü irekün arad=i buı itɣatuɣai [AT I, с.152] 'Не отговаривать аратов, которые придут к нам, чтобы обучаться во дворце и состоять при нас'; Soyorqal ögdekün metüs=e soyorqal=i ögü ... [AT I, с.150] 'Тем, кто должен быть пожалован, пожалование выдали ...'; Tömsin köbegün=dür qatqulduqun metüs ken buı? [AT I, с.130] 'Есть ли кто у сына, Тэмучина, кто может сражаться? (букв. Кто те, кто может сражаться?)'. Это же причастие выступает иногда в субстантивном значении, например: ... çerig medekün=ece inn eregüleŋü baɣulyabai [Jimelen bayılyabai] [AT II, с.81] '... велел отстранить его от командования войском'.

Причастие прошедшего времени

Показателем причастия прошедшего времени является суффикс =ɣsan(=gsen). По мнению Г.Д.Санжеева, в алтайских языках не обнаружено сколько-нибудь удовлетворительных соответствий "данному суффиксу и поэтому этимология его продолжает оставаться темной" [77, с.138]. С уверенностью можно сказать лишь, что этот

суффикс повествовательной, включающий два компонента =*γ и *san, поскольку для монгольских языков нехарактерно сочетание двух начальных согласных. Первый компонент =γ= можно соотнести с таким же компонентом в составе других монгольских глагольных форм, например, =γ=tun, =γ=či [77, с.138].

В свое время Г.И.Рамstedт пытался сопоставить этот суффикс с суффиксом маньчжурского прилагательного =squn, считая монгольский суффикс исконным по происхождению и более древним [127, с. 66-68]. Позже, сравнивая его с тунгусским, он писал: «В монгольском и тунгусском языках этот суффикс следует рассматривать как древний. Он встречается в качестве форманта причастия прошедшего времени в монг. =g=san, тунг. =ksa» [69, с.120].

Это причастие имеет ярко выраженное временное значение, которое сохраняется независимо от того, в функции какого члена предложения оно выступает, обозначая действие, наступившее или происходившее в прошлом.

Несмотря на свое временное значение, это причастие сопровождается в функции сказуемого, как правило, глаголами-связками. Случаев употребления причастия без связки в тексте «Алтан-тобчи» сравнительно немного, например: ... negüküi=dür ese negügügsen, nögčiküi=dür ese nögčigsen, bulγa kümün-lüge büsi [busud=un] niγur ese jubčiy-san [qaraγsan] östü kümün-lüge öbege niγur ese jubčiy-san [urbaγsan] [AT I, с.140] '... когда кочевали, не отставал, когда оставались на месте, не уходил, с чужими людьми в другую личину не рядился (букв. не менял лица), перед врагом не терял лица'; Bodančar boγda=yin bariγu abuγsan em=edece törgögsen ba Jamuq=a=luγ=a kegele nige=ten γaγsa=tan bölüge [AT I, с.68] ' [Мы] родились от женщины, взятой в жены святейшим Боданчаром, и [поэтому] единоутробны с Джамухой и единого [с ним рода] '.

Значительно чаще причастие прошедшего времени в случаях предикативного употребления встречается с глаголами-связками. Со связкой прошедшего времени аγуγ-аγу оно обозначает действие, также относящееся к прошлому. В этом случае перед наступлением последнего из прошедших действий может произойти последовательный ряд событий и тогда действие, выраженное формой на =γsan + аγуγ, будет прошедшим по отношению к заключительному сказуемому, например: Ene üge=yi minu gudal geγü sanaγu boluγsan čimadur tur-siγul elči ilegekü bui medegerei gebe. Tegün=ü qoyina Manduquli qaγan üge olulčaqi-yin tulada qoyar elči elegegsen аγуγ ... Qaγan=u tere elči=dür Jonong sayin üge-

ben ese ögülegsen aju ... Tere elçi qaγan=dur kürcü ...
 qaγan=dur üge ayilatγaba [AT II, с.154-155] 'К тебе, посчитав-
 шему эти мои слова ложью, [хаган] посылает разведчика-гонца. Знай
 [это]. После этого Мандугули-хаган послал для переговоров двух
 послов ... Но тем ханским послам джононг не сказал добрых слов ...
 Те послы, вернувшись к хагану ... доложили ему'.

Наряду с этим причастие на =γsan + ajuγu употребляется и для обозначения действия, совершившегося в отдаленном прошлом, задолго до того момента, когда об этом сообщается: ... erte edür qaγan eçige=lüge manu kereyid irgen Ong qaγan anda kemeldügsen ajuγu [AT I, с.48] 'В давние времена Онг-хаган керейтского народа с нашим отцом-хаганом назвались побратимами'. Здесь действие предстает перед читателем как давно совершившийся факт, т.е. как действие давнопрошедшего времени.

В контексте =γsan+ajuγu употребляется и для обозначения действия обычного прошедшего времени, случившегося незадолго до того, когда о нем идет речь в повествовании, например: tere edür darasun=i yekede qalaγuçitala joγolγaγsan ajuγu [AT II, с.34] 'В тот день [он] угощался вином и был сильно разгорячен (букв. до сильного разгорячения)'.

Аналитическая конструкция, состоящая из деепричастия, причастия на =γsan и связок в прошедшем времени, обозначает действие в прошлом, но с видовым и модальным оттенками: ... egün=eçe ulam maγu bolju, çaqar qaraçin dayin bolju orulduγsan aγsan aju [AT II, с.191] 'От этого стало еще хуже, [оказывается], чахары и харачины уже вступили в войну'. В данном примере действие представлено как длительное, происходившее на протяжении какого-то отрезка времени в прошлом и до некоторой степени неожиданное.

Со связкой bui и buyu причастие на =γsan выражает действие, результат совершения которого в прошлом просто доводится до сведения читателя: Tere Abunai vang anu, Jurçid=un Bars Seçen qaγan=u ökin gürün=i güngji=yi abuγsan bui [AT II, с.185] 'Тот Абунай-ван взял [в жены] принцессу, дочь джурчидского Барс Сэчэн-хагана'; Dayan qaγan=i Quluγurun γool=du doluγan nasun=du unaγsan=dur singγuγu abuγsan tangγud=yin Ayin Temür neretü kümün abuγsan bui [AT II, с.163] 'Когда Даян-хаган в семилетнем возрасте упал в реку Хулугурун, то бросился и спас его тангутский Айн Тэмур'; Tere qaγan=aça salju tabun üy=e boluγsan=dur Srong sang Rgembu qaγan törügsen buyu [AT I, с.5] 'Когда от того хана прошло пять

поколений, родился хан Сронг-санг Гамбо'. Связка *бууи* в последнем примере придает действию характер большей достоверности и утверждения имевшего место факта.

С частицей *й=а* вся форма приобретает модальное значение вероятности, предположения, например: *Ene üge bügüde=dür sonus-daγsan bui й=а* [АТ II, с.176] 'Эти слова, надо думать, услышаны всеми'.

Сочетание *=γsan + bölüge* обозначает действие, совершившееся в прошлом, и в зависимости от лексического окружения и контекста выражает разную временную соотношенность в плане прошедшего времени. Это может быть обычная констатация факта, указание на действие, о совершившееся относительно недавно (скажем сегодня) и в отдаленном прошлом (много лет тому назад), например: *Činggis qaγan ... ögüler=ün, ker eyin kigden bölüge. Bide keme-kü=dur Belgütei ögüler=ün: manayar edürei čabciγsan bölüge* [АТ I, с.78] 'Когда Чингис-хаган ... спросил: «Как это случилось, пока мы разговаривали?» - Бэлгүтэй ответил: «Мы порубились сегодня утром»'; *Boγda ejen jarliγ bolba Börtegeljin qatun minu baγa čaγ=tur učiraγsan bölüge* [АТ II, с.49] 'Святейший владика заявил: «Бортэгэлджин-хатун свою [я] встретил в детстве»'.

Или оно указывает на действие, начавшееся задолго до момента сообщения о нем и как бы многократно повторяющееся на протяжении длительного времени, например: *Erte edür=eče tatar irgen ečiges ebüges=i biden=ü barayсан bölüge ... Ečiges ebüges=ün ösin ösijü ...* [АТ I, с.116] 'С давних времен татары убивали наших отцов и дедов... Местью отомстим за наших отцов и дедов ...'.

Это может быть также действие предпрошедшее, за которым последовало другое действие, относящее к прошлому, например: *Basa Boγda ejen kitad ulus=i erke=dür=iyen oruγulju Altan qaγan=i oru abuγsan=i Tangγud=un Sidurγu qaγan sonusγad ešeγejü, ... elči ilegegsen bölüge. Tere elči ejen=dü ayilatγaju qariqui=dur=iyen, ... geγü ene üge kelefju gariba* [АТ II, с.92] 'Тангутский Шидургу-хаган, услышав, что государь [Чингис-хаган] подчинил своей власти Китай и занял престол Алтан-хагана, обеспокоился и послал [к нему] гонца [с заверением в преданности]. Тот гонец, доложив государю, вернулся обратно и сказал ...'. В этом отрывке причастие на *=γsan + bölüge* служит для обозначения действия, которое предшествовало и повлекло за собой другое действие, также совершившееся в прошлом.

Наряду с функцией заключительного сказуемого прошедшее причастие входит в состав сложных предложений, выполняя различные синтаксические функции. В сочетании с другими глагольными формами и с падежными окончаниями или послелогами оно образует причастные обороты или участвует в образовании деепричастных оборотов.

Так, с вспомогательным глаголом в форме условного деепричастия bögesü оно образует обстоятельственный оборот с условным значением: Kümün=e ese ögdegsen bögesü degüü=degen čimada ğuyisu kemeğü Dobu mergen=i üğer=e [a ğulĵar=a] ilegebe [AT I, с.8] 'Если [она] еще никому не отдана, попросу ее для тебя, своего младшего брата?' – сказал [он], и послал Добу-мэргэна посмотреть'; ... Qituğ=a ese aldağsan bögesü ... köbögüken=ü amin=dur qor ülekü kürgekü bölägei üü kemebe [AT I, с.144–145] 'Если бы не выронил нож, разве не причинил бы вреда жизни мальчика?' В этих двух предложениях действие условного оборота соотнесено с прошедшим временем, что и передано рассматриваемой формой причастия. Правда, в одном случае представлен оборот с реальным условием, а в другом – нереальным, что обозначено заключительной формой сказуемого.

С формой уступительного деепричастия bolbaču причастие na = ğsan образует уступительный причастный оборот, действие которого также относится к прошлому, например: Či namayi=yi bağ=a a geğü qağan sağuğsan mön bolbaču qağan sağuqu yosun ügei bui=yin tula ĵ=a edüge či nada mörgü [AT II, с.176] 'Хотя [ты] и стал хаганом, считая, что я еще мал стать хаганом, [у тебя] нет права и поэтому ныне ты поклонись мне'.

Оформленное дательным падежом причастие прошедшего времени образует причастный обстоятельственный оборот временного значения, где обозначенное причастием действие относится к прошлому, например: Ulam inağsi yabuğsan=dur ... dung būriy=e=yi abubai [AT II, с.182] 'Когда дальше шествовали сюда ... нашли трубу из раковины дунг-бурэ'; Eğen morin=u terigün=i minağ=a=bar [tasiğur=iyar] deledügsen=dür ĵamuq=a inebešü eğen ĵarliğ bolur=un [AT II, с.54] 'Когда государь стегнул кнутом по голове коня, Джамуха рассмеялся, а государь сказал...?'

В некоторых случаях причастный оборот в дательном падеже имеет причинное значение, например: ... bayar miliyaqu=dur tatar=un Tömüĵin=ükei=yi abču iregsen=dür temür ölägei=dür ölägeyedeğü Tömüčin geğü nereyitdügsen yosun eyimü böläge [AT I, с.26] 'Когда происходило угощение [по случаю рождения

Чингис-хагана⁷, привели татарина из Тэмучинов, [поэтому], положив в железную колыбель, и нарекли Тэмучином⁷.

Это же причастие в винительном падеже с относящимися к нему словами образует дополнительные причастные обороты, в которых само причастие обозначает действие, совершившееся в прошлом и ставшее объектом (иногда причиной) другого действия, например: Altan qaγan=i oru abuγsan=i tangγud=un Sidurγu qaγan wopuγuγad emiyejü... [АТ II, с.92] 'Услышав, что [Государь] занял трон Алтан-хагана, тангутский Шидургу-хаган испугался'; Teb Tngri=yi tergen=yi üjügür=e niruγun=i quγulju nuγuruγsan=i Cinggis qaγan üjejü... [АТ II, с.44] 'Чингис-хаган видел, как Тэб Тэнгри переломили позвоночник об ось телеги'; Это наиболее распространенное, но не единственное употребление данной формы. В других случаях оно может обозначать объект как субстантивированный результат действия, выраженного в глагольной основе, например: ... ken=ü jögegsen=i ken jobaγagu bölüge. Ken=ü quriyaγsan=i ken tarγaqu bölüge [АТ II, с.64] '... кто бы позаботился о собранном другим? Кто бы рассеял накопленное [собранное] другим?'; Jici manayarsi ögülegsen=i üdesi udarabasu üdesi ögülegsen=i manayarsi udarabasu... [АТ II, с.45] 'Кроме того, если вечером забыть сказанное утром, а утром забыть сказанное вечером ...'.

Причастие прошедшего времени в винительном падеже образует еще своеобразную причастную конструкцию, точное грамматическое значение которой нелегко передать по-русски: Tayiciγud=un besüd=ün nutuγ=tur nigen öcüken kökečü neretü köbegün=i nutuγ=tur qocuruγ=san=i biden=üqai abcu ögelen=eke=de ögbe [АТ I, с.66] 'В кочевье тайчигудских бесудов наши подобрали оставшегося там маленького мальчика по имени Кокэчу и отдали матушке Огэлэн (букв. мальчика того, что остался, взяли)'; Nigen icükün⁷ köbegüken=i gegesgen=i biden=ü [man=u] čerig=üd nutuγ=ača olju... [АТ I, с.82] 'Наши солдаты подобрали на поле подкинутого маленького мальчика (букв. мальчика того, что бросили, взяли)'.

Трудность перевода подобных конструкций заключается в том, что это причастие в винительном падеже, образуя дополнительный оборот и являясь формально прямым дополнением по отношению к заключительному сказуемому всего предложения в целом, по существу,

⁷ Ошибочно вместо öcüken. Ср. Сокр.сказ., §135.

выступает определением к имени, обозначающему прямой объект, который входит в состав самого дополнительного оборота, т.е. это равносильно тому, если бы в конструкциях двух последних примеров было написано *qoɕurɕsan kɔbegün=i* 'оставшегося мальчика', *gegegsen kɔbegükən=i* 'подкинутого мальчика'. Причастие прошедшего времени употребляется и как субстантивный член, обозначая действующее лицо (или лица), характеризующее тем действием, значение которого содержится в глагольной основе: ... *qoɕidaɕsan=i ɟerge tede [kemen] ɟaɟaɟa=a kü ese kü kemelügei üü [ɔgülebeü] kelebe* [AT I, с.58] '... опоздавших, кто бы они ни были, из строя выгонять (букв. выгоним-ка), разве не было такого уговора?'.

Нередко это причастие в объектном значении сопровождается безличной притяжательной формой *=iyan* 'свой' : *Erten=ü anda bolulɕaɕsan=iyan duraldulɟin ...* [AT I, с.63] 'Вспоминая свое прежнее побратимство (букв. свое взаимное становление побратимами)...'; *Ede dörben üjegsen=iyen ülü niɟun, sonuɕsan=iyan ülü qabɕiqun tede bui ɟa* [AT I, с.140] 'Эти четверо ведь не утаят увиденное (букв. свое увиденное), не утаят услышанное (букв. свое услышанное)'; *Obesüben setkigsen=iyen keledkün* [AT I, с.148] 'Сами высказывайте свое пожелание (букв. свое задуманное)'.

Причастие прошедшего времени в орудном падеже обозначает, как правило, действие, послужившее причиной другого действия, переданного в заключительном сказуемом: *Amayar qaɟan Qadaɟan Qutala qoyar=i nereyitdügsen=ber qamɕ mongɕol tayiɕiɟud Onan-u ɕorquɟ ɟiɟur=tur Qutala=yi qaɟan bolɟaba* [AT I, с.23] 'Так как Амагар-хаган назвал имена Хадагана и Хуталы, то все монголы и тайчигуды, [собравшись] в Ононской роще Хорхуг Джигур, поставили хаганом Хуталу'; *Činggis=qaɟan=u yeke töɟü=yi batutɟan bariɕsan=iyar Čigidan=a Sečen qaɟan kemen olan=a aldarsiba* [AT II, с.116] 'Благодаря тому, что укреплял великое государство Чингис-хагана, прославился под именем Чигидана Сэчэн-хаган'.

Кроме того, эта форма в том же падеже может обозначать и объект действия, причем причастие имеет здесь субстантивированное значение, например: *Edüge öber=ün oluɕsan ɟögegsen=iyer=iyen öbere mingɟan bolɟu ...* [AT I, с.141] 'Теперь из того, что собрал ты своими трудами (букв. из своего полученного собранного), составила особая тысяча...'; *Jebe Sübegetei qoyar öberün oluɕsan ɟögegsen=ber=iyer⁸ mingɟalatuɟai kemebe*

⁸ Ошибочно вместо *=iyeu*. Ср. Сокр.сказ., §221.

[АТ I, с.149] 'Пусть Джэбэ с Субэгэтээм начальствует над теми тысячами, которые они собрали своими трудами (букв. своим полученным собранием путем начальствует)'.

В родительном падеже с послелогом *tula* (*γsan-u tula*) это причастие употребляется также для выражения действия, ставшего причиной последующего действия, переданного в заключительном сказуемом, например: ... *köbegün=iyen Abaqai=yi qoroγuγsan=u tula Dayan qaγan čerig mordaba* [АТ II, с.172] '... так как убили его сына Абахая, Даян-хаган выступил в поход'; *Ečige eke nutuγ ayimaγ=iyen baγ=a-du abtaγsan=u tula ülü medem geγü yabuu gebei* [АТ II, с.146] 'Так как был захвачен в детстве и лишился родителей и своего кочевья, то [ничего] не знает'.

С послелогом *qoyina* 'после', управляющим родительным падежом и основой (в количественном отношении родительным падежом чаще), причастие прошедшего времени обозначает такое действие, после совершения которого наступает действие, выраженное заключительным сказуемым, например: *Činggis qaγan=ača Otčigin noγan salju γaruγsan=u qoyina Tangγudai γou=a Sečen=eče asaγur=un* [АТ II, с.34] 'Отчигин-нойан, отделившись от Чингис-хагана (букв. после того, как отделился), спросил у Тангудая Гоа Сэчэна'; *Tayu ireγü oruγsan qoyina bigiči ayau=a bariγü üge kelebe* [АТ II, с.128] 'После того как вошел Тайу, бигичи, держа чашу, сказала'; *γurban qonuγsan=u qoyina moritu čerig=i abču mordaba* [АТ II, с.160] 'Через трое суток (букв. после того как провел трое суток) отправилась в поход с конницей'.

Выступая в качестве подлежащего или образуя подлежащий причастный оборот, рассматриваемое причастие сопровождается местоименными притяжательными частицами, например: *Tusa boluγsan minu yaγun bolqu kemeγü ese abuba* [АТ I, с.46] «'Моя услуга (букв. то мое, ставшее услугой), что это за услуга - сказал он и ничего не взял'; *Bögesün öggügsen anu namayi ideküidegen odu=a geγü bayinam. Šaril öggügsen anu qoyina Mongγol ulus nom=dur oruqu gegsen bayinam gebe* [АТ II, с. III] 'То, что он прислал вошь, свидетельствует о том, что собирается напасть и уничтожить меня. А то, что прислал моши, означает приобщение в будущем Монголии к учению'.

Причастие прошедшего времени в функции подлежащего или в составе подлежащего оборота встречается иногда и без показателя подлежащего. В таких случаях значение и функция определяются

только контекстом, например: Ёџиге=yin minu Naqu bayan=u џөгөг-
сен, уауса көбөгүн=dūr inu nada түгетеде [barasi үгеi/bui/AT I,
с.46] 'Все, что собрал отец мой Наху-баян, принадлежит мне, его
единственному сыну'; Uruy törül törүгсен үлү oldam геџү kelege
[AT II, с.40] 'Родной семьи (букв. родней родившейся) не найдешь'.

Чаще всего это причастие употребляется в определительной
функции, характеризуя предмет с точки зрения совершившегося дей-
ствия, значение которого выражено в глагольной основе. При этом
совершившееся действие в зависимости от времени заключительного
сказуемого и контекста имеет разную соотносительность с моментом
речи. Поясним это на примерах: Tayıciγud=un noyad minu qoçu-
ruγsan em=e көбөгүн адуγun edegen-i minu үнесү-ber keyi-
skektüi tede kemejü ... [AT I, с.95] 'Тайчигудские князья разве-
ят по ветру оставшуюся мою семью (букв. жену, сыновей), скот и
имущество'; Oñiken qoçuruγsan degüñ ner=iyen belbesün
berged=yien ker asaraqı cı mede [AT I, с.31] 'Позаботься об
оставшихся малыми младших братьях и вдовах-невестках'.

В приведенных предложениях заключительные сказуемые обозна-
чают действия, относящиеся к будущему времени, а причастие в ат-
рибутивной функции qoçuruγsan 'оставшиеся' выражает абсолютное
прошедшее время по отношению к моменту речи.

В предложении: Tere qarçayai=yuγan bariγuluγsan noyad
yalayud=un dāūd burγalıγ cısun metü butaraju keyiscü iremü
[AT I, с.15] 'Словно снег кружатся по ветру перья уток и гусей,
пойманных тем ястребом' – сказуемое относится к настоящему вре-
мени, а причастие-определение выражает абсолютное прошедшее вре-
мя, хотя в первых двух предложениях обозначенные этим причастием
действия являются более отдаленными по отношению к моменту речи,
чем в последнем, где оно, по сути, почти одновременно с ним. Здесь
все определяют контекст и лексическое значение самого причастия.

В предложении: Тоγ=a asaquñ kümün=i kebtegül tere edür
unγsan aγta emegel qajaγar=tu=yi emüsүгсен qubcısun selte-
yi kebtegül abtuγai kemen ... [AT I, с.157] 'Пусть кэбтэгулы
отбирают у людей, которые спросят [их] число, лошадей, на кото-
рых те придут [прибыли], вместе с седлом и уздечкой, а также
надетую на них одежду и прочее...' – причастия в определительной
функции обозначают действия относительного предшествующего време-
ни, т.е. по отношению к моменту речи эти действия произойдут в
будущем, но по отношению к действию заключительного сказуемого
эти же действия окажутся уже прошедшими, совершенными раньше.

В предложениях, где сказуемое (иногда ряд однородных ска-

зуемых) обозначает действие прошедшего времени, причастие в функции определения выражает действие, прошедшее по отношению к сказуемому, но давнопрошедшее по отношению к моменту речи, например: Tendece ideküi idegen ügei bolju, börte cinu=a=yin yundur qorquyaluḡsan görügesün=i meriyejü qarbuḡu alayad, öber=iyen ber ideged, qarḡayai=yuḡan ber tejiyeged tere on ḡarba [АТ I, с.13] 'Когда же не стало еды (букв. пищи, чтобы есть), он стрелял и убивал антилоп, загнанных серыми волками в овраг, и сам ел, и ястреба своего кормил, так прошел тот год'. Здесь действие, переданное заключительным сказуемым, закончилось в прошлом. По отношению к нему действие, выраженное причастием прошедшего времени, является прошедшим, так как охота производилась на животных, уже до этого загнанных волками в овраг. Следовательно, по отношению к моменту речи это действие давнопрошедшее: Eke öbesüben Qasar=un uayḡsan qančun=i tayilaḡu talbiḡad malaḡ=a büse inu Qasar=a ögčü, eke kilinglejü aḡur=iyen darun yadaḡu ... kemebe [АТ II, с.37] 'Мать самолично развязала Хасару связанные рукава, подала ему шапку и пояс, и не в силах сдержать гнева ... сказала... Рукава в одежде брата были завязаны Чингис-хаганом до того, как вошла разгневанная мать. Ее действия совершены в прошлом, поэтому действие, обозначенное причастием прошедшего времени в функции определения, относится к давнопрошедшему: Deger=e tngri=iyen jayayabar tenggis dalai=yi getüljü ireḡsen Börte Cinu=a You-a Maral qoyar Burḡan Qaldun=a nutuḡlaḡu aḡsan ajuḡu [АТ I, с.6] 'Бортэ Чинуа и Гоа Марал, по предопределению Высшего неба переплывшие Тэнгис-далай, поселились на Бурхан Халдуне'. В этом предложении само сказуемое имеет форму давнопрошедшего времени. Событие, о котором сообщается, относится к далекому прошлому. А действие, выраженное аналитической формой причастия в функции определения, произошло раньше этого события. Следовательно, это действие оказывается прошедшим по отношению к давнопрошедшему действию сказуемого.

Сравнительно редко встречаются предложения, когда причастие прошедшего времени употребляется в качестве определения при опущенном определяемом, которое известно из контекста (или предыдущего предложения), причем такое определение не имеет никаких формальных показателей субстантивации, например: Öberün törül=iyen ese sanaḡsan kümün, man=u törül=i sanamu. Öberün törü=ben ese sanaḡsan, kümün=ü törü=yi sanamu. Öberün ner=e=ben ese sanaḡsan, man=u nere=yi sanamu [АТ II, с.140] 'Человек, не

помнящий (букв. не помнивший) свою родню, будет ли помнить о нашей? Не думающий (букв. не думавший) о своем правлении, будет ли думать о чужом? Не помнящий (букв. не помнивший) своего собственного имени, будет ли помнить наши?'. Здесь в первом из предложений причастие прошедшего времени с отрицательной частицей *eve* 'не' — *eve sanaγ san'ne* думавший' определяет слово *kūmūn* 'человек', которое в последующих предложениях опускается, а его функция передается определению без каких-либо формальных изменений (притяжательных частиц). По своему значению это причастие выражает действие относительно прошедшего времени. Оно является прошедшим по отношению к действию, обозначенному в сказуемом (настояще-будущее время), но настоящим по отношению к моменту речи.

Причастие прошедшего времени в форме множественного числа (суффикс =*γsad*=*gsed*) встречается главным образом в качестве определения и дополнений. Что же касается функции сказуемого, то в тексте "Алтан тобчи" обнаружен только один случай такого употребления: ... *ta Jamuq-a anda=ača namayi kemen setkiǰū nōgčesü kemen iregsed* [АТ I, с.73]'... Вы отошли от побратима Джамухи и пришли ко мне' (букв. 'Вы от Джамухи, думая обо мне, пришли, говоря: «Подружмся-ка»'). В этом предложении подлежащее, выраженное личным местоимением во множественном числе *ta* 'вы', согласуется в числе со сказуемым, обозначающим действие, происходившее в прошлом.

В определительной функции в форме множественного числа причастие находится перед определяемым словом, стоящим во множественном числе или обозначающим множество, совокупность предметов, например: ... *tus qaγan-iyan qardaγsad arad mōn=e qoyina ker idegegdekūn ede kemekūi bōlūge* [АТ I, с.149]'... как после этого верить аратам, посягнувшим на своего хакана?'; *Čab-čiyal=i bariγsad čerig=ūd=i ködelgeǰū ireǰū Činggis qaγan=dur neyilebe* [АТ II, с.74]'Потеснил войска, удерживавшие Чабциял, а [сам] присоединился к Чингис-хакану'; *Dürbegsed ulus=i ačaray=a kemen Činggis qaγan qonuγsan γaǰar=ača morilaǰu* ... [АТ I, с.94]'Чингис-хакан отправился с места ночевки спасать беглецов (букв. убежавший народ)...'. В приведенных примерах определения, выраженные причастиями в форме множественного числа, согласуются в числе со своими определяемыми, характеризуя их с точки зрения действий, совершенных ими. Однако такое функционирование причастия во множественном числе уже не характерно для языка "Алтан тобчи". Гораздо чаще причастие-определение здесь имеет форму единственного числа независимо от числа определяемого.

В некоторых случаях при одинаковых определяемых стоят разные по категории числа формы причастия-определения. Ср., например: *quraγulaγsan tatar* [АТ I, с.116] и *quraγulaγsad tatar* [АТ I, с.116] 'Укрепившиеся татары'. Эти факты свидетельствуют о том, что в языке уже не придавалось особого значения формальному согласованию в числе.

Кроме определительной функции причастие прошедшего времени во множественном числе употребляется и как субстантивированный член, обозначая лица, характеризующиеся по совершенному ими действию: *Ene quraγsad=un dotura üge kelekün=yi berke ajila* [АТ II, с.7] 'Среди этих собравшихся трудно слово сказать'; *Ülegsed=i boyoliduy=a* [АТ I, с.116] 'Оставшихся сделаем рабами';

Tegün=u qoyina tere idegen=i yeke idegsed maγu öngge=tü boluγad, ödüken idegsed sayin öngge=tü boluγad ... [АТ I, с.1] 'После того съевшие много той пищи приобрели плохой цвет, съевшие немного приобрели хороший цвет'. В этой же функции причастие указывает на совокупность предметов как результат действия, например: *Önggür Aranai qoyar öggügsed=i inu abuluy=a kemebe* [АТ II, с.75] 'Унгур и Аранай взяли то, что им было дано'.

Но и таких примеров сравнительно немного, при этом отсутствует какая-либо закономерность в употреблении формы множественного числа. Так, при однородных дополнениях одно причастие может иметь форму единственного, а другое - множественного числа, например: *Ulus bayiγululčaysan=i jökildügsed=i anu mingγad=un nouad bolγaγu ...* [АТ I, с.149] 'Назначил ноинанами тысяч тех, кто вместе с ним созидал и основывал государство'.

Однократное причастие

(форма на =γči)

В русской монголоведческой литературе это причастие чаще всего называется однократным [16, с.136; 77, с.134], хотя по существу оно не содержит в себе значение однократности. В некоторых работах его называют и причастием настоящего времени, что, пожалуй, больше соответствует его значению [33, с.29]. Однако причастием настоящего времени в монголоведении называют еще одну причастную форму [77, с.136], поэтому во избежание недоразумений целесообразно сохранить традиционное название однократное, или форма на =γči. Что касается монгольской лингвистической литературы, то кроме названия «форма на =γч» это причастие известно под довольно громоздким термином: одоо цагт байнга гуйцэтгэгчийг заасан

уйлт нэр 'глагольное имя, обозначающее постоянного исполнителя в настоящее время' [56, с.1587].

Суффиксом однократного причастия является $=y\dot{c}i/=g\dot{c}i$, который принято считать состоящим из $=y=$ и $=\dot{c}i$, продуктивного суффикса образования отыменных имен деятеля, например: $qoni$ 'овца' - $qoni\dot{c}i$ 'чабан'; mal 'скот' - $mal\dot{c}i/n/$ 'ухаживающий за скотом', $modun$ 'дерево' - $modi\dot{c}i$ 'плотник' [77, с.1357].

Что же касается суффикса $=y\dot{c}$, то, как предполагалось, он тождествен суффиксу образования отглагольных имен на $=y$, известному в тюркских и других алтайских языках. Отглагольные имена $bilig$ 'талант, способность', $\dot{o}sig$ 'показания', $s\ddot{u}g\ddot{u}g$ 'стадо', $ayru\ddot{u}$ 'весть, известия' вошли в монгольский из тюркских языков, в которых были исконными образованиями с помощью суффикса $=g$. По мнению Г.И.Рамстедта, в тюркских языках суффикс $=g$ в этих словах более не является живым. В монгольских же языках он стал продуктивным. Так в старомонгольском появился комбинированный суффикс $=y\dot{c}i, =g\dot{c}i$ [127, с.1087]. Вместе с тем Г.Д.Санжеев замечает, что вопрос об идентичности $=y$ в $=y\dot{c}i$ суффиксу образования отглагольных имен на $=y$ в алтайских языках нуждается в дополнительном изучении [77, с.1367].

Дело в том, что форму однократного причастия можно практически создать от любой глагольной основы, например: $odu=$ 'идти' - $odu\dot{y}\dot{c}i$ 'идуший'; $\ddot{u}je=$ 'видеть' - $\ddot{u}jeg\dot{c}i$ 'видящий'; $\dot{c}ida=$ 'мочь' - $\dot{c}ida\dot{y}\dot{c}i$ 'могущий, умеющий' и т.д.

Но далеко не от всякой глагольной основы можно образовать отглагольные имена на $=y$; в частности, от приведенных выше глагольных основ их не бывает. Кроме того, большинство имен на $=y$ в монгольских языках являются заимствованиями из тюркских языков.

Следовательно, $=y\dot{c}$ в $=y\dot{c}i$ может оказаться иного происхождения в связи с подобным же компонентом в суффиксах причастия прошедшего времени $=y=sa\dot{n}$, повелительной формы 2 л.мн.ч. $=y=tu\dot{n}$, повелительно-желательной формы 3 л. $=y$ [77, с.135-1367].

Однократное причастие обозначает действие или способность к действию, присущие какому-либо предмету (или действующему лицу). Действие, выражаемое этим причастием, совпадает с действием, обозначаемым изъявительной формой настоящего-будущего времени, и с действием, обозначаемым многократным причастием⁹.

⁹ По материалам Б.Х.Тодаевой, в монгольском языке для семантики этого причастия характерен оттенок обычности, повседневности совершения действия. А в связи с тем, что в этом языке, а также

В отличие от других причастий однократное причастие чаще подвергается субстантивации, а иногда и полному переходу в разряд имен существительных. Особенно этот процесс интенсивно происходит в современном монгольском языке; например: сурагч 'учащийся', ерөнхийлөгч 'президент', удирдагч 'руководитель, вождь' и др.

В «Алтан тобчи» однократное причастие по своему значению обладает большей глагольностью, чем в современном языке. Как правило, это причастие с относящимися к нему словами образует причастный определительный оборот, характеризующий определяемое с точки зрения его способности к действию, обозначенному в глагольной основе, например: *Без-е-еёе мину учитыар үгеи дауауцй үе-yin сегү-дер мину, байилдуqu сaу-тур үлү көдүлүгсй qas qadun мину, барилдуysan үген-еёе үлү сүлтүгсй keb-ün janggıy=a мину, берке көсегү üyi-le=dür мину qarıl үгеи үнекер jıtгүjü yabuycı bulvatu sar [bayuly=a=dur üker/ metü Boyorcy мину ci nigen үге ögüle gebe* [АТ II, с.11-12] «Полуденная тень моя, неотступно следующая за мной, яшмовая скала моя, недвигающаяся [с места] во время боя, шелковый талисман мой, не ослабляющий нашего сговора, словно вол в ярме безропотно и честно служащий мне в моих трудных и тяжких делах, о Богорчи мой, ты говори», – сказал [он]. В этом предложении однократные причастия характеризуют определяемое по его способности к постоянному осуществлению действия, переданного глагольной основой. При этом, обладая значением глагольности, некоторые из них управляют падежными формами зависимых от них слов: *Без-е-еёе дауауцй* букв. 'от моего тела следующая'; *үген-еёе үлү сүлтүгсй* букв. 'от слова не отступающий'.

В предложении: *Üjedüi-yi üjügülügöi, qola-yi neyilegülügсй küsegzen=i qanguaуcй Тауу мину есй gebe* [АТ II, с.128] 'Иди ты, мой Тайу, позволяющий увидеть еще не виданное, позволяющий объединить далекое, обеспечивающий желаемое' – однократные причастия характеризуют действующее лицо по способности осуществлять выраженное в глагольной основе действие, являющееся как бы постоянным его признаком. Они управляют винительным падежом относящихся к ним слов, причем управляемыми словами являются и субстантивно употребленные формы причастий прошедшего неоконченного времени и прошедшего времени.

в дагурском, дунсянском, баоаньском и языке желтых уйгуров утрачена форма многократного причастия, это причастие приобрело некоторый оттенок многократности [93, с.118].

В некоторых случаях однократное причастие, определяя предмет, характеризует его по тому действию, которое было этим предметом совершено в прошлом. Это произведенное в прошлом действие стало отличительным признаком, характеристикой предмета, например: *Esen tayisi kümün ilegejü Sigüsidei-ece yoyilincı=yi çabıyıcı bulad aça gebe* [АТ II, с. 144] 'Эсэн-тайши послал к нему человека, наказав сказать Шигушидэю: «Отдай свой булатный меч, которым ты зарубил (букв. меч, рубящий) Гойлинчи»'; *Tere kümün ildu abı yoyilincı=yi çabıyıcı ildü mön buyu bisi buyu gebei* [АТ II, с. 144]. 'Тот человек, отобрав меч, спросил: «Это меч, зарубивший Гойлинчи, или другой?»'.

Иногда действие, обозначаемое данным причастием, соотносится с настоящим моментом и характеризует предмет или действующее лицо на данном отрезке времени: ... *qara oi temeçegci, Qayatai Dargmala edüge, Qaraju keger-e bui j-a* . [АТ I, с. 56] '... Харагатай Дармала, поспешающий в лес, должно быть, находится сейчас в Хараджуйской степи'; ... *dayıjıyıcı Dayır Usun iren, Selenge qoyar-un Jaxır=a=tu Siya* [jıy=a]=ta Talun aral=a [ködüge] bui j-a [АТ I, с. 56] '... ударающий Дайыр Усун находится, должно быть, в Шигата-Талун-арале между [Орхоном] и Селенгой'.

Значительно реже однократное причастие встречается в функции сказуемого, например: *Esen tayisi qarıyıcı boluyad gedergü qaraqun yağyaba* [АТ II, с. 148] 'Эсэн-тайши вернулся (букв. став возвращающийся), но выставил позади караул'; *Bikiçi ayurlaju ögülerün, tngri yajar neyilegci buyu. Degedü qad ber-yügen üjegci buyu* [АТ II, с. 128] 'Бикичи, разгневавшись, сказала: «Разве сливается Небо с Землей! Разве помогают верховные ханы своих невесток!». В первом предложении однократное причастие в сочетании с формой разделительного деепричастия (*qarıyıcı boluyad* 'стал возвращающийся') обозначает действие, предшествующее заключительному; во втором – в сочетании с глаголом-связкой *buYu* выполняет роль заключительного сказуемого. Действие относится к так называемому расширенному настоящему времени. В значении указанного действия присутствует элемент экспрессивности и убежденности говорящего в обратном, что достигается употреблением связки *buYu*.

Иногда однократное причастие входит в состав собственных имен в качестве определения к ним или полностью подвергается субстантивации как имя собственное, например: *Tegün-ü köbegün Masi* [jeskü] leng=tü qıyar tiib=i ejelegci Jes kürdetü qayın [АТ I, с. 3] 'Его сын, Маши Удзэскулэнгту, был хаганом

медного колеса, владыкой (букв. владеющим) двух материков'; *Tangsuγ Idegetü qayan-u köbegün Nasun-a Tegülder Yeke neretü kiged Ülü Doroyitaycı qoyar бууу* [АТ I, с.3-4] 'Сын-новьями Тансуг Идэгэту-хагана были Насуна Тэгүлдэр Еке и Улу Доройтагчи (букв. Неслабеющий, Непобедимый)'.
 В функции подлежащего однократное причастие встретилось в двух предложениях, которые здесь приводятся: *Моулан qayan=i ешине qosıyу одууці ene bile* [АТ II, с.152] 'Он вел передовой отряд Моулан-хагана' (букв. 'идущий впереди Моулан-хагана был этот'); *Üge=yı onun medegči Očir Seçen бууу* [АТ I, с.108] 'Разгадывающий эти слова разве не Очир Сэчэн?'.

Множественное причастие

Окончанием множественного причастия является суффикс =day/=deγ, который Г.И.Рамstedт возводил к тюркскому =duq, представлявшему собой окончание имен на =q= от вторичной глагольной основы =d=/=t=.

Тюркской форме =duq (якут. =ta/=tag) близка тунгусская (особенно негидальская) глагольная форма на =dig, что, по мнению Г.И.Рамstedта, доказывает их тождественность [69, с.139]. Многие алтаисты поддерживают эту гипотезу. Однако Г.Д.Санжеев считает предположение Г.И.Рамstedта маловероятным в силу того, что в монгольских и тюркских языках отсутствует вторичная глагольная основа на =d=/=t=, а попытку разложить на составные части монгольский =day и тюркский =duq (и негидальский =dig) не увенчавшейся успехом [77, с.134].

Множественное причастие обозначает такое действие, которое является обычным, постоянным для данного предмета в течение какого-то отрезка времени в настоящем или прошлом, что определяется вспомогательным глаголом или глагольной связкой. Иными словами, само по себе это причастие указывает лишь на характер протекания действия, его частоту или постоянство, т.е. имеет видовое значение множественности.

В предложении множественное причастие употребляется в качестве определения и сказуемого.

Будучи определением, оно характеризует предмет (действующее лицо) с точки зрения действия, совершающегося обычно, часто, постоянно, например: *Kökedeg Toγtay=a Boγur=a kegere=e bui ɣ=a* [АТ I, с.55] 'Этот Тогтага, который всегда пугается, находится, должно быть, в Богура-кэгэре; ɣашуq=a yabuday kel-

etü [qudal olkiyan] bōlūge [AT I, с.125] 'Джамуха был злоре-
чивым болтуном (букв. с языком, имеющим обыкновение двигаться)'.

В качестве сказуемого это причастие употребляется с глаго-
лом-связкой буу/ биуу (нам встретились примеры только с этой
связкой); например: Ejen=iyeu emüne inggeju yabuju kücün=
iyeu öggüdeg буу [AT I, с.101] 'Так-то [ты], идя впереди свое-
го хана, отдаешь [ему] свои силы?'. В этом предложении сказуемое
öggüdeg буу обозначает такое действие, которое совершается
обычно, постоянно. Связка буу указывает на настоящее время
с модальным значением достоверности, убежденности в сказанном с
оттенком иронии.

В приведенном ниже отрывке текста ряд многократных причастий
в сочетании со связкой биуу, выполняющих функцию сказуемых, обо-
значают действия настоящего расширенного времени; эти действия,
обычные, постоянные, являются как бы присущими действующему ли-
цу. Вопросительная форма связки биуу со значением убежденнос-
ти, категоричности высказывания придает каждому предложению окрас-
ку эмоциональной приподнятости: Buruyu jōb qoyar=i ilyaday
ügei biyuu ci. Bulunggir ügei dalai=yi ömčirkedeg biyuu ci.
Boйда ejen=i qayirai=yi kögergedeg biyuu. Bolul ügei nada=
luγ=a üge temečiged biyuu. Qamiγ=a ügei ügen=dū ayurladay bi-
yuu. Qas yeke dalai=yi qaramladay biyuu. Qan ejen=i man=i qay-
irai=yi ömčirkedeg biyuu. Qariqu ügei mayu nadaluy=a üge temečideg
biyuu. Onon mörin=i qoboyun=iyar sirgedeg буу. Oytargui-yin solong-
γ=a=yi γar=iyan bariday biyuu. Eder mören=i elesū=ber boyoday bi-
yuu ci. Erdemtü sayin kümün=i namayı sanayabar činedeg biyuu
[AT II, с.9-10] 'Разве не различаешь ты правду и ложь? Не счита-
ешь ли ты незамутненное море собственностью? Не хвастаешь ли ми-
лостью богда-владыки? Не состязаясь ли ты со мной, несовершенно-
летний? Не негодуешь ли при любом слове? Не посягаешь ли в жад-
ности на великое яшмовое море? Не хвастаешься ли милостью хана-
государя? Не споришь ли ты злобно со мной, безответственный пар-
шивец? Реку Онон ты ведь бадьей осушаешь! Не хватаешь ли ты ру-
кой радугу в небе? Не преграждаешь ли песком реку Идэр? Не пре-
достерегаешь ли ты меня, человека почтенного и обладающего зна-
ниями?'

Причастие прошедшее неоконченное

В монголоведении это причастие называется также причастием
настоящего времени. Мы сохраняем термин, предложенный в свое
время Ал.Бобровниковым [16, с.136-137].

Суффиксом этого причастия является $=y=a/=g=e$, происхождение которого связывается с тюркским суффиксом деепричастия $=a$ [127, с.85-86; 4I, с.302-304].

В положительной форме это причастие обозначает действие, начало которого относится к прошлому и которое продолжает существовать в последовавшем за этим прошлым каком-то отрезке времени; например: Ejen noyirsay=a ajuu [AT II, с.5I] 'Государь еще, [оказывается], почивал' (т.е. продолжал еще спать). В этом предложении причастие niyirsay=a указывает на то, что действие, начавшееся в прошлом, еще продолжалось в тот момент, о котором идет речь. При этом наличие связки прошедшего времени ажуу показывает, что действие это является прошедшим по отношению к моменту речи. Действие в целом представлено как длительный процесс.

Однако положительная форма данного причастия в предикативной функции встречается редко. Чаще употребляется отрицательная форма с частицей $dui/edüi/edüküi$, например: Ejen minu jeb qadayadui bile [AT I, с.10I] 'Государь, [я] еще не пристегнул [колчан со стрелами]'. В таких случаях это причастие обозначает, что действие еще не произошло, но его совершение ожидается.

Отрицательная форма этого причастия нередко употребляется и в обстоятельственной функции. Тогда она может обозначать:

а) действие, не совершившееся в прошлом, например: Buyan Sečen qayan=u köbegün Mangyus tayiji qan orun sayuyadui nögşibe [AT II, с.185] 'Сын Буян Сэчэн-хагана Мангус-тайджи скончался, еще не сев на ханский престол'; б) еще не совершившееся, но ожидаемое, например: Činggis qayan=i bosuy=a edüi orun do-tura бүküi=dür ... [AT II, с.4I] 'Когда Чингис-хаган, еще не вставая, находился в постели ...'; в) как ожидаемое, но прерванное каким-то другим действием, например: Ögelen eke=yi dong-yaduy=a edüi Borte üjin ögülerün [AT I, с.66] 'Матушка Öгэлэн еще не промолвила и слова, как Бортэ-уджин сказала ...'; г) или еще не совершившееся в какой-то момент прошлого, когда уже имело место другое действие, например: Čayadai čimai=yi törüge edüi olan qaraçus=i quray=a edüi qan eçige=dür činu küçün öggür=ün bi [AT II, с.63] 'Когда ты еще не родился, Чагадай, и еще не собрал народ, я уже служил твоemu отцу'.

Отрицательная частица $edüküi$ иногда оформлена показателем местного падежа $edüküi=e$, например: Quildar yaran=ıyan anaç=a edüküi=e ... görögesün=dür dobtulqu bolun ügderejü nögşibe [AT I, с.136] 'Когда рана еще не зажила, Хуйлдар погна-

ся за антилопой, /рана/ обострилась и /он/ скончался'; Činggis qayan=i dongyuduγ=a edüküi=e /ögöleküi=yin urida/ Börte üjin orun dotura öndeyiŋŋa saγuŋu ... /AT П, с.41/ 'Не успел Чингис-хаган сказать, как Бортэ-уджин, лежавшая /в постели/, приподнявшись села ...'

В отрицательной форме это причастие выступает и в определительной функции. В таком случае оно характеризует предмет с точки зрения еще не совершившегося действия, но которое должно произойти, например: Namai=yi kürüge edüi irgen=dür kürtügei. qamγu=a edüi irgen=i qamtuyai /AT П, с.88/ 'Пусть дойдет до народа, до которого еще не дошел я! Пусть соберет воедино еще не собранный народ!'

Иногда эта форма употребляется и в качестве прямого дополнения и имеет субстантивированное значение, например: Üjedüi-yi üjegülügčei /AT П, с.128/ 'Позволяющий увидеть еще не виданное'.

Деепричастные формы

Деепричастие – одна из самых распространенных глагольных форм в монгольских языках. Высокая частотность употребления, исключительное разнообразие форм, значений и синтаксических функций ставят деепричастие на первое место среди других глагольных форм (повелительно-желательных, изъявительных, причастных).

В предложениях деепричастия образуют различные по содержанию деепричастные обороты, участвуют в создании аналитических глагольных форм, служащих для выражения видо-временных и модальных значений.

Деепричастия объединяются общим признаком формальной неизменяемости. Будучи образованными от глагольных основ посредством суффиксов, деепричастия предстают как законченные, далее неизменяемые глагольные формы (исключение составляют только частицы личной и возвратной притяжательных форм, которые могут следовать после ряда деепричастий группы П).

В отличие от изъявительных и причастных глагольных форм деепричастия являются формой "незаконченной предикации", потому что сами по себе они не способны выражать отношение действия к моменту речи, а следовательно, время совершения обозначенного ими действия зависит от времени заключительной глагольной формы, т.е. от собственно предикативных форм. Не имея категории времени, самостоятельного временного значения, деепричастия в этом отношении зависят от управляющих глаголов [77, с.228; 39, с.474/].

Однако лишённые категории времени деепричастия обладают относительным временным значением, выражая время не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени заключительного глагольного сказуемого. О выражении относительного глагольного времени как общем признаке деепричастий писали многие лингвисты [69, с. 138-139; 84, с. 175; 77, с. 228; 85, с. 36].

Итак, если в собственно предикативных, изъявительных глагольных формах временные значения находятся в прямом отношении с моментом высказывания, то в деепричастиях эти отношения всегда опосредованы через значение заключительного глагольного сказуемого.

Но это вовсе не говорит о том, что временные значения деепричастных форм всегда совпадают с таковыми заключительного глагольного сказуемого. Они могут быть и нередко оказываются разными.

В зависимости от формы деепричастия, семантики его глагольной основы, а также семантики глагола, с которым деепричастие связано, характер совершения выраженного деепричастием действия бывает различным по отношению к действию заключительного глагола: это действие может предшествовать, быть синхронным или следовать после действия глагола, к которому относится деепричастие.

Будучи глагольной формой, деепричастия обладают и другими глагольными категориями, такими, как вид, модальность. Однако, как и временные значения, эти категории не выражены в самих деепричастиях, а оказываются всегда опосредованно зависимыми либо от вспомогательного глагола, либо от заключительного глагольного сказуемого.

Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, что в монгольских языках сама деепричастная форма, т.е. деепричастные суффиксы, например =ж (соединительное деепричастие), =аад (разделительное деепричастие) и др., выражают категорию вида; см. [99, с. 66, 87]. Мы придерживаемся той точки зрения, что видовые значения передаются этими деепричастиями в сочетании с вспомогательными глаголами и глаголами-связками. Подобно значениям временным, отмечаемым в деепричастиях, их модальные значения являются также относительными и находящимися в определенной зависимости от модального значения глагола-сказуемого [84, с. 300-301].

Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия и служебного глагола-модификатора, служат для передачи способа и характера протекания действия. При этом в роли служебного глагола-

модификатора часто выступают полнозначные глаголы с той или иной степенью утраты своего вещественного значения.

В таких конструкциях деепричастная форма несет основное лексическое значение. Глагол-модификатор же, утрачивая полностью или частично свое лексическое значение, грамматикализуется, и вся конструкция предстает как нечленимое единство, передающее грамматическое значение всего комплекса.

По своему происхождению, структуре и семантике деепричастные формы неоднородны. В монголоведении их обычно делят на две группы: I – сопутствующие и II – обстоятельственные. Считается, что сопутствующие деепричастия (соединительное, слитное, разделительное) сопровождают действия управляющих глаголов, а обстоятельственные (условное, уступительное, целевое, продолжительное, притатное и др.) указывают на обстоятельства, при которых совершаются действия тех же управляющих глаголов [73, с.77; 77, с.227; 28, с.272; 4, с.215-222].

Однако, если название обстоятельственные в какой-то мере отражает значение и функции группы II, то название сопутствующие вряд ли соответствует всему многообразию значений и функций деепричастий группы I, так как в предложениях они обозначают не только действия добавочные, сопутствующие, предваряющие или дополняющие главное действие, переданное заключительной глагольной формой, но и действия вполне самостоятельные и независимые, не являющиеся сопутствующими главному. Поэтому мы называем их деепричастия I и деепричастия II.

Между деепричастиями этих двух групп имеются существенные различия. Деепричастия I более глагольны по своему значению. Это ярко выраженные типы глагольных форм, тогда как деепричастия II имеют более именной характер, обладая некоторыми признаками причастий. Доказательством последнего может служить способность многих из них принимать после себя частицы личной и возвратной притяжательных форм, что абсолютно исключено для деепричастий I. Деепричастия II, кроме того, в большинстве случаев выражают обстоятельственные значения времени, цели, образа действия и т.п.

Памятники монгольской письменности XIII-XIV вв. свидетельствуют, что деепричастия I употребляются в них как уже вполне сформировавшаяся категория слов, сохранившаяся в том же виде и в современных монгольских языках. Правда, отсутствие более ранних письменных монгольских памятников не дает возможности определить время их появления в языке и установить с полной определенностью, к каким грамматическим формам они восходят.

Что же касается деепричастий II, то те же памятники показывают, что далеко не все деепричастия этой группы употреблялись в древности. То, что структура суффиксов некоторых из них весьма прозрачна, как, например, суффикс уступительного деепричастия *baṣu* из *=ba* (изъявительная форма глагола настоящего времени) + *ṣu* (усилительная частица) или суффикс продолжительного деепричастия *yasaṣar* из *=yasa-* (усеченная форма причастия прошедшего времени) + *-sar* (показатель орудного падежа), говорит о различии природы и путей образования этих деепричастий по сравнению с деепричастиями I.

Следует отметить, что некоторые деепричастия II, распространенные в современных монгольских языках, отсутствовали в древнем и классическом монгольском языках (например, деепричастия на *=нгаа*, *=нгуут* и др.). Это свидетельствует о их более позднем появлении и о том, что разряд деепричастий II не так стабилен, как деепричастий I.

Обладая большей долей предикативности, деепричастия I в сочетании со служебными или вспомогательными глаголами выступают в качестве заключительного глагольного сказуемого, тогда как деепричастия II, за малым исключением, такой способности не имеют.

Материалы «Алтан тобчи» показывают, что в ряде случаев действия, выражаемые деепричастиями I, не являются ни добавочными, ни второстепенными по отношению к какому-либо другому действию, что они вполне равноценны действию, обозначенному в заключительной глагольной форме. В этом плане вполне уместно замечание П.Н. Перевощикова, исследовавшего удмуртские деепричастия, которое гласит: «При описании особенностей деепричастия, видимо, надо говорить не столько о добавочном действии, сколько о том, что деепричастие выражает такое действие, которое непременно имеет отношение к другому действию, однако это отношение не обязательно зависимое» [61, с.11-12].

Деепричастия I образуют деепричастные обороты с различной степенью зависимости от основного глагола-сказуемого. В некоторых случаях они, имея свой собственный источник действия, свой субъект, выраженный именем в именительном падеже, стремятся освободиться от своего зависимого положения по отношению к основному глаголу-сказуемому, чего не наблюдается у деепричастий II.

Образуя деепричастные обороты, деепричастия I не управляют (за очень редким исключением) родительным падежом, тогда как деепричастия II управляют им.

В количественном отношении как в языке «Алтан тобчи», так и в современном более употребительны деепричастия I [8, с.83-93].

Деепричастия I

Соединительное деепричастие

Суффиксом соединительного деепричастия является $=ju/=cu$, который Г.Д.Санжеев возводит к $=*джу < *джі < =*д'і/=*д$. Соответствие ему имеется в тюркских языках [77, с.127,141; 69, с.117].

В языке «Алтан тобчи» это самая распространенная из всех зарегистрированных в памятнике деепричастных форм. Соединительное деепричастие употребляется в различных функциях и значениях и имеет различную степень смысловой зависимости от основного глагола-сказуемого. Синтаксические функции и смысловая зависимость этого деепричастия от глагола-сказуемого во многом определяется контекстом, лексическим значением как деепричастия, так и заключительного глагола.

Обозначая действие, предшествующее действию, обозначенному заключительной глагольной формой, соединительное деепричастие выступает в предложении в качестве однородного сказуемого, например: Та egün=i üdter öbsiǰü sir=a [AT I, с.97] 'Вы его быстренько освежите и зажарьте'; Tegün=i qoyına uqaуап=u oi kemekü idegen уагсu бава kü ügei bolbai [AT I, с.2] 'После того появилась пища под названием "ухагану ой" и также исчезла'. В этих предложениях деепричастия öbsiǰü 'свежу' и уагсu 'появившись' выражают действия, которые по своей объективной значимости такие же равноценные и важные, как и обозначенные заключительными глагольными формами. Их нельзя считать второстепенными, потому что они не дополняют и не поясняют главные действия, а являются однородными с ними. Однако в грамматическом отношении (в выражении времени, наклонения, лица) они находятся в непосредственной зависимости от заключительной глагольной формы. Поскольку деепричастные формы не имеют грамматических средств выражения предикативности, постольку они не могут быть названы однородными сказуемыми в полном смысле этого слова.

В первом предложении заключительная глагольная форма sir=a 'зажарьте' обозначает действие, которое совершится в будущем. Оно выражается повелительной формой глагола 2-го л. Через данную глагольную форму грамматические категории времени, числа, лица

распространяются и на действие, переданное деепричастной формой. Однако, будучи отнесенным к плану будущего времени, действие, обозначенное деепричастием *öbsiǰü*, предшествует действию, выраженному заключительной глагольной формой, так как козел, о котором идет речь, сначала будет освежаван, а потом зажарен.

Во втором предложении действие, обозначенное финитной глагольной формой, уже совершилось в прошлом (*ügei bolbai* – форма прошедшего времени изъявительного наклонения). Действие, выраженное деепричастием *yaǰu*, также относится к плану прошедшего времени. Но это действие предшествует ему. Оно совершается раньше действия заключительной глагольной формы, что видно из контекста: пища сначала появляется, в течение какого-то времени ею питаются живые существа, после чего она исчезает.

Соединительное деепричастие может передавать и ряд последовательно следующих друг за другом действий, например: *Eǰür buri man=dur ireǰü nuysun=eǰegen öǰü, ösüg umdayan uuǰu odumu* [AT I, с.14-15] 'Каждый день он приходит к нам, отдает часть своих уток, пьет кумыс и уходит'. В этом предложении действия, обозначенные деепричастием, совершаются последовательно одним действующим лицом, они однородны по своей функции и равноценны, т.е. независимы друг от друга, по своей объективной значимости. Все они совершаются в плане одного грамматического времени, указанного в заключительной глагольной форме, хотя каждое из действий в плане этого грамматического времени предшествует последующему: приходит, отдает, пьет, уходит.

Сохраняя лексическую независимость в качестве однородных членов предложения (однородных сказуемых), деепричастия в грамматическом отношении, в частности в плане выражения грамматической категории времени, полностью подчинены финитной глагольной форме, так как только в последней выражаются грамматическая категория времени, интонация сообщения и законченности речи как в сказуемом всего предложения.

Кроме того, в предложении соединительное деепричастие может обозначать действия, уточняющие или поясняющие действия, выраженные как финитной глагольной формой, так и другими деепричастными и причастными формами. В таких случаях они выполняют роль разного рода обстоятельств образа действия. В обстоятельственной функции соединительное деепричастие является зависимым членом предложения, отношения и связи которого с характеризующим действием определяются в большой степени контекстом, лексическим значением самого деепричастия и той глагольной фор-

мы, которую оно определяет, например: *Jürken=eçe nigen em=e kümüm doyulju ireged jöbdeki döröge=yi oytalju abçu oduqui=yi Belgütei üjged tere em=e=yin köl=i quyu tasiju orkiba* [AT I, с.77] 'Бэлгутэй, увидев, как от джуркинцев подошла прихрамывающая-то женщина и, срезав стремя, пошла, перебил ей ногу'. Деепричастие *doyulju* 'прихрамывая' относится к следующему непосредственно за ним разделительному деепричастию *ireged* 'подошедши' и характеризует обозначаемое им действие с точки зрения того, каким образом это действие происходило. Аналитическая форма *oytalju abçu* 'срезав' (букв. отрезав взяв) определяет действие, выраженное причастной формой *odqui* 'отправиться', указывая на время совершения этого действия: отправилась после того, как срезала. В предложениях: *Tömüčin qasar qoyayula ger=tür=iyen irejü üjin eke=dür ögülerün* [AT I, с.35] 'Тэмучин и Хасар, придя домой, сказали матери Уджин'; *Tendeçe Sengkör yoruqan=aça negüjü Kerülen mören=ü terigün Bürge Ergi=dür nutuylan bayuju Jotan eke=yin setkil [emüsgel] kemen qara bulyan daqu emüsgelü bölüge* [AT I, с.48] 'Когда уезжали (букв. уезжая) с речки Сэнкур и расположились кочевьем (букв. расположившись остановившись) на Кэрулэне у подмытого водоворотом яра Бурги-Эрги, то [Бортэ-уджин], сказав: «Это свадебный подарок от матушки Цотан», — велела одеть доху из черного соболя' — деепричастия *irejü* 'придя', *negüjü* 'кочуя', 'уезжая', аналитическая форма *nutuylan bayuju* 'расположившись остановившись' обозначают зависимые действия, характеризующие последовавшие за ними действия по времени их совершения: сыновья обращаются к матери после того, как пришли к ней; подарок был преподнесен после того, как откочевали из одного места и расположились на другом.

Равным образом действие, выраженное соединительным деепричастием, может характеризовать последующее действие, указывая причину его совершения, например: *Oruju kehteju üjgedküi=eçe ayuju usun=u qargi=dur gedergü kehteju bayu=ban usun uruqu urusqaju, niyur=lyan ile kehtebe* [AT I, с.40] 'Опасаясь быть замеченным, лег навзничь в заводи; [он] лежал лицом вверх, пустив плоть вниз по течению свою шейную колодку'; *Ogede ögülerün erte irekü bölüge bi. Jayura qurim=ud jolyaju udaba* [AT II, с.3] 'Огэдэй отвечал: «Я должен был прибыть рано. По пути встретил пирующих и задержался». Деепричастие *ayuju* 'боясь, опасаясь' (в первом предложении) относится к соединительному деепричастию *kehteju* 'лежа' и характеризует его с точки

зрения причины: лег, так как опасался быть замеченным людьми, разыскивающими его. Во втором предложении те же самые причинные связи выражены деепричастием *jolyaŋu* 'встретившись', которое ставится непосредственно перед определяемой им финитной глагольной формой – задержался, потому что встретил в степи пирующих людей, а закон, долг гостеприимства не позволял проехать мимо.

Соединительное деепричастие может передавать и действие с уступительным значением, указывая на то, что другое действие совершается (или при наличии частицы отрицания не совершается), вопреки или несмотря на предшествующее действие, обозначенное соединительным деепричастием, например: *Edüge baza Torŋan Sira namayı üjeŋü ülü jıyan odba [jorçıba] /AT I, c.41/* 'Вот и сейчас Торган Шира заметил меня (букв. меня видя), но проехал [мимо], не выдав [меня]'; *Torŋan Sira=yin alam=dur kürtele üjeŋü ese olju...* /AT I, c.42/ 'У Торган Шира осмотрели (букв. осматривая) юрту, повозки, вплоть до исподов сидений, но не нашли...'

Иногда соединительное деепричастие в позиции перед заключительной формой глагола имеет целевое значение, например: ... *Belgüteı=yı ilgeŋü, Boyorçı=yı nöküceı=e kemeı urıŋı ilgebe* /AT I, c.48/ 'Тэмучин послал Белгүтэя пригласить Богорчи в товарищи, сказав ему: «Подружись-ка»'.

Кроме того, соединительное деепричастие с относящимися к нему словами образует деепричастные обороты, являясь их организующим ядром. В таких случаях оно служит широко распространенным средством связи частей сложного предложения.

Имея свой собственный источник (субъект) действия, эти деепричастия функционально более свободны и независимы по отношению к заключительному глаголу-сказуемому. Они выступают в качестве сказуемого полупредикативного оборота /8, с.83-93/.

Степень самостоятельности таких оборотов разная. Она зависит как от семантического содержания главного деепричастия, так и от синтаксической функции оборота в целом. Одни из них имеют в той или иной степени подчинительный характер, другие более независимы в своем значении. Например, в предложении: *Ede ber Tömücin Toyorıl jıy=a Gembüü ta, çerig=üd=ıyen Jasayad kü morılan jıçı neyileldüŋü tanılduŋı Jımuq=a ögülerün* /AT I, c.58/ 'Они – Тэмучин, Тогорил и Джига Гэмбу – также построили свои войска в боевом порядке; [когда] сойдясь узнали друг друга, Джамуха сказал ...' – указаны два самостоятельных источника действия: с одной стороны, это – Тэмучин, Тогорил и

Джига Гэмбу, выстроившие свои войска и готовые к бою, с другой - Джамуха, произносящий речь, когда стороны приблизившись узнают друг друга. Все имена, обозначающие субъектов действия, оформлены именительным падежом, но первая часть предложения - деепричастный оборот, заканчивающийся деепричастиями *neuyilel-düjü tanilduju* 'сблизившись узнав', в целом имеет подчинительный характер, указывая на время действующего лица в главном предложении: Джамуха произносит речь после того, как стороны приблизившись узнают друг друга.

Большую зависимость, на наш взгляд, проявляют обороты с соединительным деепричастием, когда они имеют причинно-временной характер по отношению к действию, обозначенному заключительным сказуемым, например: *Inanča čerig=üd ilegejü jiči Ong qayan yurban balayad bidun joriju, qara kitadun gür qayan=dur oduysan ajuu* [AT I, с. II2-II3] 'Инанча послал войско, тогда Онг-хаган ушел к хара-китадскому гур-хану, пробравшись через три города'. Здесь обе части предложения: деепричастный оборот и главная часть имеют собственные субъекты действия, выраженные именами в именительном падеже. Деепричастный оборот *Inanča čerig=üd ilegejü* 'Инанча послал (букв. посылая) войско' выражает логически вполне законченную мысль. Эта законченность подкрепляется и наличием союза *jiči* 'тогда', которым начинается вторая часть предложения. И только грамматическая несамостоятельность соединительного деепричастия, отсутствие средств выражения предикативности, соотносительность в плане выражения грамматической категории времени указывает на формальную незаконченность предложения.

Наиболее самостоятельны деепричастные обороты в тех случаях, когда предложение с двумя и более источниками действий сочинительное, например: *Tömüčin dörbejü ayisuqun [iregsen/irgen=dür Börte Börte kemen dayudaju yabuqui=dur učiraju Börte üjin tede dörbegülčin irgen=dür büküi Tömüčin=i dayu sonusçu, taniju tergen=eče bayuyad yuyiju irejü, Börte üjin qonoγčin qoyar Tömüčin=i joluγ=a čulbuγur=ača barijuqui* [AT I, с. 59] 'Когда Тэмучин проезжал среди беженцев и звал: «Бортэ! Бортэ!», - [он] встретил [ее]. Бортэ-уджин, услышав голос Тэмучина, узнала его среди беженцев (букв. вынужденных бежать людей) и, соскочив с телеги, подбежала; Бортэ-уджин и Хоногчин вдвоем ухватились за поводья [коня] Тэмучина'. В этом сложном предложении два деепричастных оборота, главными деепричастиями которых являются

uśiraŋu 'встретив' и yuyiŋu ireŋü 'подбежав'. У каждого из этих оборотов свой собственный источник действия, свое грамматическое подлежащее – имя в именительном падеже. Предложение в целом сочинительное, а обороты самостоятельны в смысловом и функциональном отношениях. События разворачиваются так, что действия, обозначенные в деепричастных оборотах, происходят почти одновременно следуя друг за другом: Тэмучин встретил (uśiraŋu) жену, но и она уже узнала его по голосу и подбежала к нему (yuyiŋu ireŋü), ухватившись вместе со служанкой за поводья его коня. Каждый из этих деепричастных оборотов при наличии грамматически оформленного глагола-связки мог быть самостоятельным предложением.

Со связками и служебными глаголами соединительное деепричастие выполняет функцию глагольного сказуемого: деепричастие обозначает конкретное действие, а связка или служебный глагол грамматически оформляет сказуемое, придавая глагольному сочетанию видовременные или модальные оттенки.

При выражении видовременных оттенков существенны как лексическое содержание деепричастия, так и степень абстрагирования значения служебного глагола: в различных сочетаниях степень абстракции будет различной.

Служебные глаголы можно подразделить на два вида: полностью грамматикализованные и частично грамматикализованные. Первые выполняют исключительно служебную функцию. Они характеризуются отсутствием функциональной раздвоенности и употребляются только в роли глаголов-связок. Наряду с утратой лексического значения заметно ослабление их временных значений. Вторые употребляются как самостоятельно, так и в служебной функции с той или иной степенью утраты своего лексического значения.

К служебным глаголам полной грамматикализации относятся некоторые формы глаголов a= и bō=/bū= 'быть'. Эти глаголы прошли сложный путь в своем развитии и претерпели большую эволюцию в семантическом плане, прежде чем превратиться в глаголы-связки. Подробно об этих глаголах см.: [77, с.76–82 ; 58, с.54–100]. К ХУП в. они уже утратили свое лексическое значение и функциональную самостоятельность и стали употребляться как служебные элементы, указывающие на видовременные и модальные оттенки.

В сочетании со связкой amu/amui (форма настояще-будущего времени от глагола a= 'быть') соединительное деепричастие может передавать действие настоящего времени со значением про-

должительности, длительности его в плане этого настоящего, например: ... eke inu nabtaraqai nekei debel=tei jегүн egüde=ber yaruyad busu kümün=e ögüler=ün, köbegüd minu qad bolya-ju kemegdemüi. Bi ende mayu kümün=dür uçaraju amu /AT I, с.62/ 'Мать его в рваном овчинном тулупе, выходя через левую дверь, сказала постороннему человеку: «Говорят, сыновья мои ханами стали, я же здесь замужем за простолюдином». Связка amu придает действию, выраженному деепричастием uçaraju 'выйдя замуж', характер продолжительности, длительного пребывания в данном состоянии. Действие предстает как когда-то начавшееся и длящееся на данном отрезке настоящего времени «находясь в замужестве», Qayan yakin eyin kilingleju amu /AT II, с.82-83/ 'Хаган, почему [ты] так сердисься?' В этом предложении сочетание kilingleju amu передает состояние, в котором пребывает субъект в настоящий момент.

Аналогичное сочетание (=ju + amu) может указать на продолжительность совершающегося действия, например: Qayan tendeçe öbesüben üjeju geju üjged ögülerün, eyimü yal bolusa tngri=yin odu yajar=tu bayuju amu /AT II, с.138/ 'Хаган пожелал сам посмотреть оттуда, а увидев, сказал: «Если увидят столько огней, то подумают, что звезды с неба спускаются на землю». Здесь сочетание bayuju amu обозначает действие с оттенком длительности и незавершенности, как процесс, неограниченный во времени.

В контексте сочетание =ju + amu может выражать действие, отнесенное к плану прошедшего времени, например: Tngri=yin erke kücün=iyer Mongyol Töbed Kitad=i erke=dür=iyen oruyulju Sečen qayan Pagsba lam=a=yiun açi=bar sajin=i delgere-gülju amu /AT I, с.183/ 'Силой и волей Неба подчинил своей властью Монголию, Тибет и Китай ; Сэчэн-хаган благодаря Пагба-ламе распространил религию'. В этом предложении действие показано как происходившее в прошлом с оттенком его завершенности. Это, возможно, объясняется ослаблением временного значения в связке amu и преобладанием в ней видового значения продолжительности [ведь религия распространялась не как единовременный акт, а как длительный процесс].

Со связкой ау (форма настояще-будущего времени от глагола а= 'быть' с модальным значением достоверности, убежденности в совершаемом действии) соединительное деепричастие обозначает продолжительное действие с оттенком полной уверенности в его наличии или осуществлении: Cinggis qayan ögülerün, dayisun=a

yabuysan kümün alaysan=ıyan dayısırıyaysan=ıyan beye=ben ni-yuju kele=ben bucaji ayu [ögüleyü] [AT I, с.96] 'Чингис-хаган сказал: «Человек, перешедший на сторону врага, таит [ведь] в себе свое душегубство и свою враждебность, придерживает свой язык».

Со связкой ајуу (форма прошедшего времени от глагола а=) соединительное деепричастие выражает действие, имевшее место в прошлом со значением длительности и с некоторым оттенком новизны, неожиданности сообщаемого: Tümed irgen=ü noyan Dayıdaqul Saqurı ükübesü em=e inu Botoqoi Tarqun irgen=i medejü ajuu [AT II, с.23] 'Когда нойан түмэтов Дайдахул Сахури умер, народом правила, [оказывается], супруга его Ботохой-Тархун'.

Сочетание =ju + bölüge (форма прошедшего времени от глагола bö= / bũ='быть') обозначает такое действие, когда вспоминаются события, имевшие место в прошлом, причем говорящий как бы сам является свидетелем тех событий, в результате чего всему высказыванию придается экспрессивно-модальная окраска, например: Tende Tömücin=i tere qurim=dur kilbara keüked=ıyer saki-yulju bölüge [AT I, с.39] 'На том пиру поручили охранять Тэмучина одному слабосильному парню'; Barım Siger=tü Qabiçi bayatur=un eke=yin inja em=e-yi Bodançar tataju bölüge [AT I, с.17] 'Боданчар взял себе наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданым матери Барим Шигэрэту Хабичи-багатура'.

В качестве служебных глаголов, придающих деепричастному сказуемому различные видовые оттенки, употребляются многие знаменательные глаголы, с той или иной степенью ослабленности своего лексического значения. Эти знаменательные глаголы прошли длительный процесс эволюции от полнозначного слова до грамматикализованного служебного элемента. При этом, как уже отмечалось, степень утраты лексического значения и грамматикализации различна не только для разных глаголов, но и для одного и того же глагола: в одних случаях глаголы полностью утрачивают свое лексическое значение, превращаясь в служебные слова, в других становятся более или менее отвлеченными.

Служебная функция частично грамматикализованных глаголов проявляется только в деепричастных сочетаниях, в которых служебный глагол придает всему комплексу характер продолжительности, длительности или завершенности, законченности действия.

В функции служебных глаголов, обозначающих продолжительность действия, длительность процесса, употребляются глаголы

bayi= 'быть, находиться', yabu= 'идти, ехать', sayu= 'сидеть', 'жить', 'находиться' и др. /101, с.25-70 ; 9, с.132-135/.

В сочетании с деепричастной формой значение продолжительности действия, придаваемое этими глаголами, переплетается со значениями, свойственными каждому из них.

Сочетание =ju + bayi= указывает на равномерное продолжение обозначенного деепричастием действия в каком-то небольшом по протяженности отрезке времени, например: Ejen iniyeju bayiba /AT I, с.101/ 'Государь смеялся'; Ejen qoriyla ju ilduben dalayiju bayiba /AT II, с.95/ 'Государь размахивал своим мечом, запрещая /стрелять/'. В приведенных примерах действия происходили в прошлом, что и передано формой прошедшего времени служебного глагола.

Если глагол bayi= указывает на равномерное продолжение действия в небольшом по протяженности отрезке времени, то глагол yabu= придает сочетанию с деепричастием значение действия в движении или продолжительности действия в настоящем или прошлом, что определяется наличием глагольных суффиксов настоящего или прошедшего времени, например: Jingdei qayan=i ta jara ju yabunam. Tandur ülü jokiqu man=dur aca gebe /AT II, с.150/ 'Вы распоряжаетесь Джингдэй-хаганом. Вам он не к чему, отдайте нам'. Действие представлено как продолжающееся в момент речи. В предложении: Untay-san=u qoyina bey=e=ese gerel yagcu yabuba /AT II, с.150/ 'После того как засыпал, тело излучало (букв. из тела исходил) свет'. Действие происходило в прошлом, причем как длящийся процесс.

Сочетание =ju + sayu= передает значение длительного пребывания, местонахождения где-либо: Mön tere Solongu-a ulus=tur yurban jil düteju sayuba /AT II, с.47/ 'В той стране Солонго пробыл /задержался/ три года'.

Сочетание =ju + kebte= 'лежать' указывает на затянувшееся действие или положение, в котором пребывает действующее лицо: Sorilduy=a kemebesü ülü bolun aqyala ju kebtemüi /AT II, с.43/ 'Когда /я/ сказал: «Потягаемся!», - то он не стал и продолжает притворяться (букв. притворяясь лежит)'.

В функции служебных глаголов, указывающих на начальный момент действия, направленность его в определенную сторону, употребляются глаголы: ire= 'приходить, приезжать'; yag= 'выходить, уезжать', oqu= 'входить', od= 'отправляться' и др.

Сочетание =ju + ire= выражает значение направленности действия в данную сторону, а также то, что действие, начавшись, заканчивается или приближается к концу, например: ... ayan ciyurla ju /morda ju/ cui mören=e güyiceju muqudyaju /daru ju/

irebe [AT П, с.20] '... отправившись в поход, догнал их и при-
 жал к реке Чуй'; Tere negjigül bayıju irebe [AT I, с.43]
 'Производившие обыск спустились [с телеги]'; Sigi qutuy=i
 ejen-ü bayıysan yaǵar=tur kürtele kögeju irebe [AT I, с.
 99] 'Они/ гнались за Шиги Хутугом до того места, где находился
 государь'.

Такое же значение придает сочетанию с деепричастием и гла-
 гол ayis= 'приближаться, подходить', например: Tayıciyud metü
 bayınam tarqaju ayısui gebe [AT I, с.100] 'Это вроде тайчигу-
 ды, и [они]/ рассеиваются (букв. приближаются рассеиваясь)'.

Сочетание =ju + ǵar= имеет значение направленности дейст-
 вия откуда-либо, указывает на его начало или законченность, на-
 пример: Nigen inu ıyaysan mori tayılju abču ireged qan qatun
 qoyar=i umıyulju Mayın tala=bar dutaǵaju ǵarbai [AT П, с.
 165] 'Один из них отвязал привязанных коней, усадил верхом ха-
 на и хатун, и [они]/ бежали через Майнскую степь'; ... qamtu dob-
 tulju orıyad siru=a ayta=tan=i üleju ǵarbai [AT I, с.45]
 '[Они]/ напали вместе и угнали соловых мерин'; Mörin inu ǵar-
 ban köl=ıyer modun qarayıju ǵarba [AT П, с.178] 'Конь его
 тремя ногами перепрыгнул через большое дерево'.

Сочетание =ju + oru= передает значение направленности
 действия во внутрь чего-либо, а также указывает на начало дей-
 ствия с нарастающей интенсивностью, например: Tenggli=bən quy-
 ıyaydaju yabayın=ıyar oi=dur kürü oru=a kemeldütele ...
 [AT I, с.51] 'Сломалась ось телеги, давай побежим до леса пеш-
 ком', - сказала [старуха]'; Ğinggis qayan basa ögülerün namayı
 eyimün bolju kebtен bögetele ničügün yakin güyijü oruba ği
 [AT I, с.92] 'Чингис-хаган снова сказал: «Как же ты убежал [в
 стан врага] раздетым, пока я тут вот так лежал?»'.

Иногда в таком же значении употребляется сочетание деепри-
 частия с глаголом talbi= 'класть, ставить', например: Ğiledü
 ayıju Qardun quba=yuyan deledtüged Onan mören ögede Joyun
 [Jorin] dutaǵaju talbiba [orulduba] [AT I, с.22] 'Чилэду испу-
 гался и, изо всех сил погоняя своего Хурдун-хуба, бежал по на-
 правлению к реке Онон'.

Сочетание =ju + od= придает действию значение законченнос-
 ти или достижения цели действующим лицом, например: Qonoyġın
 emegen böger=e alay üker=ıyen deledüged üäter=ken nekekü
 bolun tergen=ü tenggli quıyırču odbai [AT I, с.51] 'Старуха
 Хоногчин так гнала своих пегих быков, спеша уехать, что ось те-

леги сломалась'; Nigen edür siru=a ayta naiman ger-ün dergede bayıju büküi=dür, degeremčin ireju üjetele degeremedju odbai [AT I, с.43-44] 'Однажды, когда возле прты находились восемь соловых мерингов, грабители высмотрели их и украли'; Ee suruysan mayu=yi ende talbiju od [AT II, с.23] 'Все плохое, чему не учили, оставь здесь!'.
 Сочетание =ju + orki= 'бросать, оставлять, покидать' придает действию значение полной законченности, завершенности, иногда с оттенком некоторой внезапности или резкости, например:

Qabur=un nigen edür ... tabun köbegüd=iyen quriyaju, jergele-gülju sayulyayad ni jige d mösün=i barigulju köbegün quluyuluqtun kemen ögbesü, köbegün inu quylju orkiba [AT I, с.11] 'Однажды весной собрала ... она своих пять сыновей, посадила их рядом, дала каждому по одному прутику и велела сломать, сыновья сломали'; Ala ju orki ügei bögesü üldēju orkiyasai gebe [AT II, с.133] 'Убей его, а если не можешь, прогони', - сказала [она]'; Belgütei ... tere em=e-yin köl=i quyu tasi ju orkiba [AT I, с.77] 'Бэлгүтэй ... перебил ногу той женщине'; Kitad=un Qong-qu qayan=u köbegün Jayur=a qayan=i barıju küjügün=dür inu mönggün tama=a darıju üldēju orkiba [AT II, с.126] 'Он захватил Джагура-хагана сына китайского Хунхуа-хагана, повесил ему на шею серебряную печать и изгнал [в ссылку]'.

Сочетание =ju + ab= 'брать, взять' имеет значение совершения действия в пользу или в интересах действующего лица: Ede yurban merked erten=ü Ogelen=ü eke=yi Yeke Čiledü=eče bulıya ju abulu=a kemen edüge tere ösil ösin iregsen ajuju [AT I, с.52] 'Эти трое меркитов пришли отомстить за то, что раньше у Еке-Чилэду отобрали Огэлэн-экэ'; Köbegün degüü ner činu čimai=yi bulıya ju abur=a irebei [AT I, с.109] 'Твои сыновья и братья пришли, чтобы отбить тебя [у нас]'; Aq=a inu Buqu Qatagi degüü Bodančar=i üjged tani ju abuyad... [AT I, с.15] 'Старший брат его Буху Хатаги увидел своего младшего брата Бодончара и узнал его ...'.

Сочетание =ju + ög= 'давать' передает значение направленности действия в чью-либо сторону или совершение действия в интересах какого-либо лица, например: Tere kümün qayan=ıyan ya jar=tu bolyasan=i jıya ju ögbe [AT II, с.148] 'Тот человек указал [врагам] местонахождение своего хагана'; Tere kümün ireju činggis qayan=a ene üge=yi inu ögüleju ögbe [AT I, с.94] 'Тот человек пришел и передал Чингис-хагану эти ее слова'; Ejen aitan sayaday=ačayan singyutu jebegen suylju ögbe [AT I, с.101]

‘Государь вытадил [для него] из своего золотого колчана раскрашенную киноварью стрелу’; *qayaly=a=cin qayaly=a ese negeju ögbe* [АТ П, с.121] ‘Привратники не открыли ворот’.

Однако в этом сочетании значение направленности действия или заинтересованности в нем не всегда очевидно. Данное сочетание может обозначать и полную завершенность действия, например: *Qoyina mongyoljin=i qosoi Tabunung Temürgen qoyar oquju ögbe* [АТ П, с.175] ‘Потом вошли монголджины Хошой-Табунунг и Тэмургэн’; *Qangsiyar imu tasu qarbuju ögbei* [АТ П, с.94] ‘Прострелил птице голову (букв. клюв)’.

При употреблении вместе с модальными глаголами *cida=* ‘мочь’, ‘уметь’, ‘быть в состоянии’, *yadu=* ‘не мочь’, ‘не быть в состоянии’, *bol=* ‘разрешается’, ‘можно’ или ‘нельзя’ (с отрицательной частицей) соединительное деепричастие выражает модальное значение возможности или, наоборот, невозможности, затруднительности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, например: *Tedüi Belgetei abuyad köbcileju ese cidabai* [АТ I, с.79] ‘Тогда Бэлгэтэй взял [лук], но не смог натянуть тетиву’; *Tayiciyud bolbau taniju yadaba, merged buyu medejü yadaba, mongyol buyu bolyaju yadaba* [АТ I, с.100] ‘Были ли это тайчигуды, не мог распознать, меркиты ли – не мог понять, монголы ли – не мог рассмотреть’; *Bodung ögülerün, örlüg qoor=a=tu sicayan sira eriyen moyai bolqu, tegün=dür bariju ülü bolqu, üdedü kürin eriyen bars bolqu, tegün=dür bariju ülü bolqu, üdesi you=a sira köbegün bolju, qatun=luy=a nayadju sayuqu bui, tegün=dür bariju bolqu geju kelebe* [АТ П, с.96] ‘Болдун сказал: «Утром превращается в ядовитую пестро-желтую [ползущую] змею, тогда [его] захватить нельзя; в полдень превращается в пестро-рыжего барса, тогда [тоже] захватить нельзя; вечером превращается в прекрасного светловолосого юношу и развлекается со своей хатун, [вот] тогда можно захватить?»’.

С глаголом *mede=* ‘знать, ведать’ соединительное деепричастие имеет значение возможности, предположительности действия, например: *Maçu cu bolba köbcileju medegsei* [АТ I, с.79] ‘Хотя [лук] и старый (букв. плохой), попробуй[его] натянуть (букв. хорошо бы натянуть)!’.

Слитное деепричастие

Слитное деепричастие образуется путем присоединения к глагольной основе суффикса *=n*.

По происхождению эта деепричастная форма связана с отглаго-

гольными именами на =п. По мнению Г.И.Рамстедта, она относится к древнейшим образованиям и представляет собой отглагольное прилагательное с более или менее сильно выраженным перфектным значением [69, с.91]. Г.Д.Санжеев подвергает сомнению этимологическую связь слитного деепричастия с отглагольными прилагательными и высказывает предположение, что оно «генетически связано с омертвелым ныне причастием настоящего времени на=i*←=j←* =п» [77, с.144-145].

Как отмечает Г.Д.Санжеев, в древнейшем памятнике монгольского языка «Сокровенном сказании» и других сочинениях слитное деепричастие применяется с препозиционной частицей отрицания üü 'не', характерной именно для чистых глагольных форм [77, с.144].

Добавим, что эта частица отрицания хотя и употребляется с причастными и изъявительными формами глагола, но в «Алтан тобчи» чаще всего встречается вместе со слитным деепричастием, например: üü sanan [AT II, с.29] 'не думая'; üü bayun [AT I, с.89] 'не останавливаясь'; üü kelen [AT I, с.48] 'не говоря'; üü odun [AT I, с.44] 'не заходя'.

Что же касается постпозитивной отрицательной частицы ügei 'не', используемой при именах и причастных формах, то сомнительно, чтобы она употреблялась со слитным деепричастием, ибо в таком случае непонятно, почему при наличии отрицательной частицы ügei именно в этой глагольной форме происходит переход конечного =п>=1, например: yabul ügei вм. yabun ügei 'не идя'. С нашей точки зрения, форма на=1, употребляемая с отрицательной частицей ügei, иная по происхождению именная форма, не имеющая отношения к слитному деепричастию (об этом см. в разделе "Частицы отрицания").

Значения и функции слитного деепричастия во многом оказываются общими с соединительным деепричастием. Однако есть и некоторые различия. Например, слитное деепричастие часто употребляется для уточнения, конкретизации значения следующей за ним глагольной формы. «Слитное деепричастие, — отмечал А.Бобровников, — показывает, что два действия находятся в такой тесной связи, что составляют как бы одно действие» [16, с.306].

В таких случаях основы деепричастий имеют близкие, уточняющие друг друга значения, например: Jarčiradai Jamuq=a=yi qayan ergüi=e kemen, ajiy=a gegü šabčın alažu [adayar/ aman abcu tendēše Ergün=e mörin uruуu nagüfü ... Jamuq=a=da gür=se [qayan ner=e] ergübei [AT I, с.88] 'Договорившись возвести Джар-

чирадая Джамуху в хаганы, [они] дали клятву, рассекая (букв. рубя убивая) с разбега жеребца и кобылицу; оттуда откочевали вниз по течению реки Эргунь ... и совершили обряд возведения Джамухи в гур-ханы'; ... tedüi ejen tolbotu boru morin=iyar=iyar arulan dobtulun güyicejü, aldañan telijü ... qarbuju alaba [AT I, с.97] 'Тогда государь поскакал (букв. скача догоняя) на своем сивом с пятнами коне северным склоном горы, растянул лук на сажень (букв. раскинув руки, растянул) ... [и] выстрелив, убил [горного козла]'; ... ejen boyda inu ayilatqan öcibei [AT II, с.1] '... Государь соблаговолил изречь (букв. докладывая отвечал)'

Слитным деепричастием может быть обозначено и действие «независимое», однородное с последующим действием, в то же время связанное с ним общим смыслом, например: Tere qayan=u üy=e-dür törü tübsidjü jiruyar yеke ulus=iyar engkejin jiruyayulbai [AT II, с.179] 'В период правления того хагана было великое спокойствие: шесть великих его народов жили в мире и счастье (букв. наступив спокойствие, заставил радоваться)'; Aliba küsel=iyen qanulcan cenggece [AT II, с.8] 'Блаженствуйте, удовлетворяя все свои желания!'; Er=e ügei yу=a Maral nere=tü okin=i abcu jad=un yajar=a nutuyar mongyol obuytan bolba [AT I, с.6] 'Взяв [в жены] незамужнюю девушку Гоа Марал, обитая в джадынских землях, образовал род монголов'. В последнем предложении действие, предшествующее действию, обозначенному слитным деепричастием, выражено соединительным деепричастием (abcu). Действие же, обозначенное слитным деепричастием (nutuyar 'обитая') совершается как бы параллельно действию, выраженному заключительным сказуемым - «обитая образовал род монголов».

Подобно соединительному деепричастию слитное деепричастие может передавать действия, указывающие на различные обстоятельства, при которых совершается действие, выраженное заключительным сказуемым, например: ... esen mendü ger=tegen qariju ireküi=dür ejen degere tngri ečige=degen mörgüy=e geju öndür dobuçay degere yarçu toqum=iyar delgeju, büse=ben küjügün=degen elgüjü¹⁰ ejen jalbarin öcibe [AT I, с.103] 'Возвратившись домой в полном благополучии, государь решил поклониться верховному Небу, Отцу своему; взойдя на высокий холм, [он] разостлал свой потник, повесил на шею свой пояс и произнес молитву (букв. молясь почтительно говорил)'. Деепричастие jal-

¹⁰ В изданном тексте пропущен глагол elgükü 'вешать'.

барин 'молясь' обозначает действие, дающее представление, как происходил обряд поклонения Небу. В данном случае значение слитного деепричастия тесно связано со значением заключительной глагольной формы *ǰǰibe* 'почтительно говорить'.

В предложениях, приведенных ниже, слитные деепричастия обозначают такие действия, которые показывают, при каких обстоятельствах совершаются действия, выраженные заключительными сказуемыми: *Obeg-iyen quba=yuyan unıju ger-tür=iyen ülü odun, eǰige eke=dür=iyen ülü ögülen manay=a sayulay=a-ban keger-e talbiǰu, nǰür ği mengdeǰu ayısui /ireǰsen/ aǰuyu* [AT I, с.44] 'Сам же сел на своего каурого и, не захав домой и не сказав отцу и матери, бросил в степи свой подойник и бурдрк и сказал [Тэмучину]: «Друг, ты ведь в затруднительном положении и (букв. в смятении)»; ... *dürber=ün gigün=iyen ülü sayan talbiysan aǰuyu* [AT I, с.91] '... беженцы оставили своих кобылиц недоенными (букв. не подоив оставили)'; *Yisüǰei bayatur-un üge=yi busu ülü bolıan Menglig odǰu Deyi Seǰen=e öǰüler=ün* [AT I, с.31-32] 'Точно исполняя наказ Есугэй-багатура (букв. слово не делая другим), Мэнглик отправился к Дэй Сэчэну и сказал [ему]...'; ... *manayar qatǰulduy=a kemeǰu eǰıǰu youl=dur neyilen qonıbai* [AT I, с.89-90] '... решив сразиться завтра, возвратились и заночевали, присоединившись к главному войску'.

Форма слитного деепричастия может указывать на быструю смену действий, на то, что последующее действие происходит сразу за предыдущим, например: *ǰuu Mergen ergin ineǰeǰu eǰen mınu jebe qadayadı bile jeben=eǰegen aǰa gebe* [AT I, с.101] 'Чуу Мэогэн обернувшись засмеялся [и сказал]: «Государь мой, я еще не приладил наконецники стрел, дай мне из своих»'; *Eǰüǰe erketü Qormusta qas ayayan=dur rasiyan ariki düǰürgen soyog-qabai* [AT II, с.2] 'Ныне владыка Хормуста, наполнив яшмовую чашу вином рашияны, преподнес [мне]'.

Подобно соединительному слитное деепричастие может обозначать и цель совершения действия, выраженного заключительным глаголом, например: *Torgyan Sira=yin ger=i erin Onan mǰren öǰede ǰorǰıbai* [AT I, с.41] 'Разыскивая ıрту Торган Ши́ра, [Тэмучин] отправился вверх по реке Онон'; ... *eǰüǰe qayan=dur=ıyan neyilen eǰüǰe irebe bi* [AT I, с.95] '... теперь я пришел присоединиться сейчас (букв. присоединяясь) к своему хагану'.

В обстоятельственном значении используется иногда и парное сочетание слитного деепричастия. В таких случаях усиливается, подчеркивается смысл передаваемого действия, а также отмечается

его продолжительность или ритмичность, например: *Torgyan Sira ḡgüler=ün, eke degüü nar=ıyan erin erin od ese kemeḡsen üü [ese kelegsen buyu] [AT I, с.42]* 'Торган Шира сказал: «Разве я не говорил тебе: отправляйся и ищи (букв. ищи ищи) мать и младших братьев своих?»'; *Töḡücin=ü qoyına=ača yeke tergegür=ıyen möḡüren möḡüren ayısır=un [ireḡüi] [AT I, с.68]* 'Позади Тамучина по широкой проезжей дороге, идет [бык] и ревет-ревет (букв. идет ревя-ревя)'

Со связками и служебными глаголами слитное деепричастие, так же как и соединительное, выполняет функцию заключительного сказуемого с теми или иными видо-временными и модальными оттенками.

Если в современном монгольском языке, по наблюдениям Т. Пагвы, слитное деепричастие почти не сочетается со служебными глаголами [58, с.45], то в «Алтан тобчи» такие сочетания встречаются довольно часто. В этом отношении слитное деепричастие не отличается от соединительного.

Так, в сочетании с глаголами-связками *ayu*, *amu* слитное деепричастие обозначает действие настоящего времени со значением продолжительности, протяженности во времени: *Bi yadan-ḡqi kümün bui, numu qudalduḡu yabun amu kemebeı [AT I, с.79]* 'Я бедный человек, иду и продаю свой лук'; ... *ḡalqamsiy=tan tay-ıciyud ayısın ayu [ıren amu] [AT I, с.49]* '... приближаются ужасные тайчигуды'; *Eyin yadaḡu yabun amu [AT I, с.10]* 'Вот так иду и мучаясь (букв. будучи не в состоянии иду)'. В переложении текста «Алтан тобчи» на современный язык сочетания *=n + amu* заменены изъявительными глагольными формами; см. [3, с.12, 49].

В «Алтан тобчи» часто встречаются сочетания *=n + aḡu / aḡuyu*. Сказуемое, выраженное таким сочетанием, обозначает действие, совершающееся в прошлом и имеющее экспрессивно-модальный оттенок некоторой неожиданности, непредвиденности случившегося или же категорического утверждения: ... *ḡayura tatar irḡen qurımlan aḡuyu [AT I, с.31]* '... по пути, [оказывается], пировали татары'; *Deḡüü ner köbegüd inu bayuḡu terḡen=ü qayaly=a neḡebesü dotura inu qatun kümün sayun aḡuyu [AT I, с.51]* 'Младшие сыновья сошли [с коней], а когда приоткрыли дверцы [крытой] телеги, то там, [оказалось], сидела госпожа'; *Oı dotur=a nıḡen kümün cau [cöki] buyu alaḡu ebdeḡed, abid [boyoni] qabiry=a inu siraju sayun aḡuyu [AT I, с.10]* 'В лесу сидел (неожиданно встретился) человек, под-

жаривая короткие ребра убитого и освежеванного им изюбря-трех-
летки'; Ene Jēgūdū=ben kūmūn=e ūlū ōgūlen ajuju /AT I, c.
29/ 'Этот сон свой я [ведь] никому [людям] не рассказывал';
kūrkierekū kūcūtū arslan ōstelbesū kūcūgūn=e-yin nūke sa-
kin ajuju. Kōlūg=ūd sayid ōstelbesū kūmūn=ū ūge dayan
ajuju /AT II, c.59/ 'Когда стареет могучий рычащий лев, он
стережет мышиную нору. Когда стареют кулуки-сайды, они повинут-
ся словам человека'.

Сочетание слитного деепричастия со связкой bōlūge пере-
дает действие, происходившее в прошлом, причем говорящий, как
правило, является участником минувших событий, в результате
все высказывание обретает характер несомненности происходивше-
го действия: Nasuda qayan eēige minu ōgūlen bōlūge
/AT II, c.3/ 'Хаган-отец мой, [ты] всегда говорил [мне]'; Bi
nagan sagan qoyar=i qaraju ūjēgden bōlūge /AT I, c.29/
'Я видел (букв. смотрел и видел) солнце и луну'; Tere qurim=
i biden=eēe Belgūtei jāsayad, jūrken=eēe Būri Bōke tere
qurim=i jasan bōlūge /AT I, c.77/ 'От нас на том пиру
распорядителем был Бэлгутей, а от джуркинцев распоряжался Бури-
Бокэ'; Ćimbai Ćilayun qoyar kōbegūn inu brū jirūke=ben
ebedēū, sōni ginji bayu=yi minu suladyaju qonuyulun
bōlūge /AT I, c.41/ 'Сыновья его Чимбай и Чулугун в сердце
своём посочувствовали мне, ночью ослабили мои цепи и шейную
колодку и позволили [так] переночевать'.

Со связкой buyu слитное деепричастие обозначает дейст-
вие, совершающееся в момент речи, а также действие, которое
вот-вот должно осуществиться с оттенком несомненности или ка-
тегоричности: ... mori alayvan=iyān dayisurgayvan=iyān ūlū
buyan mōn jīyān buyu /AT I, c.96/ 'Убив коня, ты ведь не
скрываешь своей враждебности, а прямо говоришь (букв. указыва-
ешь) об этом'; ... yeke kituy=a=ber=iyān qoyolai=a anu oxtu-
lur=a kūrkiū=dūr Taryudai Kiriltuy yeke dayu=bar degū ner kōbegūd=
tūr=iyen qayilaju keleler=ūn, Sirgetū namayī alan buyu /AT I,
c.109/ '... когда поднес свой нож к горлу, чтобы перерезать, Тар-
гудай Кирилтуг громко закричал своим сыновьям и младшим братьям:
«Ширгету ведь убивает (т.е. собирается вот-вот убить) меня»; ...
tere em=e kūmūn ōgūlerūn, Torγan Sira=yin ōkin bi qadayana
neretū, er=e=yi minu ede čerig=ūd bariju alan buyu. Tō-
mūcin er=e=yi minu aburatuyai kemen /AT I, c.94/ '... та
женщина сказала: «Я дочь Торган Шира, Хадагана. Моего мужа схва-
тили солдаты и собираются убить [его]. Пусть Тэмучин спасет его!»

Со связкой *bui* это деепричастие передает действие, совершающееся в момент речи: ... *yayun kümün=ū em=e teyin qayilan bui kemen azaɣur=a ilegebesū* [AT I, с.94] 'Послал узнать ... что это за женщина так плачет'; ... *ker ay=a kemejū eyin kildūn* [kimū] *bui ta* [AT I, с.37-38] 'Как будем жить, если вы так делаете?'

В сочетании с *bayi=* слитное деепричастие обозначает равномерно повторяющееся или продолжающееся действие, например: ... *dabayan deger=e ulayan degel=tū em=e kümün Töshücin kemen uke dayuɣar qayilan uyulan bayiqui=yi Činggis qayan sonuscu* ... [AT I, с.94] 'Чингис-хаган услышал, как на холме (букв. на перевале) громко причитает женщина в красном тулупе, зовя Тэмучина ...'; ... *barayun luu=yi jėgün luu deylün bayiqui üfen jėgüdülebe* [AT II, с.125] '... во сне приснилось, что дракона справа побеждает дракон слева'. В этих двух предложениях слитные деепричастия с *bayi=* не являются заключительными сказуемыми, а образуют причастные обороты со своими собственными подлежащими в именительном падеже (*em=e kümün* 'женщина', *luu* 'дракон'). И хотя вспомогательный глагол *bayu=* стоит в форме будущего причастия, время действия определяется ситуацией и контекстом или временем действия заключительного сказуемого. В приведенных примерах оно предстает как деепричастие в определенном отрезке времени, обозначенном заключительной глагольной формой.

При парном употреблении слитного деепричастия значение ритмичности, повтора действия дополняется значением равномерного его протекания, которое придается служебным глаголом *bayi=* 'быть, находиться': *eber=i minu ača kemen Jamuq=a=yin jüg mörgülen mörgülen siroi sačun sačun bayımuı* [AT I, с.68] 'Рог мой отдай - говорит [корова] и бодает-бодает [рогами] в сторону Джамухи и роет-роет землю'.

Сочетание *=n + yabu=* 'идти' обозначает действие в процессе движения или указывает на продолжительное существование его в каком-то отрезке времени: *Qaritan dayisun=luy=a qarbulalduquı=dur qarčayai sibayun metü dobtulun yabu ta* [AT II, с.39] 'Когда сразитесь стрелами с иноземным врагом, нападайте как ястребы'; *Qanisan eyedüldün yabuquı=dur qasang biruɣu metü qanılan yabu* [AT II, с.39] 'В мире и дружбе будьте дружны (букв. дружа следуйте), как ленивые телята'; *Qamuɣu mongɣol=i Qabul qayan me-den yabuba* [AT I, с.20] 'Всеми монголами управлял [ведал] Хабул-хаган'; *Marked=ün Toytoy=a beki=yin köbegün Qudu Selengge jo-*

rin yabuba [AT I, с.90] 'Сын меркитского Тогтога-бэки Худу устремился к реке Сэлэнге'.

Сочетание =n+od= 'отправляться' указывает на направление действия в какую-либо сторону: Kerülen mören uгуу erin od-bai [AT I, с.47] 'Отправились (букв. разыскивая отправились) вниз по реке Кэрүлэн'.

Сочетание =n+ire= 'приходить' обозначает действие, направленное в данную сторону, а также его завершенность или приближение к концу: ... Cinggis qayan=a Kūrelküde бүкүй=dūr ene kelen [üge=yi] kürgen irebe [AT I, с.88] 'Чингис-хагану доставили это известие, когда он находился в Хурэлкуде'; Qarluγud-un Arslan qayan Qubilai=dur ilsen irejүküi [AT II, с.19] 'Харлугудский Арслан-хаган присоединился к Хубилаю'.

Сочетание =n + alda= 'терять, лишаться, утрачивать' передает действие, которое чуть было не свершилось: Torγan Sira ögülerün, naмай үнөсү=ber keyisgen aldaba [AT I, с.43] 'Торган Ши́ра сказал: «Ты чуть было не развеял меня в пепел»'.

В сочетании с глаголом čida= 'мочь, суметь', yada= 'не мочь, не уметь' слитное деепричастие обозначает возможность или невозможность осуществления действия: ... Saraman=i teskin ese čidabasu, olan ulus=i ker ĵasan čidaqu kemebesü ... [AT II, с.63] 'Если не сможем казнить Сарамана, то как сможем управлять множеством людей?'; Qoyina=ača inu doluyan yurbi dabatala nekejü, güyichen yadaĵu qariĵu ireged ... [AT I, с.22-23] 'За ним гнались, пока не перевалили семь перевалов, но не могли догнать и вернулись назад ...'; Eke kilinglečü ayur=ıyan darun yadaĵu ĵabilan sayuĵu ... [AT II, с.37] 'Мать села, скрестив ноги, не в состоянии подавить свой гнев и возмущение ...'; Qoyina=ača inu daĵaĵu erüsün [ılayun] yadaĵuqui [AT I, с.52] 'Шли следом [за Тэмучином], но захватить [его] не смогли'.

Разделительное деепричастие

Суффиксом разделительного деепричастия является =γad/=ged. Г.И.Рамстедт связывает происхождение этой формы с тюркским причастием прошедшего времени на =γač [69, с.140]. Однако Г.Д.Санжеев подвергает сомнению эту гипотезу и высказывает предположение о возможности возникновения монгольского суффикса из =*γa, суффикса причастия настоящего времени, и =*a, значение которого пока неясно, но весьма возможно, что этот *=a обнаруживается в минхэ-монгорском =данаң~=даĵанан~=даĵалі и дунсянском =дэ~=дэнэ,

т.е. в суффиксах этого же разделительного деепричастия /77, с. 143-144/.

Сфера употребления разделительного деепричастия в «Алтан тобчи» уже по сравнению с соединительным и несколько уступает слитному. На ста страницах текста (с.45-145) разделительное деепричастие встретилось 86 раз, тогда как соединительное 1004, а слитное - 124 раза.

Чаще всего это деепричастие указывает на законченность одного и начало другого действия. При этом промежуток, отделяющий эти два действия, может различаться своей протяженностью от более или менее продолжительного до совсем короткого, например: *Činggis qaγan kürüged tayičiyud=luγ=a qatquldubai* /AT I, с.91/ 'Чингис-хаган, прибыв [на место], сразился с тайчигудами'; *Ede irgen=i ničuyad [ničuyuluγad] Činggis qaγan yeke čerig mōn tende kū qomubai* /AT I, с.94-95/ 'Когда вернули (букв. возвратив) этих людей, Чингис-хаган со [всем] великим войском расположился на ночлег в этом же месте'; *Begersen tayisi aba deger=eče medeged kümün=i ilegejü Gүнji=eče aγayurun, čidur=tu sirγal mori ali gejü aγyaba* /AT II, с.155/ 'Бегэрсэн-тайши на охоте узнал [об этом] и отправил человека спросить у принцессы: «Где буланый конь в путях?»; *Tere üge=dür inu Tömüčin uyilaγad yaγcu jorčiba [oɔba]* /AT I, с.34/ 'При этих его словах Тэмучин заплакал (букв. заплакав) и вышел'; *Egüden orkiγad jorčiba* /AT I, с.36/ 'Откинув дверь [крыты], [они] ушли'.

Наряду с этим разделительное деепричастие обозначает и такое действие, которое происходит одновременно с действием, выраженным заключительным глаголом, например, в предложении: *Tere qurim=i biden=eče Belgütei jaγayad Jürgen=eče Büri Böke tere qurim=i jaγan bölüge* /AT I, с.77/ 'На этом пиру от нас распоряжался (букв. распоряжаясь) Бэлгутэй, а от джургэнов распоряжался Бури Бокэ' - нет преемственности действий. Действие, обозначенное разделительным деепричастием, не предшествует действию, выраженному заключительным сказуемым, а происходит в одно и то же время, т.е. оба они относятся к одному и тому же моменту в прошлом.

В контексте разделительное деепричастие может передавать продолжительные, т.е. неоднократно повторяющиеся действия в плане того прошедшего времени, которое выражено в заключительной глагольной форме: *Börte činu=a=yin qondur qurγuγaluγsan görögesün=i mariyaγu qarbuγu alayad, öber=iyen ber ideged, qarčayai=yuyan ber tejiyeged tere on yaγba* /AT I, с.13/

‘Подкрадываясь, он убивал антилоп, загнанных волками в овраг; сам ел (букв. поедая) и ястреба своего кормил (букв. питая), [так] прошел год’; Tere sōni dūliged yurban edür sōni dūlijū ger=ün oyır=a bolbasu Tōmūdin ögülerün [AT I, с.46] ‘Ехали всю ту ночь, [потом] ехали еще три дня и три ночи и, когда были уже вблизи дома, Тэмучин сказал...’.

Выражая предшествование одного действия другому, разделительное деепричастие может обозначать и противопоставление переданного им действия действию заключительному, например: Tedūi Belgūtei abuyad köbçilejū ese čidabai [AT I, с.79] ‘Тогда [лук] взял Бэлгутэй, [но] натянуть не смог’; Dörben degū inu abçu uyubasu ber aman=dur oquyad qoyolai=dur inu ese ečibei [AT II, с.1] ‘Когда четверо его младших братьев стали пить [вино], [то хотя и] вошло в рот, [но] в горло не пошло’.

Встретился единственный случай употребления разделительного деепричастия со служебным словом sača ‘вместе, одновременно’ : ... Toγoril qayan Jamuq=a=yin ede üges=i kürgegülüged sača, qoyar tümed [tümen čerig=üd] morilabai [AT I, с.57] ‘Тогорил-хаган, как только эти слова Джамухи были сообщены [ему], отправил два тумена [воинов]’.

Как известно, служебное слово sača / sačayu используется в качестве послелого с именами в совместном или соединительном падежах и с будущим причастием в родительном падеже [74, с.212]. Т.А.Бертагаев отмечает употребление данного послелога с формой слитного деепричастия на =н в бурятском языке, связывая этот факт с проявлением признаков причастия в деепричастных формах [12, с.164,168].

Подобно соединительному, разделительное деепричастие образует деепричастные обороты со своим собственным субъектом действия. Такие обороты обозначают события, предшествующие событиям, выраженным в главной части предложения, например: ... Yisūgei bayatur ögülerün, ene köbegün törüged ene qarabatur sibayun nigen belge=tū bui gejū ... [AT I, с.26] ‘... Есугэй-багатур сказал: «Когда этот мальчик родился (букв. этот мальчик родившись), эта черноватая птица была вещей»’ (т.е. предзнаменованием) ; ... bey=e=yin genel anu ügei boluyad qab qaran-gqui boluysan=dur... [AT I, с.1] ‘... свет от их тел исчез и, когда наступила полная темнота ...’; Emegen böger=e alay üker=iyen deledüged üdterken nekekü bolun tergen=ü tenggü quyur-ču odbai [AT I, с.51] ‘Старуха хлестала своего пестрого быка, [она] спешила уехать, [но] ось у повозки сломалась’.

в приведенных примерах субъект действия в деепричастных оборотах (будь то одушевленный или неодушевленный предмет) обозначен именем в именительном падеже. Но это имя может стоять и в винительном падеже, например: *Edüge man=i tarqayuluyad eke degüü ner=iyen erin od kemen ögülejü qaribai* [AT I, с.41] «Сейчас наши разойдутся, а [ты] иди и ищи свою мать и младших братьев», — сказал [он] и вернулся'; *Qurim=un aran=i tarqayuluyad tere kilbar=a keüked kümün=i ginji bayu=bar= iyan ekin=i inu deledüged güyijü Onan=u toyil [oi]=dur orubai* [AT I, с.40] 'Когда все праздновавшие (букв. люди пира) разошлись, [Тэмучин] стукнул по голове этого слабосильного парня своей шейной колодкой и бежал в Ононскую дубраву'; *Ong qayan=i iregülüged Cinggis qayan Ong qayan qoyar qamtudju Jashuq=a=yin esergü inu morilay=a kemeldüjü Kerülen mören uruyu morilar=un* [AT I, с.80] 'Когда Онг-хаган прибыл, Чингис-хаган и Онг-хаган, объединившись, решили выступить против Джамухи и направились вниз по реке Кэрулэн'; *Jashuq=a=yi tendeçe qariyuluyad uruyud=un Jurčidai uruyud=iyen uduriduyad mangyud=un Quyildur mangyud=iyen uduriduyad, Jashuq=a=aça qayaçaju Cinggis qayan=dur irebei* [AT I, с.76] 'Джамуха ушел оттуда, тогда уругуды под руководством уругудского Джурчидая и мангуды под руководством мангудского Хуйлдара отделились от Джамухи и перешли к Чингис-хагану'.

Оформление имен субъектов в деепричастных оборотах винительным падежом объясняется во всех приведенных выше примерах тем, что разделительные деепричастия, обозначающие действия, осуществляемые этими субъектами, образованы от основ побудительной формы глагола. Следует отметить, что само употребление этой формы в данных примерах кажется несколько необычным.

Известно, что побудительная форма глаголов в монгольских языках имеет два значения: "заставить [попросить] кого-нибудь или позволить кому-нибудь что-либо сделать" [Т6, с.123], т.е. действие, выраженное побудительной формой глагола, совершается его реальным производителем не по его собственной инициативе, а благодаря побуждению со стороны других лиц. В наших же примерах отсутствует такое побуждение к действию со стороны какого-либо лица. Получается, что само действующее лицо побуждает себя к действию или позволяет себе совершить действие: гости позволяют себе разойтись (*tarqayuluyad*), Онг-хаган позволяет себе прибыть (*iregülüged*), Джамуха позволяет себе возвратиться (*qariyuluyad*). Вероятно, употребление побудительной формы глагола

объясняется в этих случаях высоким социальным положением действующих лиц, о которых нельзя было сказать просто «прибыл», но «соизволил прибыть».

Немногочисленны примеры на сочетание этой формы со вспомогательными глаголами: *Si amin=iyan qariyaγad [qurin] jor-či [yabu] [AT I, с.23]* 'Ты береги себя (букв. свою жизнь сохранив иди)'; ... *jiči kümün=e ögülejü ilegeded yadaγu öbesüben beyeber odču ögülerün [AT I, с.125]* ' [Он] не мог послать другого человека сказать [это] и отправился лично сам'.

В заключение отметим, что между тремя деепричастиями первой группы «нельзя провести такой резкой грани, чтобы одно нельзя было употребить там, где употреблено другое» [16, с.306]. «Очень часто соединительное и разделительное деепричастия в речи употребляются одно вместо другого» [77, с.232]. Этот факт констатируют в своих работах и монгольские языковеды [56, с.167].

Текст «Алтан тобчи» не является в этом отношении исключением. Здесь также нередко соединительным деепричастием обозначается действие, совершаемое раньше другого, выраженного разделительным деепричастием: ... *kitad=un Dayiming qayan emiye-ju alba tataly=a öggüged Altan qayan=dur süi vang čola örgübe [AT II, с.180]* '... китайский Даймин-хаган, испугавшись, отдал налог и подати и пожаловал Алтан-хагану титул суй-вана'; *Tegün=ü qoyina ... γajar=un tosu kemekü idegen γarču tere idegen=i ideged basa kü urida yosuyar ügei bolbai [AT I, с.2]* 'После того появилась пища под названием «земляное масло», эту пищу съели, и так же как и прежняя, она исчезла'; *Börte Cinu=a umara жүг Tenggis dalai getüljü jad=un γajar=a ireged, er=e ügei You=a Maral neretü ökin=i abču... mongγol obyutan bolba [AT I, с.6]* 'Бортэ Чинуа переправился через Тэнгис-далай с северной стороны и, прибыв на землю Джад, взял в жены незамужнюю Гоа Марал ... так образовался род монголов'.

Нередко в одном предложении можно встретить все три формы деепричастия I, например: *Tömwün tere ... γajar=tur=iyan kürčü ebesün=ü alurqai=bar möskiγü, Onan mören ögede möskiged örüne=eče Qimury=a γoruγan oruγu iren aγuγu [AT I, с.43]* 'Тэмучин добрался до тех мест ... пошел следом по примятой траве вверх по течению реки Онон и пришел к речке Химурга [впадающей в Онон] с запада'.

Относительная свобода взаимозаменяемости этих деепричастных форм объясняется стилистическими и эфоническими обстоя-

тельствами либо небрежностью говорящего [77, с.232 ; 56, с. 167].

Однако это не значит, что такое свободное чередование этих трех форм в предложении возможно в любом случае. Там, где одно действие противопоставляется другому или ранее совершившееся действие является причиной последующего действия, замена разделительного деепричастия соединительным, а тем более слитным невозможна.

Эту особенность употребления разделительного деепричастия отмечали в своих работах А.Бобровников [16, с.307], Г.Д.Санжеев [77, с.233-234] и др.

Деепричастия II

Деепричастия II (условное, уступительное, продолжительное, целевое и др.) характеризуются своей семантико-синтаксической однозначностью. В большинстве своем они образуют в предложении обстоятельственные обороты различного значения: времени, цели, условия, образа и т.д.

Время действия, выраженного деепричастием II, может быть определено как предшествующее действию главного предложения, но во многом оно зависит и определяется временем действия переданного заключительной глагольной формой.

Условное деепричастие

Условное деепричастие представлено в «Алтан тобчи» четырьмя формами: =basu/=besü, =sü, =sa/se, =qula / =küle. Из них самой распространенной является =basu/=besü, значительно реже употребляется =qula/=küle, а что касается =sü, то она зарегистрирована в единственном образовании от основы глагола bö= 'быть, существовать' - bögesü, а =sa/=se всего от двух-трех глагольных основ.

Суждения о происхождении этих форм можно найти в трудах Г.И. Рамстедта [69, с.122-123], В.Л.Котвича [40, с.116] и др. Но наиболее подробно они рассматриваются Г.Д.Санжеевым [77, с.145-152]. Не останавливаясь на детальном изложении точек зрения этих авторов, отметим только, что, по предположению Г.И.Рамстедта, условная форма на =basu возникла из изъявительной формы прошедшего времени на =ba + =su (*a= + *=su) [69, с.123], где *=a, как полагает Г.Д.Санжеев, рассматривается, по-видимому, как основа омертвело-вспомогательного глагола a= 'быть' [77, с.146], a=su - некий элемент, носитель условности.

В.Л.Котвич в окончании =basu также видел сочетания окончания изъявительной формы прошедшего времени на =ba + =su, но =su, по его мнению, представляет собой видоизмененную частицу исходного падежа (есе) /40, с.116/.

Что касается возведения =su к окончанию исходного падежа, то, на наш взгляд, это маловероятно, так как, во-первых, ни одна изъявительная глагольная форма в монгольских языках не может присоединять к себе падежного окончания и, во-вторых, в показателе исходного падежа отсутствует какое-либо условное или условно-временное значение, характерное для этой формы.

По мнению Г.Д.Санжеева, модель, реконструированная Г.И.Рамstedтом, «не подтверждается конкретными или исторически засвидетельствованными данными, а поэтому является лишь гипотетическим предположением» /77, с.146/.

Г.Д.Санжеев подвергает сомнению модель образования условной формы, предложенную Г.И.Рамstedтом, по той причине, что «индикативные формы глагола в этих (монгольских.- М.О.) языках не могли и не могут применяться в качестве первых, или препозиционных, компонентов какого бы то ни было аналитического соединения» /77, с.149/.

И все же некоторые изъявительные формы могут быть первым компонентом аналитических сочетаний, например форма на =nam или на =m. В.Л.Котвич приводит примеры сочетания этих форм с вспомогательным глаголом бай= 'быть' (хичијенем байнам 'теперь видно, что старается') и связкой булуге 'быть' (irem булуге 'бывало приходит') /40, с.123-124/.

В тексте «Алтан тобчи» встречаются сочетания формы на =m с глаголами-связками ају/ајуу и бөйлүге: yarcu odum böilüge /АТ I, с.11-12/ 'выходит бывало'; üjegdem ају /АТ II, с.120/ 'видит [вдруг]'; ülü güyim ајуу /АТ II, с.59/ 'не победит'; Söni ginji bayuu=yi minu suladyaју qonuyulum böilüge¹¹ /АТ I, с.41/ 'Ночью он ослабил на мне цепи и шейную колодку и дал возможность переночевать'.

Сочетание =ba + *=su могло бы оказаться возможным, если бы *=su представляло собой по происхождению частицу, аналогичную, скажем, усилительной частице ču, присоединяемой к этой же изъявительной форме (=ba + ču =baču), давшей в итоге форму уступительного деепричастия (об этом см. с.168). Однако такой

¹¹ Так в рукописи, в изданном тексте ошибочно: qonuyulbai böilüge.

частицы, да еще со значением условности в монгольских языках не зарегистрировано. Поэтому вопрос о происхождении формы =basu, в особенности элемента =s + гласный, непосредственного носителя значения условности, остается предметом дальнейших исследований. Но вполне вероятно, что монгольский =su в =basu является лишь вариантом суффикса =sa с более узким гласным, который, в свою очередь, можно сопоставить с показателем условной формы в тюркских языках =sa / =se.

Исходя из невозможности образования аналитических сочетаний от изъявительной формы на =ba, Г.Д.Санжеев считает, что «если эта рамстедтовская модель в какой-нибудь мере соответствует исторической действительности, то последняя могла иметь место в древнейших монгольских или даже «протомонгольских» диалектах ...». Поэтому форму условного деепричастия на =басу надо признать наиболее древнейшей в монгольских языках, происхождение которой следует относить к той поре, когда в этих языках именные формы глагола и собственно глагольные формы еще, по-видимому, не дифференцировались» [77, с.149].

Будучи древнейшей формой, она является, видимо, и самой распространенной из всех условных форм в памятниках монгольской письменности. Например, в памятниках XIV в., за редким исключением словоформы bögesü, употребляется исключительно форма =basu/=besü [110; 111; 112; 113].

Это относится и к тексту «Алтан тобчи», где форма =basu употребляется для выражения условной или условно-временной связи в предложении. Обозначая условия, при наличии которых совершается другое действие, форма =basu встречается, когда речь идет о настоящем, прошедшем и будущем, при этом чаще всего, как показывают примеры, о будущем.

В речи о настоящем: Ūge=tei bolbasu öčijü, qosing=tai bolbasu qolbuju yaγuui kele gebe [AT II, с.7] 'Если есть слова, говори! Если есть шутка, ладно уж, шути!'; Biden=ü dergede yabuqui=ban berkesiyebesü, busu kümün=i oruγulju tere kümün=i erigüljü nidun=u ečine qola yajar=a ilegey=e kemen jarliγ bolba [AT I, с.152] 'Если [они] считают затруднительным состоять при нас, то пригласите других людей, а тех людей следует прогнать и отослать с глаз долой в отдаленные места! - [так] повелевал'; Sibayuqan ... butan=dur qoryalabasu butabar aburayu [AT I, с.42] 'Если пташка укрывается в зарослях, заросли спасают ее (букв. зарослями спасается)'; Quda köbegün=iyen mörgedkü bolbasu odtuyai [AT I, с.32] 'Если сват тоскует по своему мальчику, пусть отправляется [повидаться]'.

В приведенных примерах форма =basu обозначает такие действия, наличие которых вызывает необходимость совершения или при которых обычно совершается действие главного предложения. Все они предшествуют действиям, выраженным заключительной формой сказуемого, и обозначают реальные условия, при которых эти заключительные действия могут осуществляться.

В речи о прошедшем форма =basu может передавать такие действия, заведомая нереальность условия которых (при этом действие само по себе могло бы быть и реализовано, но задается условием как нереализованное) делает невозможным осуществление в прошлом действий, выраженных сказуемым, которые в таких случаях оформляются причастием будущего времени со связкой bölüge, например: Minu dayun ese sonusbasu te ker üjekün bölüge [AT I, с.144] 'Если бы вы не услышали моего голоса, то как бы увидели?'; Man=i ügei bögesü üdter güyicijü ese alabasu ildei em=e kümün [уауақиқу] bölüge [AT I, с.144] 'Если бы нас не было и [мы] тотчас подбежав не убили бы его, что могла бы сделать женщина Илдэй?'; Bariydabasu namayi=yi eyimü=yi [eyin kigde-kü] ülekü jayau bölügei üü ci [AT I, с.92] 'Если бы тебя схватили, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот состоянии?'

Действие может быть задано как не произошедшее, но возможность совершения его могла бы представиться, и тогда осуществилось действие, выраженное заключительным сказуемым, например:

Minu setkil eyin buyu, niçügün odurun, ker ber bariydabasu bitan=a oruğu irekü duritu bölüge. Tegüni minu medejü namayi bariğu alay=a kemen qubčisun bügüde=yi tayılğu yauca dotayajı tayıluy=a edüküi=e möltü aldayulğu irebe bi kemekü bölüge. Namayi ünen bolyağu qubčisun ögcü asarağu bölüge.

Bi morin unuyad üjetele üdter jayur=a ülekü [türgen] irekü bölüge [AT I, с.92-93] 'Я так мыслил, убегая раздетым: если меня поймают, я скажу, что хотел бежать к вам, но об этом узнали, меня схватили и, намереваясь убить, сняли всю одежду и, когда оставалось только нижнее белье, я вырвался и прибежал к вам. Мне бы поверили, дали бы одежду и оставили, а я бы оседлал коня и в мгновение ока вернулся [к вам]'.

В некоторых случаях, однако, нереальность условия, выраженная формой =basu, не влечет за собой указанного выше оформления действия, выраженного заключительным сказуемым (=qu + bölüge), например: Yakın yauaraqu, yauarağu irebesü tayıci-yud=un noyad minu qocıruysan em=e köbegün aduyun idegen=i mi-

mu dñesü=ber keyisgeküi tede [AT I, с.95] 'Зачем [было] спешить? Если бы я поспешил прийти [к тебе], тайчигудские ной-аны превратили бы в прах оставшихся после меня мою жену и сыновей, скот и имущество'. В таких случаях приходится опираться только на контекст.

Однако и при оформлении заключительного сказуемого причастием на =qu+ bölüge (bile) предложение с условным деепричастием не имеет иногда значения сослагательности, например: Qamtu=bar yabubasu qaritan dayisun=ača yaγun=du азуqu bile [AT I, с.106] 'Если вместе выступить, чего бояться иноземных врагов?'. И хотя таких примеров сравнительно немного, очевидно, в языке этого периода условно-временная связь между предложениями строго не подразделялась на реальную и гипотетическую.

Когда речь идет о будущем, условное деепричастие обозначает действие, в результате осуществления которого совершится действие, выраженное заключительным сказуемым. При этом действие, обозначенное деепричастием и заключительной формой глагола, может совершаться как одним действующим лицом (предметом), так и разными, например: Edüge qayan namayi üküğildebesü alayan=u tedüi yaǵar=a üküǵü qoçurqu, soyogubasu qayan=u emüne, čegel usun=i niduru, čeügen čilayun=i čoru dobtulǵu ögsü [AT I, с.95] 'Если хаган сейчас повелит казнить меня, то я останусь мертвым на земле размером в ладонь, если [хаган] на то соизволит, то я перед ним перепрыгну воды, с налета вдребезги разобью белый камень'; Töñücin anda=dur morilabasu bi köndelen=e oguldusu kemeǵüküi [AT I, с.124] 'Если вы пойдете походом на Тэмучина-побратима, то я присоединюсь [к вам] и ударю ему наперерез'; Kesig=tü kümün kesig oγarabasu tere kesig oγaraysan kümün=i yurban beriyes süytügei /köbsitügei/ [AT I, с.154] 'Если кэшигтэн пропустит дежурство, его надо наказать тремя палочными ударами'; Olan dayisun=dur olǵa olbasu oluyababar abutqun [AT I, с.148] 'Если во многих походах найдете добычу, все найденное забирайте!'; Yaγaral /yaγaraqu/ keleten aran irebesü kebtegül=dür kelelǵu ger=ün umara=ača kebtegül=lüge qamtu bayıǵu kelele-gültügei kemebei [AT I, с.156-157] 'Если человек явится со срочными вестями, [он] обязан сказать об этом кэбтэгулу и, стоя вместе с кэбтэгулом у задней стенки юрты, велеть [ему] передавать сообщение'.

При оформлении имени, обозначающего субъект действия в деепричастном обороте, предпочтение отдается именительному падежу,

винительный употребляется преимущественно тогда, когда действующий субъект выражен местоимением.

Как известно, условное деепричастие передает и временное значение¹², т.е. оно означает действие, в момент совершения которого, за которым или перед которым совершается другое действие. В таком значении деепричастие на =basu встречается даже чаще, чем в собственно условном.

В речи о настоящем, когда действие деепричастного оборота и действие, выраженное заключительным сказуемым, совершаются одновременно, деепричастие на =basu употребляется довольно редко:

Ta qoyar=i teyin tügegebesü minu dayariju ülü qucin setkil
ашуу /AT I, с.142/ 'Когда вы, двое, так раздаете яства, я спокоен душой и не сжимается мое горло'. Действующий субъект деепричастного оборота, выраженный местоимением, оформлен винительным падежом.

В речи о прошедшем оно встречается довольно часто, при этом действие, обозначенное деепричастной формой, может совершаться одновременно с действием, выраженным сказуемым заключительным, предшествовать ему или совершаться после того, как уже совершилось действие, выраженное сказуемым главного предложения.

Действие, выраженное деепричастием, и действие, выраженное сказуемым заключительным, совершаются одновременно или почти одновременно, например: Bederebesü /eribesü/ usun qargi=dur gedergü kebtelü büküi=dür, süldüdei=yin Torıyan Sıra jdb dayariju üjeju ögülerün /AT I, с.40/ 'Когда [erg] искали, сулдудейский Торган Шира, проходя мимо, заметил, что тот лежит навзничь в полынь, и сказал ...'.

Действие деепричастного оборота совершается раньше действия, выраженного заключительным сказуемым, например: Ger=tür=ıyen qariju irebesü Ujin eke köbegün=ıyen cirai uqaıu ögülerün /AT, с.37/ 'Когда [они] вернулись домой, Уджин-эка поняла все по лицам своих сыновей и сказала ...'; Tedüi ayımaı=ıyar=ıyan bayıbasu nigen jalayı gümele kümün ayımaı=aıa öber=e bayıba /AT I, с.118/ 'Когда [они] распределились по своим аймакам, один молодой парень с косой остался вне аймака ; Tede

¹² Как пишет Э.В.Севортян, «значение времени в условной форме предшествует значению условности. Поэтому, если условная форма в диалекте чаще имеет временное значение, мы имеем право отнести это к более старым явлениям изучаемого языка»/80, с.77.

irgen Bodančar=un qarçayai yuyibasusese ögbe /AT I, c.14/ 'Когда те люди попросили у Боданчара ястреба, /он/ не дал'; Boyda Činggis qayan medeju oi=yin irgen=ü yabudal quduy=a medeju j=a kemeju ilegebesü quduy=a beki basa bariydajuqu /AT II, c.25/ 'Святейший Чингис-хаган, узнав /что/ тумэты захватили Хорчи/, решил послать Худугу как знатока лесного народа, /но/ когда послал, Худугу-бэки тоже схватили'.

Нередко в речи о прошедшем действие, выраженное заключительным сказуемым, оказывается уже совершенным до того, как произойдет действие, обозначенное в условном деепричастном обороте, например: Botuyan Boyorji-da kürbesü Jamuq=a boljayal yačar=a yurban edür urida kürjüki /AT I, c.58/ 'Когда достигли местечка Ботуган Богурджи, то /оказалось/, что Джамуха уже прибыл в условленное место три дня тому назад'; Degüü ner köbegü imu bayuju tergen=ü qayaly=a negebesü dotura inu qatun kümün sayun ajuqu /AT c.51/ 'Когда младшие сыновья слезли /с коней/ и открыли дверцу повозки, там /оказалось/, уже сидела госпожа'; Edür geyin barabasu situlduju qonuysan čerig=üd söni böged butarjuqi /AT I, c.93/ 'Когда рассвело, оказалось, что солдаты, оставшиеся ночевать, ночью разбежались'. В таких случаях сказуемое главного предложения бывает выражено изъявительной формой прошедшего времени =juqi /=jüki.

В речи о будущем времени действие в деепричастном обороте и действие, выраженное заключительным сказуемым, совершаются в будущем, при этом первое, как правило, происходит раньше, т.е. предшествует заключительному действию, например: Tömuşin či ulus=un ežen bolbasu namayı ... kerkiju jiryayulqu či kemebe /AT I, c.69/ 'Чем же ты порадуешь меня, Тэмучин ... когда станешь владыкой народа?'; Dayisun kümün=i darubasu olja=dur buu bai j=a, darun barabasu tere olja bidenükei bui j=a /AT I, c.II5/ 'Когда будем побеждать врага, у добычи не задерживаться! Когда окончательно победим его, добыча ведь будет нашей'; Ulus=ıyan abtabasu ulus ügegin bolbasu yakıqun tede kemejüki /AT I, c.I24-I25/ 'Когда люди его будут отобраны, когда останется он без людей, что будет делать тогда?'.

Формой =basu часто оформляются глаголы говорения: kemebesü, ögülebesü, asyubasu 'когда спросил, то ...'; ayilatyubasu 'когда доложил, то...' и др.

Деепричастие на =basu может обозначать и такое действие, вопреки которому или несмотря на которое совершается другое действие, т.е. оно имеет в этом случае уступительное значение, на-

пример: Qaşıyun beki ögülerün, Nilq=a Senggüm köbegün cımayı yayun sedkibesü urtu=yin üjügür=e gün=ü iroyur=a kürülcesü kemejüqüi [AT I, с.125] 'Хачигун-бэки сказал: «Что бы ты ни задумал, сын Нилха Сэнгум, я пойду с тобой до края далекого, до дна глубокого»; Ayula kedüi ber öndür bolbasu amitan=a aburiydaju deger=e=ben yartayu [AT II, с.30] 'Как бы высока ни была гора, а живые существа, взобравшись на нее, бывают выше ее'.

Иногда это значение передается сочетанием формы =basu + ülü bolun / ülü bolqu (форма слитного деепричастия или будущего причастия от глагола bol= 'становиться' с препозитивной частицей отрицания ülü). Такое сочетание представляет собой как бы структурное единство, придающее действию, которое выражено условным деепричастием, оттенок настойчивой (но безуспешной) попытки, намерения что-то сделать, например: Quylıdur yaran=ıyan anay=a edüküi=e Cingges qayan ityabasu ülü bolun görgösesün=dür dobtulqu bolun ögderejü nögçibe [AT I, с.136] 'У Хуйлдара еще не зажила рана, и сколько ни упрасивал его Чингис-хаган, он [все же] поскакал за зверем, рана открылась, и он скончался'; Belgütei tedüi ityabasu ülü bolun modun=u gesigün=i qayur=a tatalaju, itügesün bülögür çuyıcaju abçu aşkilalduju jürgen=i ilyaju, qoyuñın qatun, qoriñın qatun qoyar=i bulıju abubai [AT I, с.78] 'Сколько ни уговаривал Бэлгутэй [Чингис-хагана], не помогло, [те и другие] притащили дубины, схватили колотушки: началась драка, джургэнов одолели и захватили обеих ханш - Хогулджин-хатун и Хориджин-хатун'; Eyin çeyin bolçabasu [kögebesü] embü sibar berke oi inu çatqulang, moıai sirıubasu ülü bolqu, berke sıyui bölüge [AT I, с.51-52] 'Метались туда и сюда, но были такие болота и такая чаща, что и сытому змею не проползти (букв. проползти бы да нельзя)'.

После формы на =basu ставится иногда усилительная частица ber, при этом обозначаемое деепричастием действие приобретает, как считается, уступительное значение [66, с.124; 124, с.182; 77, с.240]: Dörben degü inu abçu uıyubasu ber aman=dur otıyad, qoyolai=dur inu ese eçibeı [AT II, с.1] 'Четверо младших сыновей хотя и взяв стали пить, в рот вошло, а в горло не попало'; ... sarısun degelten bolbasu ber sayıtur ele küçün=ıyen ögbesü sandalı=taп noıad bolımuı j=a kemeп [AT II, с.68] '... хотя [человек] и одет в тулуп из сыромятной кожи, лучшие силы свои отдавая, [он] становится знатным вельможей'.

В литературе отмечалось, что при позитивном предикативе

частица *ber* не изменяет значения деепричастия, т.е. деепричастие должно сохранять условное значение [124, с.182]. Наши примеры (см. второе предложение) не подкрепляют это утверждение. Более того, частица *ber* сама по себе вообще не придает форме условного деепричастия значение уступительности. Дело в том, что форма условного деепричастия имеет иногда уступительное значение и без наличия этой частицы (см. выше примеры на уступительное значение формы *=basu*). Частица же *ber*, являясь усилительной, лишь усиливает, акцентирует внимание на действии, выраженном данной деепричастной формой.

Встречаются примеры, когда после рассматриваемой деепричастной формы употребляется другая усилительная частица *ele*, которая, также не изменяя значения деепричастия, лишь подчеркивает, усиливает обозначенное действие, например: *Tayičiyud Onan=u ergi degere qurimalduju naran singgelebesü ele tarqabai* [AT I, с. 39] 'Тайчигуды пировали на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце'.

В некоторых случаях употребление деепричастия на *=basu* не придает выраженному им действию ни условно-временного, ни уступительного значения, а указывает лишь на действительную связь явлений, например: *Qarangqui söni ker olqu ... Manayar edür čiyuulun bederebesü [eribesü] qamıy=a odqu kemegeđü ...* [AT I, с.41] 'Как его найти темной ночью? Завтра утром собравшись будем искать, куда он уйдет [с колодкой на шее?]' ; *Teб Tngri edüge irekü bui. Čidaqui=ača ker ber üyiledbesü čime kemebe* [AT II, с.42] 'Тэб Тэнгри сейчас явится. Ты знай сам по своим способностям, как поступить с ним'.

Что касается формы *=sü* (или *=gesü*), то она представлена одной единственной словоформой *bögesü* с условным значением: *kūmın=e ese ögdegsen bögesü degüü degen čimadu yuyisu kemeđü Dobu mergen=i üjere [ayuljar=a] ilegebe* [AT I, с.8] 'Если девушка никому не отдана, попросим ее для тебя, младшего брата', - сказал он и послал Добу-мэргэна посмотреть'; ... *ege-či činu čimača sayın bögesü ... jayilađu ögküi üü či* [AT I, с.117] 'Если твоя старшая сестра краше тебя ... уступишь ли ты [свое место?]'

Она представлена вообще в единственном образовании от вспомогательного глагола *bö-* в старописьменном монгольском языке. Но и этот исключительный случай, по словам Г.Д.Санжеева, «представляется загадочным» [77, с.146].

Если, как принято считать, мы здесь имеем дело с образовани-

ем условного деепричастия путем присоединения элемента * =su к форме причастия настоящего времени на =ya/ge, то почему этот элемент =ge присутствует в форме предельного деепричастия от того же самого глагола bō = 'быть' - bōgetele, тогда как следовало бы ожидать bōtele [77, с.146]? Ответа на этот вопрос пока нет.

Форма =sa встречается и в некоторых бурятских диалектах [77, с.148], а также в монгольском, дунсянском и баоаньском языках [90, с.84,102,120]. В тексте «Алтан тобчи» почти все случаи употребления деепричастия на =sa, за редким исключением, принадлежат одному глагольному образованию bolusa от основы вспомогательного глагола bol = 'быть, становиться'. В тексте bolusa в сочетании с формой будущего причастия знаменательного глагола обозначает действие, при условии наличия которого совершается другое действие, например: Uuуuqu bolusa ma geјū soyorqabai [АТ П, с.1] 'Если желаете пить, на, возьмите', - произнес [государь]'; Namayı edüge boyoјu alaqu bolusa, qoyitu üre činu nadur adali boyomılaydaqu boltuyai [АТ П, с.98] 'Если вы сейчас задупите меня, пусть после подобно мне будут задуплены твои потомки'; ... ene ügen=dür qoriylaqu bolusa terigüben buu kem-jelügtün gebe [АТ П, с.133] 'Если будешь противиться этим словам (т.е. не слушаешь меня), не жалея своей головы'.

В отдельных случаях форма =sa образуется от основ других знаменательных глаголов, например: Sadaјcin Sečen ayurlaјu čayан morin=ıyan toluyai deledјü barasa baray=a tegügese tegüye geјü ečibe [АТ П, с.136] 'Садагчин Сэчэн, рассердившись, стегнул по голове своего белого коня и, сказав: «Если кончать, так кончим! Если поймает, так поймает!», - уехал обратно'.

Форма =sa, так же как и =basu, может иметь и оттенок уступительного значения, например: Bulay=un usun degerečı bolusa, bulunggir ügei aјıla [АТ П, с.10] 'Хотя ключевая вода и выходит наверх, мутı [в ней] нет'; Toyun tayisi eјen=ü kesig=tü soytaјu, čı sutu boyda bolusa, bi sutai qatun=ü üre geјü [АТ П, с.146] 'Тогун-тайши, опьянев от государевой милости, громко кричал: «Хотя ты и преобладающий величием [владыка] святейший, но и я потомок ханши, обладающей величием ...».

Следует отметить, что суффикс =ca/ce образует условную форму в большинстве тюркских языков [6, с.37-64]. Он употреблялся уже в тюркских памятниках XI в., а ранее в языке орхонских надписей и реже древнеуйгурских использовалась форма =sar/=сер, впоследствии редуцированная или фонетически ослабленная до современной формы =ca/=ce [2, с.101].

Эта форма, семантически смежная с формами пожелания, стремления, намерения, и в современных тюркских языках отчасти сохранила эти значения [6, с.45]. В этом отношении в письменном монгольском языке смежными являются пропозитивная форма 1-го лица, обозначающая намерение, желание, готовность совершить действие, и форма условного деепричастия на =su/=sü, хотя и зарегистрированная в единственной словоформе bögesü.

Сопоставление этого суффикса условной формы =сар/=сер и якут. формы =тар/=тер, =дар/=дер, =лар/=лер, =нар/=нер позволяет, по мнению Н.А.Баскакова, «установить чрезвычайно древние соответствия таких аффиксов, как =ла/=ле и =са/=се» [6, с.52].

А если это так, то вполне возможно, что и =la в монгольской деепричастной форме на =qula /=küle также представляет собой не показатель соединительного падежа =luγ=a/=lüge [77, с.151], а фонетический вариант =sa /=se, =su/=sü. Ведь =luγ=a /lüge должно было бы дать долгое а, т.е. =laa, как это получилось, например, в современном монгольском языке в суффиксе изъявительной формы прошедшего времени -лаа<=luγ=a.

Отметим, что условная форма на =qula /=küle употребляется также и в виде =qulan /=külen. Но откуда появилось в нем =n, трудно объяснить, если происхождение этой формы связывать с =qu /=kü + =luγ=a/=lüge. Оно вполне закономерно, если исходить из =qu /=kü + =la(r)/=le(r) при чередовании r~n.

Форма на =qula /=küle обозначает действие как реальное условие для совершения последующего действия: ... qaračin man-ji=luγ=a neyileküle erkebişi üke gēm bolqu bayınam [AT П, с.191] '...если харачины объединятся с маньчжурами, непременно будет большая беда'; Kerbe bariqula čimadur ögsü gejü kelebe [AT П, с.147] 'Если захватишь [его], отдам тебе'; Merked bolqula medege ügei bayatur bile, mongyol bolqula moqusi ügei bayatur bile [AT I, с.100] 'Если то были меркиты, то недомые богатыри, если - монголы, то несокрушимые богатыри'; Yisün örlüg=üd=ün minu nigen inu ügen barilduju irekülen čiqula sanam j=a gebe [AT П, с.49] 'Если один из девяти моих орлуков привезет такие вести, думается, это [будет] важно'; Gerte kürčü asaraqulan yambar bui gejü bügüde sayid ayılacaqba [AT П, с.47] 'А что будет, если подождать (букв. опекать) до [возвращения] домой?' - доложили [ему] все сайды [вельможи]'.
Помимо условного форма на =qula /=küle имеет также и временное значение, например: Jüge ireküle qayaly=a buu negejü ög gejü qayalyačin=dur jarliγ bolba [AT П, с.120] 'Когда

придет Джугэ, ворота не открывайте», — приказал [хаган] привратникам'.

Уступительное деепричастие

Уступительное деепричастие образуется путем прибавления к глагольной основе суффикса =baču / =bači, представляющего собой сочетание суффикса изъявительной формы прошедшего времени =ba и уступительной частицы =ču / =či.

Впервые это было отмечено А.Бобровниковым, который указал и на раздельное иногда употребление компонентов данного суффикса, т.е. на то, что частица =ču / =či могла встречаться и отдельно от него [16, с.143]. Впоследствии это наблюдение было подтверждено и другими исследователями монгольских языков [40, с. 117-118; 64, с.125; 77, с.152-153].

Некоторые авторы, ссылаясь на прозрачную структуру и этимологию формы =baču, отрицают правомерность отнесения ее к разряду деепричастий [38, с.182]. Однако потенциальной возможности разложения суффикса =baču на составные компоненты недостаточно для такого вывода. К тому же в языковом сознании современных монголов он уже представляется неразложимым [103, с.7].

Сама же форма и ее функции имеют, несомненно, много общего с другими обстоятельственными деепричастными формами. Как и другие деепричастия, форма =baču / =bači не может сочетаться с полифункциональной глагольной основой ge= 'говорить', в препозиции к которой способны выступать все глагольные формы за исключением деепричастных. Глагол =ge в данном случае считается дистрибутивным элементом, определяющим деепричастные формы [103, с.7].

В частотном отношении уступительная деепричастная форма значительно уступает условной, хотя в современном монгольском языке она «употребляется не так уж редко» [56, с.176].

Уступительное деепричастие обозначает такое действие, совершение которого влечет за собой иной по сравнению с ожидаемым результат и которое по-русски обычно переводится словами «хотя сделал что-то ...», например: Či naмайi=yi bay=a gejū qaγan sayuγsan mōn bolbaču, qaγan sayuqu yosun ügei=yin tula ĵ=a edüge čī nada mörgü [АТ II, с.176] 'Хотя ты и сел на хаганский престол, объявив меня малолетним, [но] ты сидишь хаганом не по закону и ты сейчас поклонись мне'; Amidu yarbači yabayān tusa ügei [АТ II, с.141] 'Хотя и живы, а пешком идти — толку никакого'; Oyln=du minu üge ber bolbači, onūju kelekün=i berke bolumu gem bi gebe [АТ II, с.2] 'Хотя в мыслях и есть

слова, трудно высказать их'; Qaγan=u man=u üre ügei bol-baṣi Qasar=un üre bi nekesü geγü.../AT II, с.156/ 'Хотя у нашего хагана и нет потомства, но я потомок Хасара. Отправляюсь в погоню я!'.
~~~~~

Выше отмечалось, что составной элемент суффикса =baṣu / =baṣi частица =ṣu/ṣi может иногда употребляться и раздельно, но в таком случае =ṣu выступает в роли усилительной частицы и относится к тому слову, после которого стоит, т.е. подчеркивает значение не глагола, а любой другой части речи, как это видно из следующего примера: Tende=eṣe tere ebügen ögülerün, maγu ṣu bolba köbčileγü medegsei gebe /AT I, с.79/ 'Тогда тот старик сказал: «Хотя и плох [плохим стал], но попробуй натянуть [о луке со стрелами]»'.

Продолжительное деепричастие

Продолжительное деепричастие образуется при помощи суффиксов =γsayaγ / =gseger, =γsabar / =gseber, которые, по общепризнанному мнению монголоведов, восходят к форме причастия прошедшего времени =γsan / =gsen > =γsa / =gse в форме орудного падежа =γar / =ger, =jar / =jer, =bar / =ber /16, с.121/. Это деепричастие широко употреблялось в текстах XIII-XIV вв.¹³

В тексте «Алтан тобчи» продолжительное деепричастие чаще всего передает длительное действие, в процессе совершения которого осуществляется другое действие, причем исполнителем этих действий является одно и то же лицо: Untaysan=u qoyina qasay=i ügürügseger qariγu iṣebe /AT I, с.79/ 'После того как [враги] уснули, [Бэлгутэй] вернулся, волоча за собой одноколку'; ... tere ködelügseber ködelγü Sayari keger=e bayuba /AT I, с.121/ '... продолжая двигаться в том же направлении, расположился [лагерем] в степи Сагари-кэгэр'; Mön qulusun=dur itegeγü sayuy-sayaγ, qulatu maγu sibayun=dur egür=iyen ebdegdeγü öndege jul-jaγ=a=ban idegdebe gebe /AT II, с.48/ 'Доверившись камышу и продолжая сидеть, [птица-лебедь] позволила птице-мышелову разорить свое гнездо и съесть птенцов и яйца'; Ayil büri negjigseger kü, Torγan Sira=yin ger tergen iseri=yin alam=dur kürtele üjeγü ese olγu ... /AT I, с.42/ 'Продолжая обыск в каждом

---

¹³ См. «Сокровенное сказание» §§ II8, I32, I6I, 2I9 и др. В «Китайско-монгольских надписях» продолжительное деепричастие встречается только в форме =γsabar / =gseber; см. /II0; III; III2; III3/.

айле, в порте Торган Ши́ра обыскали все, вплоть до исподов сидений, но не нашли /Тэмучина/'; Tere keregül=dür Belgütei nama-yadu ayıray=ıyar čokılalduju yabuysayar ejen=i qorčın Toγ-taqu=yin егмг сауаучин=dur soluyai yar=ıyar unuyulba /АТ I, с.78/ 'Во время той ссоры Белгүтэй продолжал бить /по сторонам/ своим бурдюком с кумысом и, находясь в таком состоянии, левой рукой подсадил государя на серую яловую кобылицу хорчинского Тогтаху'.

Действие может указывать и на обстоятельство, при котором происходит другое действие: qarču üjebesü kömüldürge kömüldür-gelügseber olang olanglayсар mültürіjü qočurjuqu /АТ I, с.38-39/ 'Когда стал /он/ рассматривать, /то видит/: седло сползло при туго натянутых (букв. были натянуты и продолжали оставаться натянутыми) подпруге и нагруднике'.

Иногда продолжительное деепричастие передает такое действие, в результате которого произошло другое действие: Ong ging čing-qang=un neregüdgseber tendeče /neregüdgsen tegün=eče/ bolbai /АТ I, с.82/ 'В результате того, что Онгингчингсанг пожаловал их /этими титулами/, /они/ так и стали называться'.

В качестве заключительного сказуемого оно сопровождается связкой bölüge или изъявительной формой глагола. Обозначенное им действие воспринимается как длительное, совершающееся непрерывно в течение какого-то отрезка времени: Ujin eke yeke dayun=bar uyılaju ögülerün aq=a čiledü, kei ögede kegül=ıyen keyisügseger, keger yajar=a kegelı=ben ölügüsgеger bölüge /АТ I, с.23/ 'Уджин-экэ громко причитала: «Батюшка мой, Чилэду! Встречный ветер твои волосы разведал, в степи твое чрево голодало»'; Tölügeken sanarun, ene qalayun silüü=yi jalqın gebe jirüken minu tülekü, yagıam gebe ičigüri metü geju amadayun oyočıysayar kürgеbe /АТ II, с.168/ 'Толугэкан подумал: «Если проглочу этот горячий бульон, то у меня загорится сердце, если выплону, — вроде стыдно», — и он продолжал пить маленькими глотками'.

Любопытным представляется случай употребления продолжительного деепричастия в субстантивном значении: Olan dayısun=dur olja olbasu oluysabar abutqun, orıy=a görögesün=dür abalabası alaysabar abutqun kemen jarlıy bolba /АТ I, с.148/ 'Если захватите добычу в схватке с врагом, захваченное берите себе; если, отправившись на охоту, зверя убьете, добытое (букв. убитое) берите себе», — повелевал государь'.

Наряду с формой =уауаг /=gseger встречается и форма причастия прошедшего времени в орудном падеже, в которой конечный согласный причастия =n не выпадает, а падежный показатель =bar пишется отдельно. Такая форма выражает причинность¹⁴: Amaγar qayan Qadaγan qoyar=i nereyitdügse=ber qamuy mongγol tayiciγud ... Qutala=yi qayan bolyaba [AT I, с.23] 'Так как Амагар-хаган [в присланном известии] назвал имена Хадагана и Хутулы, все монголы и тачигуды ... поставили ханом Хутулу'; Börte üjin=i yisün nasutai бүкүи=dür üjeγü iregsen=ber qaya-čaγu bölüge [AT I, с.47] 'Повидав (букв. по той причине, что повидал) Бортэ-уджин, когда той было девять лет, расстался с ней'.

Деепричастие предела

Деепричастия предела образуются путем присоединения к глагольной основе суффикса =tala /=tele. Этот суффикс считается в монголоведении составным, однако по поводу его состава высказываются разные мнения. Г.И.Рамstedт, исходя из наличия в халхаском диалекте именных отглагольных форм на *dal > *tal, первоначально полагал, что =tala [=dala] состоит из =dal > =tal + a - показатель дательного (местного) падежа [127, с.50-61, 111-112]. Однако, как справедливо заметил В.Л.Котвич, «Г.И.Рамstedт берет за основу форму существительного, не имеющего признаков глагола» [41, с.307]. Позже Г.И.Рамstedт высказал иную точку зрения, согласно которой монгольское деепричастие предела (converbum terminale) на =tala (=dala?) отвечает тунг.-маньч. деепричастию на =dala 'до (чего-либо)' и 'в течение (чего-либо)'; где падежный показатель =la присоединился к имени на =da- [69, с.113].

С.А.Козин усматривал в суффиксе =tala сочетание суффикса гипотетического причастия древнемонгольского языка =ta и сокращенную форму показателя соединительного падежа =la /=luy=a [35, с.33]. Этимология С.А.Козина оказалась не совсем убедительной, так как наличие причастия на =ta является «совершенно гипотетическим». Поэтому В.Л.Котвич предложил объяснение происхождения формы на =tala на основе тунгусских языков, используя данные по эвенкийскому языку, в котором имеется причастная форма, обозначающая еще незаконченное действие и образуемая с по-

¹⁴ Этот факт был отмечен в свое время А.Бобровниковым [16, с.145].

мощью суффикса =da /=ta. Эта форма чаще всего встречается с показателем местного падежа =la, в результате создаются деепричастные формы со сложным суффиксом =dala /=tala. «Такое объяснение, — по словам В.Л.Котвича, — позволяет понять, почему монг. tala имеет притяжательные суффиксы и почему второй член сложного окончания с древнейших времен (даже в «Сокровенном сказании монголов») имеет одинаковую форму: =la (в живых диалектах даже =l), и никогда не выступает в форме =luγ=a (> в живых диалектах =la) [41, с.307].

В «Алтан тобчи» деепричастие предела прежде всего передает действие, вслед за завершением которого наступает другое действие: Nigen edür sirγ=a ayta naiman morid ger=ün dergede bayıju бүкүй=dür, degermečin irejü üjetele degermedjü odbai [АТ I, с.43-44] 'Однажды, когда возле юрты находились восемь соловых мерингов, пришли грабители, увидели (букв. как только увидели) и украли их'; Dotur=a minu nidun geyibe kemeged öndüyijü sayutala edür sayiba [АТ I, с.92] 'Внутри у меня просветлело', — сказал [он] и, когда приподнявшись сел, наступил расцвет'; Mör=tegeki=yin jam yartala čabčisu [АТ I, с.98] 'Разрублю каждого на [своем] пути, как только выйду на дорогу!'; Arban jiryuyan nasutu bolju, časutu Sambu ayula dörben qari yaǰar=i oγaču nutuγlay=a gejü iretele töbed=ün kümün uširajü qamıγ=a=ača irekü kümün buyu gejü asyaba [АТ I, с.4] 'Когда исполнилось шестнадцать лет, [он] сказал: «Найдем снежную гору Самбу и четыре чужие земли и поселимся [там]», — и как только пришел, встретился тибетец и спросил: «Откуда ты идешь, человек?»'.

Кроме того, действие, обозначенное этим деепричастием, может указывать на предел или условие наступления другого действия: Oyirad=un Següse Aylaqu=yin üre doluyan üγ=e boltala alba ügei boltuyai gejü darayalba [АТ II, с.175] 'Пусть потомство ойратского Сэгусэ Аглаху на семь поколений (букв. до исполнения семи поколений) освобождается от повинностей'; Бу=e barildutala yadan=a бүкүн=i jasatuyai [АТ I, с.117] 'До тех пор пока не окончится совет, пусть он охраняет все вне [юрты]!'; Tölügeken kelerün ene ösiγ=e=yi ükütele ülü martaqu, nigen čay=tur sanam j=a bi gebe [АТ II, с.168] 'Толугэкэн сказал: «До смерти (букв. до тех пор пока не умру), не забуду о возмездии, когда-нибудь я вспомню ведь [об этом]»; Qaγan=i minu üre bayitala čimada ülü ečim gebe [АТ II, с.161] 'До тех пор пока существует потомок моего хагана, я к тебе не пойду'.

Указывает оно также на степень совершения другого действия: Tere edür darasun=i yekede qalaуıçıtala joуolуaуsan aјууу /АТ II, с.34/ 'В тот день он вкушал вино и был сильно разгорячен (букв. до сильного разгорячения)'; ... biden=ü ... şerig=üd=i daruју butarıtala kilduјуqu /АТ II, с.69/ '... подавили наших воинов и истребили до полного уничтожения'; Bügüde merked=i büreltele ayulју, Börte üjin=i çinu nekegölју ögsü /АТ I, с.54/ 'Всех меркитов подавил до полного разорения, отыщу и верну /тебе/ твою Бортэ-уджин'; ... qoyıtu böğürgen degere sayutala qarubai /АТ II, с.131/ '... выстрелил /из лука/, так что /тот/ осел на заднюю седельную луку'.

Деепричастие на =tala обозначает также действие, вопреки которому или несмотря на которое совершается другое действие: Ai Ogedei, bi çimai=yi erte ire kemegsen bögetele udayan irebe çı kemebesü /АТ II, с.3/ 'Эх, Угэдэй, я тебе сказал (букв. тогда как сказал) приезжай пораньше, а ты задержался'. В таких случаях деепричастие предела имеет уступительное значение и обычно переводится словами «хотя», «несмотря на то что ...»: Duw=a soqur manglai dunda yayça nidutu bögetele yurban negüri [negüdel] yajar=a üjem bölüge /АТ I, с.7/ 'Хотя Дува-сохор имел во лбу единственный глаз, он видел на расстоянии трех кочевков'; Belgütei teyin çabçıydaју bögetele yayun=a=bar ülü bolуan ülü sengkeren /АТ I, с.78/ 'Хотя Бэлгүтэй был /сильно/ ранен, он совсем не обращал /на это/ внимания'.

Если заключительное сказуемое выражено причастием будущего времени + bölüge, деепричастие предела обозначает действие, до наступления которого должно бы совершиться заключительное действие: Bi morin unuyad üjetele ödter jayur=a ülekü [türgen] irekü bölüge /АТ I, с.93/ 'Я бы оседлал коня и, пока они увидели бы, быстренько вернулся'.

Иногда деепричастие на =tala передает действие, вместо которого ожидается или предполагается другое: Yeke ögületele yeke ömkü gele geју dongyud=un [ögüleged] yabubai /АТ I, с.80/ 'Вместо того, чтобы много говорить, лучше прикусить язык», — сказал /он/ и удалился'.

Если в форме деепричастия предела употреблен служебный глагол, а знаменательный (глагол движения или состояния) имеет иную деепричастную форму (например, форму слитного деепричастия), то в таком случае передается действие, в процессе совершения которого или наряду с которым совершается заключительное действие: Namayı eyimün bolју kebtен bögetele niçügün yakin güy-

ıjū oruba či [AT I, с.92] 'В то время, когда я вот так лежал, почему же ты убежал раздетым?'; ... qota dotura toyoriju güyijū yabun atala yarqu čilüge ülü olum aju [AT II, с.120] '... бегая (букв. в то время, когда бегал) по городу, он не нашел лазейки, [чтобы] выбраться'.

Деепричастие цели

Деепричастие цели имеет окончание =г =а, происхождение которого в монголоведении возводится к отглагольному имени на =г в сочетании с показателем дательного (местного) падежа =а [I6, с.142; 69, с.49,86; 41, с.286; 77, с.163-164].

Это деепричастие употребляется относительно часто и имеет одно единственное значение: обозначает действие, являющееся целью совершения другого действия: Belgütei ... tarbayacılar=a oduysan ajuju [AT I, с.44] 'Белгутэй ... отправился, [чтобы] охотиться на тарбаганов'; Tömjüčin=i abur=a irebe [AT I, с.32] 'Я приехал, [чтобы] забрать Тэмучина'; ... yayun kümün=ü em=e teyin qayilan bui kemen asayur=a ilegebesü ... [AT I, с.94] '... послал, [чтобы] спросить, что это за женщина так громко плачет?'; Adyuçi inu Badai sün kürger=e irejü ene üge=yi sonusçu qariba [AT I, с.127] 'Табунщик Бадай прибыл, [чтобы] доставить молоко, [он], услышав это (букв. эти слова), вернулся обратно'; Jüge Buq=a qoyar alba sang=i quriyar=a ečibe [AT II, с.120] 'Джугэ и Буха отправились, [чтобы] собрать подати'; Tegün=ü qoiyna Qouqai Tayu taray yuyura irebe [AT II, с.128] 'После этого прибыл Хоухай Тайу, [чтобы] попросить тараг' (прод простокваши); Qatun Ujin=ü eke=yin qaliyarasun meggirsün=.iyer tejyegsen köbegüd inu, qad sayid bolur=a kürbe [AT I, с.35] 'Сыновья матушки Уджин, вскормленные диким луком и чесноком, достигли того, чтобы стать ханами и вельможами'.

Интерес представляют два предложения, в которых деепричастие употреблено в сочетании с постпозиционным отрицанием edüküi 'еще не'. Необычность состоит в том, что деепричастные формы с постпозиционными отрицаниями вообще не типичны для монгольского языка. В таких случаях это деепричастие обозначает еще не совершившееся действие¹⁵: Namai alar=a edüküi=e üiter

¹⁵ Такое действие передается причастием прошедшего неоконченного времени с отрицанием (см. с.131 и сл.). Ср. также перевод первого из предложений на современный монгольский язык [3, с.68]: Намайг алаагуй байхад даруй буцагтун.

qaritqun /AT I, с.109/ 'Побыстрее возвращайтесь, пока меня еще не убили!'; *Otčigin* Teb Tngri=yi čirču yarur=un egüden bosuy=a alqur=a edüküi=e urida beledügsen yurban bökes eser-gü Teb Tngri=yi bariyad čirču yarču... /AT II, с.43/ 'Отчигин потащил Тэб Тэнгри к выходу, но когда он еще не перешагнул порога двери, заранее подготовленные трое силачей схватили и вытящили сопротивлявшегося Тэб Тэнгри'.

Как говорилось выше, форма на =r=a служит средством выражения значения цели, но для этого в классическом монгольском, а также в некоторых бурятских диалектах [77, с.163] используется и причастие будущего времени с тем же самым окончанием =a, что и в деепричастии цели. Видимо, форма на =r=a, также считающаяся причастной по своему происхождению [77, с.163-164], больше напоминает причастие, чем деепричастие по своему значению. Поэтому она и зафиксирована с причастным отрицанием edüküi в столь несвойственном для нее употреблении.

Приготовительное или цитатное деепричастие

Форма на =run

Происхождение этого деепричастия, образуемого суффиксом =r=un, также генетически связывается с отглагольными именами на =r+un, (предположительно показатель древнемонгольского родительного падежа). Однако это предположение справедливо вызывает сомнения ученых, так как «трудно понять почему, собственно, эта форма употреблялась для образования особого деепричастия» [41, с.286/].

И хотя единичные примеры типа yabur=un qoyin=a 'после ухода' дают как будто основание считать =r=un формой родительного падежа от основы глагольных имен на =r все же подавляющее большинство примеров свидетельствует о том, что -r=un- не именная форма.

Вполне допустимо, что оказывается правдоподобной версия Г.Д.Санжеева, что =r=un в примерах наподобие yabur=un qoyin=a 'после ухода', с одной стороны, а с другой - jarliy bolur=un 'соизволил повелевать', «являются, по всей вероятности, омоформами, из коих не очень ясна вторая, которая может оказаться генетически связанной с формой слитного деепричастия, как бы это ни казалось исключенным» [77, с.164/].

На наш взгляд, элемент =un в =r=un, графически совпадающий с одной из разновидностей показателя родительного падежа =un,

не является падежным хотя бы потому, что родительный падеж - падеж приименный, осуществляющий грамматические связи между именными, а не между глагольными формами. Не исключено, что в =r=un. (=run) действительно присутствует суффикс слитного деепричастия =n, присоединяемый к основам на =r, с соединительным гласным =u=.

Отметим, что в текстах старописьменного языка нередко встречаются случаи раздельного написания суффикса слитного деепричастия =n, что в сочетании с соединительным гласным =u= дает =un, который графически совпадает с разновидностью показателя родительного падежа =un, например: Oyirad=un Ügedei Dayibu, qaračin=i Polui tayisi, sartayul=un Bayantai Aqalqu Mergen, qongkirad=un Eselei Dayibu dörbegülen ber kürgegöl=un ilgebei [ИТ, с.67] 'Четверых: ойратского Угэдэя Дайбу, харачинского Болой-тайши, сартагульского Баянтай Ахалху Мэргэна, хонхиратского Эсэлей Дайбу - послал доставить (букв.заставив доставить) [ребенка]'; ... ülegsen törül=dür inu kürgey=e kemen üsigöl=ün saγubai [ИТ, с.68] '... сказав: «Оставим оставшейся родне», - жил под охраной (букв. имея опору, т.е. охрану)'; Ğisun bayulγaγu ködel=ün bayicui bögüdeger üjebei [АТ II, с.147] 'Все увидели, что течет кровь'; Ai Ügedei, eġige eke ber ür=e=yin bey=e setkil, jobaysan=i ür=e ülü durad=un bui aγuγu [АТ II, с.3] 'Эх, Угэдэй! И отец, и мать беспокоятся о своем сыне, а сын [ничего] не помнит'.

В свою очередь, и суффикс =r=un употребляется как в раздельном, так и в слитном (=run) написании.

Появление суффикса =r= в старописьменном монгольском остается не ясным. Очевидно, =r= придавал глагольной основе какое-то временное значение. Заимствование его в монгольский произошло несомненно под тюркским влиянием и одновременно с введением уйгурского письма. Поэтому сферой применения этой формы был письменный язык. В живом разговорном языке она заменялась другими глагольными формами, обыкновенно формами окончательными [40, с.115].

По мнению В.Л.Котвича, форма на =r - это особая глагольная форма, возникшая в тюркских и тунгусских языках. «Первоначальное значение этого суффикса стерлось, и в разных языках он служит для образования разных форм, которые только более или менее точно определяют время или какую-нибудь другую категорию глагола. Чаще всего суффикс =r образует формы настоящего, ближайшего будущего или же недавнего прошлого времени. Они имеют

характер причастий, но могут выступать и в качестве изъявительного наклонения глагола» [41, с.276-277]. О форме на =ra/=r в тюркских языках см.: [7, с.29-30].

В монгольских языках этот тюркский суффикс обнаруживается двояко: в форме деепричастия цели на =r=a и в форме на =r=un.

Форма на =run занимает особое положение среди всех других деепричастных форм по своему значению и употреблению в предложении.

В современном монгольском языке эта форма фактически исчезла. Она абсолютно неизвестна живой речи и лишь изредка встречается в произведениях эпистолярного жанра, где образуется от основ некоторых глаголов говорения и всегда предворяет прямую речь.

Форма на =r=un была свойственна старописьменному монгольскому языку, но и здесь отмечались «ограниченный объем образования данного деепричастия от основ немногих речевых глаголов и столь же ограниченная сфера его применения» [77, с.164]. В «Алтан тобчи» эта форма употребляется довольно часто, а главное — с разнообразными глагольными основами. Нами зафиксировано около 60 глагольных основ на =run.

В «Алтан тобчи» можно встретить и известные по другим старомонгольским текстам сочетания *jarliy bolurun* 'соизволил сказать, повелевал', *ögülerün* 'произнес' и некоторые другие сочетания с речевыми глаголами, после которых, как правило, следует прямая речь, например: *Basa Činggis qayan jarliy bolurun, Tngri ya-jar küčü nemegdejü ibegegdebesü ta Jamuq=a anda=ača namayi kemen setkičü nōkečesü kemen ireged ...* [AT I, с.73] 'Чингис-хаган также соизволил произнести: «Когда Небо и Земля оказали мне покровительство, увеличив [мои] силы, вы, [отделившись] от побратима Джамухи, пришли, решив стать моими товарищами»; *Deyi Sečen ögülerün, Yisügei quda qamiy=a odumu či kemebesü ...* [AT I, с.28] 'Дэй Сэчэн сказал: «Куда ты отправляешься, сват Есугэй?»; *Qituy=a yaryaču ögülerün, köbegüd degüü ner čimu čimayi buliyaču abur=a irebei* [AT I, с.109] 'Выгаскивая нож, [он] произнес: «Сыновья и младшие братья твои пришли, чтобы отбить и спасти тебя»; *Qayan sanarun, egüber bolusa nadur mayu setkikü ünün aču* [AT II, с.155] 'Хан подумал: «Видать правда, что [он] плохое задумал обо мне»; *Taryudai Kiriltuy yeke dayu=bar degüü ner köbegüd=tür=iyen qayilaču keleler=ün, Sirgetü namayi alan buyu* [AT I, с.109] 'Таргудай Кирилтух, рыдая, закричал своим младшим братьям и сыновьям: «Ширгэту ведь убивает меня!».

Однако роль формы на =run в предложении не ограничивается только обозначением действия, предшествующего прямой речи.

Нередко эта форма, образованная, в частности, от основ глаголов движения и состояния, передает действие, во время которого или вслед за которым происходит другое действие, например: Uyiyud=un tangyud=un yaǵar=iyar bidüǵü yaburun yadaǵu tabun imayan=i sirküleǵü sayan temegen=ü ğisun qanaǵu ideǵü ... [AT I, c.II4] 'Когда скитались (букв. скитаясь шли) по уйгурским и тангутским землям, измучились и питались молоком от пяти коз (букв. доили пять коз) и верблюжьей кровью (букв. ели, пуская верблюжью кровь)...'; Angqa urida anda boluǵar=un, Tö-müčin arban nigen nasutai büküi=dür Ĵamuq=a quraltuy sayai Töümüčin=e öǵü ... [AT I, c.63-64] 'Когда впервые стали побратимами, Тэмучину было одиннадцать лет, и Джамуха подарил Тэмучину косточку - бабку косули'; Töümüčin Ĵamuq=a qoyar qamtu tergen=ü urida yabuǵu ayisur=un [odayad] Ĵamuq=a öǵüler=ün, Töümüčin anda ayula siqam bayu=a [AT I, c.65] 'Когда Тэмучин и Джамуха ехали вместе впереди повозок, Джамуха и говорит: «Брат Тэмучин, остановимся возле горы»; Ğinggis qayan Ong qayan qoyar qamtudǵu Ĵamuq=a=yin esergü inu morilay=a kemeldüǵü Kerülen mören uruyu morilar=un, Ğinggis qayan ber, Altan Quǵar Daridai yurban=i manglai yabuyulbai [AT I, c.89] 'Чингис-хаган и Онг-хаган, объединившись, решили выступить против Джамухи, [и когда они] отправились вниз по реке Кэрүлэн, Чингис-хаган выслал вперед троих: Алтана, Хучара и Даридаю'.

Этой деепричастной формой может иногда начинаться предложение: Ködüler=ün Ulqui Silegečin ögede ködülüged Dalan Nemürgen kürbei [AT I, c.I35] 'Когда отправились в путь, шли вверх [по реке] Улхуй Шилэгэчин и достигли местечка Далан-Нэмүргэн'.

Кроме того, форма на =run может обозначать такое действие, которое может послужить как бы причиной или целью для другого последовавшего за ним действия, например: ... Ĵayura tatar irgen qurimlan aǵuyu. Umdayasur=un bayulu=a bi [AT I, c.31] '... на моем пути пировали татары. Испытывая жажду, я остановился'; Tere tegün=ü qoyina Ong qayan=u Erke ǵar=a aq=a=qayan alaydar=un buruvudǵu odǵu naiman=u Inaǵa qayan=dur oruǵuqui [AT I, c.II2] 'После того [младший брат] Онг-хагана Эрке Хара, опасаясь быть убитым своим старшим братом, бежал и явился к найманскому Инача-хагану'; ǵutuytan törügsen köbegüd=iyen teǵiyer=ün youl ĵebe ülü ileden, qoyursan mengersün=iyer teǵiyebe

[АТ I, с.35] 'Своих родившихся святыми сыновей, чтобы вскормить, острым стержнем [копала], ничего не оставляла [в земле], диким луком и луком [простым] вскармливала'.

Иногда обозначаемое данной формой действие показывает, как, каким образом осуществляется другое действие: Aqu bügüde=yi terigülür=ün, asuru masi asaran bölüge [АТ II, с.63] 'Впереди других меня ставя, милостиво обо мне заботился'.

Форма на =run нередко имеет значение финитной глагольной формы, завершающей предложение или часть сложного предложения, например: Uqurdai Saraman ögüler=ün, Çayadai çimai=yi törüge edüi, olan qaraçus=i quray=a edüi, qan eçige=dür çinu küçün ögkür=ün bi [АТ II, с.63] 'Ухурдайский Сарман проговорил: «Чагадай, когда ты еще не родился и не собралось еще много подданных, я уже отдавал силу хану-отцу твоему»; ... öndür ayula dabaju, örgün mören=i getüljü, sur dörögüben suntala, temür dörögüben tölürütele jıgiyju yabur=un ta [АТ II, с.46] 'Через горы высокие переваливал, через реки широкие переправлялся, так что ремень у стремян вытягивался, так что железо стремени стиралось. Так-то и вы потрудитесь'. В первом предложении форма на =run обозначает действие, совершившееся в прошлом, что определяется смыслом предложения и контекстом в целом. Что же касается второго предложения, то там она передает действие, которое предлагается совершить в будущем. В том и другом случае после сказуемых, оформленных =run, следуют подлежащие, выраженные личными местоимениями соответственно I-го и 2-го лица.

Есть примеры, в которых форма на =run, не заключая целого предложения, но по крайней мере заключая часть сложного предложения, обозначает действие как настоящего времени по отношению к моменту речи, так и действие будущего времени, например: ... kitad=un irgen=ü Altan qayan, tatar=un Megüjin Segül=tü=yi ey=e=dur= iyen ülü oruydar=un [ese orubai kemen] ... [АТ I, с.80] 'Алтан-хаган китайского народа, сказав, [что] татарский Мегуджин Сэгүлту не соблюдает своего соглашения ...'; Jamuq=a ögülerün, onan=u Jiryan qabçiqai=a qurabai bide ergejü qarir=un kemeged ... [АТ I, с.75-76] 'Джамуха сказал: «[Чингис-хаган] укрылся в ононском ущелье Джирган, мы вернемся назад...»; Toryan Sira=yin ökin bi qadayana neretü ... er=e minu alaydar=un, Tömücin er=e=yi minu aburaytuyai kemen [АТ I, с.94] 'Я дочь Торган Шира по имени Хадагана. Мужа моего убивают (букв. муж мой убиваем)! Пусть Тэмучин спасет моего мужа!'

Из приведенных примеров очевидно, что соотнести эту форму с каким-то одним определенным временем невозможно. Употребление формы на =*gip* не ограничивается только случаями, когда она предваряет прямую речь, поэтому вряд ли есть основание сохранять за ней название приготовительного, или цитатного, деепричастия .

Наречия

В тексте «Алтан тобчи» наречия представлены как непроеводными (корневыми словами) словами, состоящими из неразложимого искони или неразложимого с точки зрения современного языка корня, так и производными словами, образованными с помощью наречных суффиксов.

К древнейшим, в основном неразложимым, наречиям относятся следующие:

masi 'очень', 'весьма': masi qayirlaba [AT I, с.108] 'очень полюбил'; Sayin ĵarliy nom=ud=i mongyolčılan orčiyulĵu, masi yekede delgeregölügsen aĵuyu [AT II, с.185] 'Переводя на монгольский язык, [он] очень широко распространил славное учение';

Sayi 'недавно', 'только что': Köbegüd=ün minu aq=a ĵuci ci ger=teče sayi ĵarcu ... [AT II, с.23] 'Ты, Джучи, старший из моих сыновей, лишь недавно вышел из дома';

munda 'сейчас', 'теперь', 'поэтому': Munda alaya=edüküi=e üäter qariy=a kemeldüĵü qariba [AT I, с.110] 'Сейчас, пока [он] еще не убил [его], немедленно вернемся», - сказали [они] и вернулись'; Munda Taryudai=yi talbiĵu ilegeĵü bide bayes=iyen Činggis qayan=a küčün ögkür=e irebei kemeĵü oduy=e [AT I, с.110-111] 'Поэтому, оставив Таргудая, отправимся и скажем: «Мы пришли сами, чтобы отдать [свои] силы Чингис-хагану».

Наречие munda в современном языке не употребляется, но оно встречается в доклассическом монгольском [36, §§147, 149, 201; 125, с.8] и в «Алтан тобчи». Оно же, как отмечает В.Л.Котвич со ссылкой на Г.И.Рамстедта, зарегистрировано и в языке моголов Афганистана в парном употреблении со словом ende 'здесь'. В монгольском языке это слово неразложимо, однако В.Л.Котвич возводит его к тюркскому указательному местоимению bu 'этот', варианты которого bun=// mun=, muna//mina проникли в монгольский и получили распространение в ряде словарных форм. Одной из таких форм

и явилось наречие *munda* – тюркская форма местного падежа от основы *mun=* [41, с.156]. Наречие *мунда* со значением ‘тут’ зафиксировано в тюркских памятниках XIV в. [96 а, с.17].

В «Алтан тобчи» нередко встречается сочетание *mön=e* (*mön*) *qoyina*, употребляющееся в «Сокровенном сказании» в виде *моно qoyina* (§209), *мона qoyina*¹ (§171) и переводимое С.А.Козиным «в будущем». Однако В.Л.Котвич считает этот перевод не точным, не учитывающим значение слова *моно*, которое, по его мнению, соответствует тюркскому *muna* от того же местоимения *bu* ‘этот’. Сочетание *моно qoyina* он предлагает переводить «теперь и в будущем» [41, с.156–157]. Восходя к тюркскому *bu* (*bun*), это сочетание претерпело эволюцию: в литературном языке и диалектах оно обрело форму с широким гласным переднего ряда (*mön*). В форме *mön/mön=e* оно зафиксировано и в языке «Алтан тобчи»: *Basa mön qoyina Bidügün=i uqud ta* [AT I, с.140] ‘Сейчас и в будущем вы вразумляйте Бидугуна’; *Mön=e qoyina önečin köbegün=i minu asaraqui=yi medetügei kemebe* [AT I, с.132] ‘Воля побратима/ позаботиться и сейчас и в будущем о моих сыновьях-сиротах’ (ср. соответствующие места в «Сокровенном сказании» §§171,209: *мона (моно) qoyina*).

Сопоставляя параллельные с «Сокровенным сказанием» места текста, можно полагать, что *mön* в тексте «Алтан тобчи» встречается и в значении наречия *munda*, так как заменяет его. Для сравнения приведем текст «Сокровенного сказания» и соответствующий в «Алтан тобчи»: *Ene bürün kē'esü munda alaysa=ıyan dayısırqaysan=ıyan ülü buça munda ji'an büyyü* [Сокр.сказ., §147] и *Mön bürin kemebesü mori alaysan=ıyan dayısırqaysan=ıyan ülü bučan mön jiyan buyu* [AT I, с.96]. В обоих случаях перевод может быть таким: ‘Теперь, когда ты все сказал, ты не скрываешь своей враждебности, то, что убил коня, теперь раскрываешь’.

Слово *mön* имело, по-видимому, в то время разные значения, в частности, использовалось и вместо наречия *munda*. В современном языке оно употребляется довольно широко, но с несколько иным кругом значений, что видно из следующих примеров: *мөн газар* ‘то же место’; *мөн шөнө* ‘в ту же ночь’; *тэр хүн энэ мөн* ‘он и

¹ Сочетание *мона qoyina* встречается и в китайско-монгольских надписях 1335 и 1362 гг., где оно обозначает ‘в будущем’ [110; 111].

есть тот человек' ; мен хэлэх 'говорить правильно' ; мен мен 'правильно, правильно' /МРС, с.244/ .

Üdter 'тотчас', 'немедленно', 'быстро': Köbegüd degüü minu üdter qaritqun /AT I, с.110/ 'Сыновья мои и младшие братья, немедленно возвращайтесь!' ; Namayi alar=a edüküi=e üdter qaritqun /AT I, с.109/ 'Пока меня еще не убили, скорей возвращайтесь!' ; Üdter uruldunam /AT I, с.100/ 'Тотчас сразимся' - сказал /он/. Иногда üdter употребляется в сочетании с наречием Jayur=a, передавая то же значение 'тотчас', 'немедленно': Bi morin unuyad üjetele üdter Jayur=a üleküü /türgen/ irekü bölüge /AT I, с.93/ 'Я бы оседлал коня и тотчас же приехал' .

Basa 'снова', 'опять', 'также', 'еще': Basa sutu Činggis qayan Qasar ekiten degüü ner=iyen soyun Jarliy bolurun /AT II, с.33/ 'И еще мудрый Чингис-хаган дал наказ своим младшим братьям во главе с Хасаром' ; Tömüčin köbegün edüge basa odusан ulus=i minu aburaJu ögbe /AT I, с.122/ 'Сын Тэмучин сейчас снова спас и вернул мой разбежавшийся народ' .

Möltü 'вскользь', 'второпях': ... möltü aldayulJu irebe bi kemekü bölüge /AT I, с.93/ 'Я бы сказал, что второпях /меня/ упустили и прибежал /к вам/ .

Sača 'сразу', 'тотчас': Toyoril qayan Jamuq=a=yin ede üges=i kürgegüliged sača qoyar түмед /tümen čerig=üd/ morilabai /AT I, с.57/ 'Тогорил-хаган, получив от Джамухи эти известия, тотчас выступил в поход с двумя тумэнами' .

В рассматриваемых ниже непроизводных с точки зрения современного монгольского языка наречиях можно выделить характерные для наречий словообразовательные морфемы, порой восходящие к падежным показателям.

Jayura 'дорогой', 'по пути' - форма местного падежа от корня Jayur= со значением 'промежуток': Kitad=un Jingdei qayan čerig=üd=iyen abcu Mongyol=du mordaJu iretele Jayura učaralduJu kitad yuu küriy=e uquJu ese qalyaba /AT II, с.148/ 'Китайский Джиндэй-хаган, отправившись со своим войском в Монголию, по пути встретился /с Эсэн-тайши/, но китайцы, вырыв вокруг глубокие рвы, не подпустили /его/ ' .

Gedergü 'назад', 'обратно', 'навзничь': ... gedergü qarayun yaryaba /AT II, с.148/ '... позади выставил караул' ; Sirge-tü ebügen bosun yadaJu Taryudai=yi tergen degere unayulJu gedergü degere inu aydalan sayuJu kitay=a yaryaju ögülerün /AT I, с.109/ 'Ширгэту-эбугэн взвалил на телегу Таргу-

дая, который не мог подняться, повернул его навзничь, сел на него верхом и, вытащив нож, сказал ...¹.

Esergü 'навстречу': İreküi=lüge uruyud mangyud esergü dobtulju jirüken=i darubai/[AT I, с.132/ 'С приходом [врага] уругуды и мангуды выступили навстречу и потеснили джуркэнов'; Daruju ködelgeju ayisuqui=dur, olan dongkiyad esergü dobtulba [AT I, с.132/ 'Когда тесня [врага] двигались дальше, [ему] навстречу бросились олан-донгхийады'.

В наречиях gedergü и esergü можно выделить =gü - словообразовательный элемент, присоединяемый к основе на=r: *gede=r=gü (ср. gede=yi 'выгибаться назад'), *ese=r=gü.

Manayar 'завтра': Köke Čos üde manayar dergede aju setkigsen=iyen kelen atuyai kemen jarliu bolba [AT II, с.27/ 'Пусть же Кокэ Чос обсудит с ним задуманное, находясь при нем с утра до вечера (букв. в полдень и завтра)'. В этом ныне неупотребительном и морфологически неразложимом наречии можно выделить словообразующий суффикс =yar (mana + =yar); ср. man=an 'утренний туман', mana=qu 'восходить [о солнце]' - особый наречный суффикс, генетически связанный с окончанием орудного падежа [41, с.315/ и присутствующий в таких наречиях, как üneger ~ üneker 'в самом деле', yaucayar 'одиноко'. Это наречие употребляется и в форме manayarsi, где =si наречный суффикс (ср. degegsi) 'выше', 'вверху', çayaysi 'дальше': ... manayarsi edür dölei naran kelberigülüged.../[AT I, с.129/ '... на завтра днем, когда солнце склонилось [к западу] ...'.

Üneker 'действительно', 'в самом деле'. Здесь также можно выделить корень üne= (ср. ünen 'честный, правдивый') + суффикс =ker: Berke kečegü üyile=dür minu qaril=ügei üneker jitgüju yabuuci ... Boyorči minu či nigen üge ögüle gebe [AT II, с.12/ 'Говори ты, Богорчи, по-настоящему усердно трудившийся в сложных и тяжких делах моих'.

Yaucayar 'одиноко', 'один', 'в одиночестве' (ср. yauca 'одинокий', 'единственный', 'только один'): ... nigen singqula mori=tu ulayan degel=tü uru=a=ban bariju yaucayar nekeju güyiceju irebe [AT I, с.45/ 'Их догонял в одиночку человек в красном тулупе на белом коне, с укрюком в руке'.

Qamtu=bar 'вместе', 'совместно' образовано посредством =bar, показателя орудного падежа² от наречия qamtu, в свою оче-

² Такой способ образования наречий особенно продуктивен в современном языке, например: сайн 'хороший', 'хорошо' - сайнаар

редь состоящего из корня *qam=* и суффикса *=tu*, обозначающего совместность или обладание чем-либо; ср. например: *qamtu dob-tulju oruyad siru=a ayta=tan=i üldeju yarbai* [AT I, с.45] 'Напали вместе и угнали соловых мерин' и *qamtu=bar yabubasu...* [AT I, с.106] 'Когда вместе шли ...'.

В наречии *sayitur* 'хорошо', 'хорошенько' можно выделить суффикс *=tur* (ср. *sayin* 'хорошо', 'хороший'); *Erketü Tngri=ece esitü qad=un sakiyulsun=bar sayitur tetgün ibegeju ...* [AT II, с.193] букв. 'Ханы, происшедшие от могущественного Тэнгри, хорошо помогают своей защитой ...'.

В наречиях *oyira* 'вблизи', 'рядом', *degere* 'наверх', 'наверху', 'тут', *doura* 'внизу', *dotura* 'внутри' можно выделить корни *oyi=r=a*, *dege=r=e* (ср. *degegsi*), *dou=r=a* (ср. *doyuysi*), *dotu=r=a* (ср. *dotuysi*), основообразующий элемент *=r* и показатель древнего местного падежа *-a*. Приведем несколько примеров: *Oyira dergede ken bui kemebesü qongqotan=u Ćirq=a ebügen=ü köbegün Menglig oyira bui kemebesü ...* [AT I, с.31] 'Когда спросил: «Кто здесь поблизости находится?», - [тот] ответил, что поблизости находится сын хонхотанского Чирха-эбүгэна Мэнглик'; ... *degere kümün ülü üküyü* [AT II, с.30] '[Когда] человек наверху, он ведь не погибает'; *Adai qayan=i Toyun tayisi mön degere bariba* [AT II, с.134] 'Тогун-тайши тут же захватил Адай-хана'; ... *mön öbesüben दौरа sayujuqu* [AT I, с.118] '... сама села ниже'; *Basa tere Ćilayun=i qayalaju üjebesü dotura inu qas-buu tamau=a ajuu* [AT I, с.26] 'Когда расколол тот камень, внутри лежала нефритовая печать'.

В таких наречиях, как *ende* < **en=de* 'здесь', *tende* < **ten=de* 'там', *erte* < **er=te* 'рано', *urida* < **uri=da* 'раньше', 'прежде', *önide* < **öni=de* 'навек', 'навсегда', *genedte* < *gened=te* 'вдруг', 'неожиданно'³ *anggida* < *anggi=da* 'от-

---

'хорошо'; муу 'плохой', 'плохо' - муугаар 'плохо'; тургэн 'быстрый', 'быстро' - тургэнээр 'быстро'.

³ А.С.Козин полагал, что *genedte* - отглагольное существительное со значением 'неожиданность', образованное тем же суффиксом, что и группа глаголов на *=t*, которые встречаются только в «Сокровенном сказании...» и близких по значению образованиях на *=m*, *=mui*, *=qun*, но с некоторым оттенком сомнения [35, с. 28-33].

дельно', dergedе < *derge=de 'рядом', 'около' можно выделить кор-
ни и суффикс =da /=de(=ta/=te), - показатель дательного-местного па-
дежа.

В языке «Алтан тобчи» подобные наречия встречаются сравни-
тельно часто: Eсе suraysan мауу=yi ende talbiĵu од [АТ П, с.
23] 'Отправляйся, оставив здесь то плохое, чему не учили'; Ten-
de tatar=un Yeke Ćerū=yin ökin Yisügen qatun=i Ćinggis
qayan abuba [АТ I, с.117] 'Там Чингис-хаган взял в жены Есу-
гэн-хатан, дочь татарского Екэ-Чэру'.

Наречие ende (равно как и tende) употребляется и в фор-
ме исходного падежа: ... nigen ökin=ü öngge ger=e [gerel]
endeĉe üjegdemü [АТ I, с.8] '... отсюда виден свет, исходящий от
этой девушки'; ... endeĉe tendeĉe qubĉiĵu [АТ I, с.149] 'Собрав
отовсюду (букв. отсюда оттуда)...'; Basa tere köbegün=i der-
gede sayulyaĵu... [АТ П, с.10] 'Тому мальчику велел также
сесть рядом...'; Urida qorĉi noyan Qutuĵ=a beki qoyar
tümед=e bariydaĵu ... [АТ П, с.24] 'До этого [раньше] Хорчи-
нойан и Худуга-бэки были захвачены тумэдами'; qayan eĵen
tegün=eĉe qoyinaysi=de Boyorĉi=yi önde masi qayiralaba
[АТ I, с.108] 'Владыка хагана после этого навеки очень полюбил
Богорчи'; Eke=yi genedte ireküi=lüge ayuqu=bar ayuba [АТ П,
с.38] 'Очень испугался, когда неожиданно вошла мать'; Erte bo-
sĉu oroi kebten... [АТ П, с.23] 'Рано вставая, поздно ложаюсь...';
... abuysan er=e qola anggida alus kedüs qamiĵ=a uday=a
kemen ĵarliĵu boluysan aĵuyu [АТ П, с.21] '... муж, которого взяли
[в мужья], отдельно (букв. порознь) куда далеко уйдет'.

Суффикс =de присоединяется иногда и к однозначным словам,
как, например, yeke 'большой', 'очень' - yekede 'очень': ... bur-
qan=i sasin=i yekede delgeregölbei [АТ I, с.6] '... весьма рас-
пространил буддийскую веру'.

В наречиях edüge < *edü=ge 'сейчас', 'теперь', örlüge <
*örlü=ge 'утром' можно выделить суффикс =ĵa /=ge (ср. ĵada=ĵa,
ĵada=na 'снаружи'): Bi ber edüge ütelbe [АТ I, с.122] 'Я сей-
час состарился'; Mendü örlüg örlüge bosuyad qayan=i temĉebe
[АТ П, с.139] 'Мэнду-орлук, встав утром, поспешил к хагану'.

В таких наречиях, как qoyina 'после', 'потом', 'сзади' (от
qoyi=; ср. qoyitu 'на севере', 'сзади'), emüne 'вперед' (от
emü=), ĵadana 'снаружи' (от ĵada=), можно выделить наречный
суффикс =na /=ne: qoyina küriyen=dür basa sibegeleĵü eсе abtaba
[АТ П, с.177] 'Потом построили еще частокол в курене и не были
захвачены'; ... tende tabun öngge dörben qari=yi emüne=e=

ben çiyulıyaŋı ... [AT II, с. II] '... там [он] собрал впереди себя пять цветных и четыре чужих народа ...'; ... yadan=a yarcu qonıyad ... [AT I, с. 156] '[Сами] выходят наружу и спят ...'. Эти же наречия употребляются и в форме исходного падежа, например: Emüne=ece irekü dayisun=i böglesü ... [AT I, с. 99] 'Врагов, идущих спереди [с юга], задержу...'; Tömücin qasar tan emüne qoyına=aça inu ötürmeljü odbai [AT I, с. 37] 'Тэмучин и Хасар [один] спереди, [другой] сзади выстрелили и ушли'.

Среди наречий можно выделить образования с суффиксами =ysi, =si (как правило, это – наречия, указывающие направление действия): inaysi 'дальше', 'вперед', 'в эту сторону' (от ina=, ср. inadu 'находящийся по эту сторону'), çinaysi 'назад', 'дальше', 'в ту сторону' (от çina=, ср. çinadu 'находящийся по ту сторону'); degegsi 'верх', 'выше' (от dege=, ср. degere 'наверху'); qoyisi / qoyinaysi 'сзади', 'дальше' (ср. qoyina 'позади'); doruysi 'внизу', 'вниз' (от do=, ср. dour=a 'внизу'), uruysi 'вперед'; qamıyasi / qamıyasi 'куда' (ср. qamıy=a 'где', 'куда'); например: Ulam inaysi yabuysan=dur ... dung buriy=e=yi abubai [AT II, с. 182] 'Когда пошли еще дальше, взяли трубу из раковины [дунг-бурэ]'; ... darui öndür degere yarcu tuy=un terigün=i doruysi qatquju ... [AT I, с. 101] '... тотчас же взобрались на высоту и воткнули вниз [в землю] древа знамен ...'; Boyorçı uruysi=ban alalduŋı yabuŋı qoyinaysi=ban qaraŋı üjegend ... [AT I, с. 101] 'Богорчи, сражаясь, продвигался вперед, а оглянувшись назад, увидел ...'; Ejen=iyen altan jıluu=a qamıyasi bolbasu buu qayacasu gebe [AT I, с. 99] 'Где бы ни были золотые поводыя государя, не разлучусь [с ним]'.

Вероятно, этот же суффикс =si присутствует и в слове üdesi 'вечер', 'вечером' (ср. üde 'полдень'): ... yurban qonuŋı üdesi naran qobur [dalda] tasin бүкүи=dür nigen yeke kürıy=e irgen=dür kürbesü ... [AT I, с. 45] '... через три дня, вечером, когда солнце уже склонялось к закату, подъехали к одному большому куреню ...'.

К наречиям на =ysi, =si может присоединяться суффикс =da / =de: Töbed=ün kümün uçıraŋı qamıy=a=aça irekü buyu geŋü asyaba. Degegside jıyabai [AT I, с. 4] 'Тибетцы, встретив его, спросили: «Откуда прибыл?» [Он] показал вверх'; Tngri=ece inaysi=da qorin nigen üy=e boluysan=u qoyına, teyin=kü Boyda qubilŋı törüged ... [AT II, с. II] 'Через двадцать одно поколение [после того, как спустился] сюда с Неба, родился [тот сын] и превратился в этого самого Богда'.

От числительного nigen 'один' при помощи суффикса =te образовано наречие nigen=te 'уже', 'однажды': Yisügei bayatur anda minu odun baraysan ulus=i minu nigen=te aburaĵu ögbe /AT I, с.122/ 'Есугэй-багатур, мой побратим, однажды уже спас и вернул мой захваченный народ'.

Глагольное происхождение имеет наречие darui 'тотчас', 'немедленно', 'вскоре', образованное от глагольной основы dar= 'теснить', 'притеснять', 'давить' 'побеждать' посредством суффикса =ui: ... darui öndür degere yarcu ... /AT I, с.98/ 'Тотчас взберусь на вершину и ...'.

В «Алтан тобчи» употребляются также наречные словосочетания, tedüi atala 'тем временем' (из tedüi 'так', 'столь', 'столько' и atala – форма деепричастия предела от архаичного глагола a= 'быть', 'существовать'): činggiĵü bayitala 'тем временем', 'таким образом' (из činggiĵü 'так', 'таким образом' и bayitala – форма деепричастия предела от глагола bai= 'быть'): Tedüi atala Dow=a soqor ügei boluysan=u qoyina ... /AT I, с.9/ 'Тем временем, после смерти Дува-сохора ...'; Činggiĵü bayitala Boroqul=un toluysai=du samu tusba /AT I, с.102/ 'Тем временем в голову Борохула попала стрела'.

Встречаются и парные наречия, вроде endese tendese /AT II, с.41/ 'со всех сторон (букв. отсюда-оттуда)', и наречия-повторы, состоящие из двух компонентов, объединенных по созвучию, при этом один из них или даже оба могут не иметь самостоятельного лексического значения, типа alus kedüs 'далеко' (alus 'далеко', kedüs – созвучный компонент): Belen ner=e er=e=yi beki-lebesü, abuysan er=e qola anggida alus kedüs qamiy=a odqu kemen ĵarliy boluysan aĵuyu /AT II, с.21/ 'Если закрепишь именитого мужа, то как далеко уйдет тот муж, который взят в мужья?', – так /он/ сказал'. Сюда же относится ubur subur 'друг за другом' (компоненты объединены по созвучию; ср. в совр. монг. уван цуван 'гуськом, друг за другом' при цува= 'идти поодиночке друг за другом'); qoyina=ača inu ubur subur /ulam sulam/ nekeĵü ayisun ĵired/ /AT I, с.45/ 'Сзади один за другим приближались [гнавшиеся люди]'. В этом предложении ubur subur пояснено в тексте дополнительной глоссой ulam sulam 'мало-помалу' (при ulam 'еще', 'все более', sulam – созвучный компонент).

Из числительного nige 'один' и слова mösün 'раз' /34/, не имеющего в современном монгольском языке самостоятельного лексического значения, образовано наречие nige mösün 'сразу',

‘в один прием’: ... temür dörögetü köl=i nige mösün tasu
ᠳᠠᠪᠴᠢᠪᠠ [АТ II, с.174] ‘Сразу отрубил ногу в железном стремени’.

Послелог

Послелогам принято называть служебные слова, при помощи которых осуществляется управление именными формами для выражения пространственных, временных и ряда других отношений.

Важным критерием для отнесения послелогов к разряду служебных слов является несамостоятельность исходного знаменательного слова как члена предложения в результате его грамматикализации в определенных синтаксических конструкциях. Вместе с тем, как известно, степень абстрагирования знаменательного слова от своего лексического значения бывает различной, и послелог, будучи служебным словом, сохраняет ту или иную степень соотнесенности с реалиями через посредство соответствующего знаменательного слова. Иначе говоря, послелог имеет опосредованную соотнесенность с реалиями.

Большая часть монгольских послелогов исторически восходит к знаменательным словам с реальной семантикой, а некоторые и ныне являются омонимами по отношению к полнозначному знаменательному слову. И лишь немногие из послелогов почти невозможно возвести к тому или иному знаменательному слову.

Исходя из степени грамматикализации знаменательных слов, послелог можно подразделить на две группы:

а) собственно послелог,

б) послелог – изолированные (определенным образом грамматикализованные) формы знаменательных слов.

С о б с т в е н н о п о с л е л о г и – это слова, семантически не соотносимые с реальными предметами, признаками или действиями и выполняющие в предложении роль только грамматических показателей. Число таких послелогов крайне ограничено.

Tula / tulada ‘так как’, ‘потому, что’, ‘для того, чтобы’, ‘за’, ‘ради’. Этимология этого слова не ясна. Можно только предположить его именное происхождение: tulada – форма дательного падежа от tula . В отличие от современного языка, где tula управляет основой, выражая причину (‘так как’), и родительным падежом, обозначая цель (‘для того, чтобы’), в языке «Алтан тобчи» он употребляется только с родительным падежом и передает как причинное, так и целевое значение, что выявляется из контекста.

Последог tula встречается чаще, чем tulada, хотя никакой разницы в их значении не прослеживается. Для сравнения приведем несколько примеров: *Noymusiü*⁴ *aburi=tu=yin tula noyakin omu=tan bolba* [АТ I, с.18] 'Так как был княжеского нрава [как ной-ан], то образовался род нойакин'; *Bayurđi Sigürđi ögüler=ün, Yisügei bayatur Negün tayisi qoyar=i ügei=yin tula eyin=kü askiydaqu man=u yaayan kemeged yeke dayun uyilajuqui* [АТ I, с. 77] 'От того, что не стало Есугэй-багатура и Нэгун-тайши, меня так избивают', — сказал повар Шихурчи и громко заплакал'; *Jebelekü ama çayan qula=yi minu aman niguyu=yi inu qarbuysan=u tula Jebe kemen nereyidcü Jebeley=e čima=yi kemen* [АТ I,

с.96] 'Так как ты ранил в спину и шею моего боевого саврасого [стрелой-дзэбэ], будем теперь называть тебя Дзэбэ'; *Gegen qayan öberiyen kiçayar daki qaranguı=yi geyigülkü=yin tula ... Blam=dur bayasqulang=un qurim mörgükü=yin beleg ... etgüjü mörgübei* [АТ II, с.182] 'Чтобы озарить светом темноту в своих землях, Гэгэн-хаган ... поклонился Ламе и преподнес [ему] праздничные подарки'; ... *tngri=dü çayan mori, yaçar=tu qara üker alan takıju qoyar ulus ey=e yabuqui=yin tula aman alaba* [АТ II, с.192] 'Чтобы два народа жили в согласии, поклялся принести в жертву Небу — белого коня, Земле — черного быка'.

Подобное значение имеет и последог tulada: *Seçeyiken aqai somus. Qayan eçige činu ðamayı ökin törügßen=ü tulada oyırad irgen daruyulan nutuylaba* [АТ II, с.23] 'Сэчэй-хэн-ахай, слушай! Хаган, отец твой заставил покориться и кочевать [здесь] ойратский народ, ради тебя, рожденной [им] дочери'; ... *irgen orqun=i inu Ong qayan=a abču öggügßen=ü tulada ten-de anda bolulčabai* [АТ I, с.112] 'Так как [отобраз] людей и скот его, отдал их Онг-хагану, они стали побратимами'; *Tegün=ü qoyina Manduquli qayan üge olulçaqui-yin tulada qoyar elči ile=gegsen ajuyu* [АТ II, с.154] 'После того Мандухули-хаган послал двух послов для того, чтобы объясниться (букв. обменяться известиями)'.

Последог tula / tulada употребляется в «Алтан тобчи» довольно часто и, по-видимому, с более широким кругом значений, о чем можно судить по отсутствию в данном тексте таких последогов,

⁴ Так в тексте «Алтан тобчи» и в рукописи *vm. noyamsiü*.

как *töölüge* 'для', 'за', 'об' и *tuqai* 'о', 'об', 'относительно', роль которых выполняют *tula / tulada*: *Onon mören=ü ergi ki ... uruy=un uruy=ıyan tulada, ordu ger=ıyen tula olum bolyabai ʃ=a bi. Kerülen mören=ü ergi ki ... kereg=tü uruy=ıyan tulada, ger terge=ıyen tula getülgen bolyabai ʃ=a bi* [АТ II, с.33] 'Берег реки Онон ... я сделал бродом (т.е. переправой) для всех своих родичей, для дворцовых юрт, берег реки Кару-лэн ... я превратил в переправу для нужд своей родни, для своих юрт и повозок'.

Metü обозначает умодобление чему-либо 'как', 'словно', 'подобно'. Управляет первой (полной) основой имени, например: *Edüge neren saran metü lam=a qayan qoyar=un ućiraysan=u aći=bar ...* [АТ II, с.183] 'Благодаря тому, что теперь встретились хаган и Лама, подобные солнцу и луне ...'; *Erten=ü Alun you=a=yin tabun köbegün metü yakin ey=e tan=u öbere bolbai* [АТ I, с.36] 'Вы так же не согласны между собой, как пятеро сыновей Алун-гоа, [жившей] в прежние времена'.

Синонимом *metü* является послелог *sitü*. В отличие от *metü* он в «Алтан тобчи» зафиксирован в одном случае: *Gayća köbegün minu ügei sitü ʃayća bui* [АТ I, с.122] 'Единственный сын мой, [он] один [у меня] (букв. единственный сын мой, единственный, подобно тому, что нет)'. Приведенный пример имеется в тексте «Сокровенного сказания» (§164). Один раз этот послелог употреблен в китайско-монгольской надписи 1338 г. В комментариях к переводу монгольского текста на английский язык Ф.Клива указывает, кроме того, на случай употребления *sitü* в тексте «Сяо цзин» (не опубликован) и на упоминание о нем А.Мостартом в его ордосском словаре [II2, с.54,80-81/].

В рецензии на книгу Г.Д.Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» (т.I) Л.Лигети предлагает рассматривать *sitü* в связи с послелогом *metü* и *singgi*, считая, что *sitü* семантически примыкает к *metü* и *singgi* ... и связан с последним этимологически. Кроме «Сокровенного сказания» и китайско-монгольской надписи 1338 г. Л. Лигети приводит примеры употребления *sitü* в некоторых других монгольских текстах [42, с.140/].

Послелог и — изолированные формы знаменательных слов. Сюда относятся послелог, выделившиеся из разряда знаменательных слов, главным образом из разряда имен, наречий и реже глаголов. Они управляют той или иной падежной формой именных частей речи, порой утрачивая лексическое значение самостоятельного слова.

Asi=bar 'благодаря, вследствие, в результате', 'так, как', представляет собой форму орудного падежа от asi 'услуга', 'благодарение', 'благодарность', управляет родительным падежом: Tede-ger asitu qad=un asi=bar burqan=u šasin edüge kürtel=e delge-regülügsen ajuyu [AT I, с.6] 'Благодаря тем благодетельным ханам и до сих пор распространена буддийская вера'; ... usiray-san=u asi=bar [AT II, с.183] 'Благодаря тому, что встретились...'.
 Yosuɣar 'согласно', 'в соответствии с', 'так же, как и' является формой орудного падежа от yosu 'обычай, традиция, закон'; причем, как уже отмечалось в литературе, «в классическом языке наметилась и утвердилась орфографическая дифференциация между послалогом и формой орудного падежа: јосугар (своеобразная транскрипция устной произносительной формы јосор) 'по', 'согласно', 'в соответствии' и јосун-іјер или јосу-бер 'законом, обычаем, порядком'» [74, с.217]. Послалог yosuɣar управляет основной и родительным падежом, например: ... basa kü uridu yosu-ɣar ügei bolbai [AT I, с.2] 'Так же как и прежде исчезла'; Edüge ... qamuy=iyar arban buyan=u yosuɣar yabutuɣai [AT II, с.183] 'Теперь пусть все живут согласно десяти добродетелям'.

Esergü 'к', 'против', 'навстречу', управляет основной и родительным падежом, например: Naran esergü büse=ben küjügün=degen elgüjü ... [AT I, с.53] '[Повернувшись] к (букв. навстречу) солнцу, повесил свой пояс себе на шею ...'; Ğinggis qayan Ong qayan qoyar qamtudju Ğamıq=a=yin esergü inu morilay=a kemeldüjü ... [AT II, с.89] 'Чингис-хаган и Онг-хаган, объединившись вместе, решили выступить против Джамухи'.

Umara ~ umara=ača 'за', 'ззди' (от umar 'север', 'северная сторона'), управляет родительным падежом, например: ... ger=ün umara Ğedei, Ğelm=e qoyar muɣuljir qara üker Ğimelen alaɣu büküi=dür ... [AT I, с.144] 'Когда Джэдэй и Джэлмэ резали за юртой черного комолого быка ...'; Ger=ün umara=ača kebte-gül=lüge qamtu bayıɣi kelegegegültügei ... [AT I, с.156-157] 'Пусть сообщают [сведения], находясь с кэбтэгулами за юртой'.

Selte 'вместе', 'совокупно', принадлежит к числу древнейших послелогов, о чем можно судить по употреблению его в памятниках XIII – XIV вв. [IIО, с.67]. О его именном происхождении можно судить по способности присоединения к нему падежного показателя, например: Basa tatar=un Alıi qayan arban yurban nasutu büküi=dür eke selte=yi dayalıɣu odıu ... [AT I, с.114] 'Татарский Аджи-хаган захватил [его] вместе с матерью, когда [тому] было тринадцать лет ...'; Quda Ğilayun qoyar köbegün irgen selte=

y1 tūlijū [olʃalaʃu] Činggis qaγan=a ese ɔgbe [AT I, c.II9/ 'Захватили [в плен] его сыновей Худу и Чилагуна вместе с подданными, но Чингис-хагану ничего не дали'.

Dotura 'в', 'внутри', 'среди'; по происхождению – это форма местного падежа на =a от dotur 'нутро', 'внутренность', 'внутренняя сторона чего-либо'. В качестве послелога управляет основной и родительным падежом, например: Tere kōbeγūn=i inu ger dotur=a ʃaruqu bōlūge [AT I, c.I0/ 'Того мальчика сделал слугой в прте'; İldei eke ger=ūn dotura bōlūge [AT I, c.I43/ 'Илдэй находилась в прте'; Tōmūčin siγui dotura yurban qonubasu ... [AT I, c.38/ 'Тэмучин трое суток провел в роще ...'. Послелог dotura управляет чаще основной и реже родительным падежом неодушевленных имен, передавая значение предлога «в»: в прте, в лесу, в постели, в роще. Имея же значение 'среди', 'внутри', он управляет родительным падежом одушевленных имен и основной неодушевленных, например: ... yoruqan uruγu neγūjū ayisuqui [ireküi/ irgen=ū dotura nigen qarqudai [segür/ tergen=ū ɔlʃigede [küdegei aral=dur/ sayuysan nigen ɔkin=ū ɔngge ger=e [gerel/ endeçe üjegdemü [AT I, c.8/ 'Откуда виден свет, исходящий от девушки, которая сидит в крытой повозке среди приближающихся в реке людей'; Qamuγ quraγsad=un dotura üge ɔgūlekūn=i masi berke acila [AT II, c.7/ 'Очень трудно говорить среди всех собравшихся'; Balai=yin qoyiγ dotura qarabtur sibayun kōgū qara čilayun degere... yurban edür dongyudbai [AT I, c.26/ 'На камне [посреди] морского полуострова ... три дня кричала черноватая птица'.

Adali 'похожий', 'одинаковый', 'как'; в качестве послелога управляет дательно-местным падежом, например: Morin kūmūn ber činu suraqui=dur adali teyimü kūmūn bui [AT I, c.I4/ 'Конь и человек, подобные тому, что ты спрашиваешь (букв. подобные твоему спрашиванию), есть'; Yisügen qatun=u üge=dür adali bolyaʃu ... [AT I, c.II8/ 'Она соответствовала (букв. была подобно) словам Есугэн-хатун'; Ene uridaki törül=dür adali busu kemeldūjū ... [AT I, c.4/ 'Говорили между собой, что ... не похож на прежнее перерождение'.

Sačayu 'одновременно', 'наравне', образован от имени sačayu со значением 'одинаковый', 'равный'. В качестве послелога управляет соединительным падежом: Qara quluyan=a qara qorusun=i amsabasu, qad=luy=a sačayu bui kemen sedkil aɣuyu [AT II, c.58/ 'Если черная мышь попробует крепкой водки, то уже ставит себя наравне с ханами'.

Jūg 'в сторону', 'по направлению к' (от jūg 'сторона', 'направление'), в качестве послелога управляет основой, например: Mön söni jōrcin Jamuq=a jūg ködelbe [AT I, с.68] 'В ту же ночь отправились в сторону Длахуми'; Cinggis qaγan Onan jūg tay-ičiyud=un Naγaču bayatur=i nekebe [AT I, с.90] 'Чингис-хаган преследовал тайчигудского Наγачу-багатура по направлению к [реке] Онон'; ... γar=ıyan ebüdüg=tūr=ıyen daruγu Qaldun=a jūg yiwün=te söküdcü ... [AT I, с.53] '... прижал руки к коленям и девятикратно поклонился в сторону горы Халдун ...'.

Anggida 'отдельно от', 'без', (от anggi 'часть' + =da), в качестве послелога управляет исходным падежом: Nökur bi cim=a=aça anggida morin=iyan ker abqui bölüge [AT I, с.46]
'Друг, как бы я без тебя вернул своих коней?'.
[10]

Иногда degere имеет значение 'около', 'рядом': Cin=u degere bide üküy=e gejü ... [АТ П, с.171] 'Мы умрем около тебя', - сказали [они]'.

ke uquju nüken degegür tuluy delgeju. /АТ II, с.140/ 'Ойраты внутри яры выкопали большую глубокую яму, а на яму положили войлок'; а degegün (из dege= + =gün) 'мимо', 'рядом', 'около' управляет родительным падежом: Kebtegül=ün degegün ken ber buu orutuıai /АТ I, с.157/ 'Никто не должен ходить мимо кэбтэгулов!'.
Degereče 'с': Morin degereče naruyi(t)ču alqui=dur ... /АТ I, с.22/ 'Когда, наклонившись с коня, взял /ее/ ...'.

Dergede 'около', 'возле', 'у', 'к', управляет родительным падежом: Oyıtü Öcigen či minu dergede sayu /АТ I, с.76/ 'Ты, Ойту Очигэн, будь (букв. живи) около меня'; Tere ökin usun=u dergede olun kümün bayiqui=yi üjged eciju kelebe /АТ II, с.159/ 'Та девушка увидела около воды много людей, подошла и сказала...'; Altan ordun=u dergede irebei bi /АТ II, с.162/ 'Я пришел к золотому дворцу'; Qas ordun=u dergede irebei /АТ II, с.162/ 'Пришла я к нефритовому дворцу'.

Uruyu 'по направлению к /по/', употребляется для обозначения передвижения вниз; в качестве послелого управляет основой: Tendeče Cinggis Dalan Nemürgen=eče Qalq=a uruyu ködeler=ün /АТ I, с.136/ 'После того Чингис из Далан Нэмургэна двинулся по течению /вниз реки/ Халхи'; Eciqe=dür=iyen neyilen Selengge uruyu ködeljüki /АТ I, с.121/ 'Соединившись с родителем, двинулся вниз по Сэлэнге'; Kerülen mören uruyu morilar=un, Cinggis qayan ber, Altan, Quçar Daridai yurban=i manglai yabuvulbai /АТ I, с.89/ 'Направляясь вниз по реке Кэрулэн, Чингис-хаган послал в качестве передового дозора троих: Алтана, Хучара и Даридаю'. В современном языке послелог uruyu грамматикализовался в падежный показатель руу/луу (направительный падеж), с подчинением закону гармонии гласных и с чередованием начальных р~л в зависимости от конечного звука основы (л употребляется после основ на р): цэцэгруу 'на цветы', гарлуу 'в руку' /56, с.96/.

Ögöde / ögede как антоним послелого uruyu обозначает направление движения вверх ('по', 'к'), управляет основой имени, например: Biden=ü qaraqul=a üldegdeju ayula ögede dutayaqui bolun ... /АТ I, с.119-120/ 'Остановленный нашим караулом, бежал в горы ...'; Tedüi atala Tönggelig yoruqan ögöde nigen kümün aısun irebei /АТ I, с.15/ 'Тем временем вверх по реке Тунгэлик приближался человек'; Tedeger Ulja ögede türüju /kürüju/ ayısui kememüi /АТ I, с.81/ 'Они бегут вверх по реке Улдже», - известил /он/''.

Dumda 'среди', 'в', 'в центре', 'между', управляет основной и родительным падежом: Boyda Ćinggis qayan busud=a kilingleĉü ayur dumda kelelekü bolun [AT II, с.36] 'Святейший Чингис-хаган в гневе на других сказал ...'; Ćinggis qayan...Yisui qatun Yisügen qatun=u dumda sayuĵu undalaldun büküi=dür Yisüi yekede sigüresülebe [AT I, с.118] 'Когда Чингис-хаган утешал жаду, сидя между Есуй-хатун и Егугэн-хатун, Есуй-хатун тяжело вздохнула'; Eĵen esegei dumda sayuqui=a ĵabduysan=dur ... [AT I, с.77] 'Когда государь хотел сесть посередине войлочной подстилки ...'.

Qamtu 'с', 'совместно с', состоит из корня qam= и суффикса =tu, обозначающего совместность или обладание чем-либо, управляет соединительным падежом⁵: Boyda, Tüdei neretü kümün=i Omi Seĉen=luy=a qamtu qaraĉin=du ĵarĉiĵu ... [AT II, с.191] 'Вместе с Оми Сэчэном государь отправил к харачинам человека по имени Тудэй'; Ta nigen sayin kümün=i yaĵuĵu Tüdei=lüge qamtu ilege geĵü ... [AT II, с.191] 'Вы выделите одного хорошего человека и пошлите вместе с Тудэем'; Ćayadai öĉüken=eĉe nada=luy=a qamtu ulus baiĵyulduluy=a [AT II, с.57] 'Чагадай с малолетства создавал вместе со мной государство'.

Urida 'до', 'до того, как', 'перед', управляет родительным падежом: Ede dörben külüg=üd=i kürküi=yin urida ... [AT I, с.122] 'До того как прибыли эти четверо кулюков (богатырей)...'; Tegün=ü urida bide ĉerig morday=a geĵü ... [AT II, с.152] 'Мы выступим в поход раньше его ...'.

Emüne 'до', 'перед', иногда 'для', управляет основной с безличной притяжательной формой и родительным падежом: Eĵen=iyen emüne inggeĵü yabuĵü kücün=yien öggüdeg buyu [AT I, с.101] 'Вот так-то ты, идя перед своим государем (букв. впереди своего государя), отдаешь ему свои силы?'; Ede eĉige köbegün qoyar odun baraysan ulus=i nada quriyaĵu öggür=ün ken=ü emüne quriyaĵu öggün ĵobamui [AT I, с.122] 'Оба они, отец и сын, собрали для меня разбежавшийся народ, для кого же они собирают и возвращают [его]'; Qayan eĵen=iyen emüne üneker ĵitküyele ... [AT II, с.5] 'Для своего хагана государя воистину постараемся ...'; Qayan ügei geĵü ger=ün emüne sayutala ... [AT II, с.128] 'Хагана нет», - сказал [он] и сел перед юртой'.

⁵ В современном языке послелог хамт управляет совместным и родительным падежами [74, с.204, 212].

qoyina / qoyisi / qoyinaysi / qoyiyur - самые распространенные в тексте «Алтан тобчи» послелого, образованные от qoyi= при помощи суффиксов =na, =si, =naysi, =yur. Они имеют значение 'после', 'вслед за', управляют основой, родительным и реже исходным падежами.

После основы причастия прошедшего времени послелог qoyina имеет значение 'после того как': Eу=е barabasu umdan uuysan qoyina Belgütei terigüten tenden orutuyai kemen Jarliy bolba [АТ I, с.117] 'Когда совет закончится и после того как будут выпиты напитки, пусть входит туда Бэлгутэй [со своими людьми]', - так соизволил сказать [хаган]; Tere elči=yi yaryusan qoyina Qaraycin Dayibučin kegüken=dü suryal kelebe [АТ II, с.145-146] 'После того как гонцы ушли, Харагчин Дайбучин дала ребенку наставление'; Dobu mergen=i önggeregsen qoyina Alun you=a ere ügei yabuju Bodançar=i törübei [АТ II, с.186] 'После смерти Добу-мэргэна Алун-гоа, живя буз мужа, родила Боданчара'.

Точно такое же значение qoyina передает, управляя родительным падежом. Причем в «Алтан тобчи» примеров с родительным падежом в количественном отношении больше, чем с основой, тогда как, по наблюдениям Г.Д.Санжеева, в позднейших текстах основа постепенно вытеснила родительный падеж [74, с.230].

Примеры на управление родительным падежом: Tere negjigül=i oduysan=u qoyina Torγan Sira ögülerün [АТ I, с.43] 'После того как обыск закончили, Торган Ши́ра сказал ...'; Mongyol=un törü=yi abuysan=u qoyina Toγun tayisi ... ejen=ü naiman sayan ger=tü mörgüjü ... [АТ II, с.146] 'После взятия монгольского государства Тоγун-тайши ... [отправился] совершить поклонение восьми белым юртам владыки ...'; Egün=ü qoyina yeke eу=e=dür Belgütei buu orutuyai [АТ I, с.117] 'После этого Бэлгутэй пусть не входит в Большой совет'.

Послелог qoyina встречается и в форме исходного падежа qoyina=aça; в этом случае он управляет основой: Boyorči=yin iregsen qoyina=aça qan ejen Učir Sečen=i tangnayul ilegebe [АТ I, с.106] 'После того как вернулся Богорчи, хан владыка послал в разведку Учир Сэчэна'.

Послелого qoyisi / qoyinaysi / qoyiyur управляют родительным падежом: Tegün=ü qoyisi bi edüge boltala ... [АТ II, с.183] 'После того и до сих пор ...'; ... unaqu naran=u qoyiyur qari bolum gejü ečibe [АТ II, с.25] '... вернулся, решив жить к северу от захода солнца'. Послелог qoyinaysi в форме дательно-

местного падежа управляет исходным падежом: qayan ejen tegün=ese qoyina=yısi=de Boyorçı=yı öni=de ması qayiralaba [AT I, с.108] 'Хаган владыка после того навсегда очень полюбил Богорчи'.

Umara=aşa 'позади', 'сзади'—форма исходного падежа от umara 'север', управляет родительным падежом: ... ger=ün umara=aşa kebtégül=lüge qamtu bayıju kelegeültügei kemebei [AT I, с.156] 'Пусть докладывает позади юрты в присутствии кэб-тэгула!'.

Siqam 'около', 'возле' образован от глагольной основы siqa= 'жать, прижимать', 'подходить вплотную', управляет основной именни: Tömişin anda ayula siqam bayu=a [AT I, с.65] 'Побратим Тэмучин, сойдем [с коней] возле горы!'; Goul siqam bayu=a [AT I, с.65-66] 'Сойдем [с коней] около реки!'.

Kürtele 'до', 'вплоть до', по происхождению форма деепричастия предела от глагольной основы küg= 'достигать, доходить'; управляет местным и дательно-местным падежами: Çinggis qayan tede tayıçıyud=i uruу=un uruу=a kürtele ünesü=ber keyis-ken kiduba [AT I, с.96] 'Чингис-хаган развеял в пепел тех тайчигудов до потомков их потомков [последнего колена]'; Amaqai=yı ükübe kemen Ogelen=e kürtele eyin kemeğdekü bolba [AT I, с.33] 'Под тем предлогом, что Амахай умер, [все] вплоть до Огэлэн стали так разговаривать [с нами]'; Toryan Sira=yin ger tergen iseri=yin alam=dur kürtele üjejü ese oıju ... [AT I, с.42] 'У Торган Ши́ра осмотрели юрту, телеги [все] до подстилок, но не нашли ...'.

Частицы

Частицы, как известно, не являются средством синтаксической связи слов в предложении. Не влияя на синтаксическую функцию слов, частицы лишь способствуют выражению различных смысловых оттенков какого-либо слова или предложения в целом.

Характер частиц, сочетаемых с другими языковыми единицами, неодинаков. Поэтому они и подразделяются на группы, или разряды. В языке «Алтан тобчи» нами выделены следующие разряды частиц.

Частицы отрицания

Они делятся на: 1) препозитивные – а) запретительные, употребляемые только при повелительно-желательных формах, б) собственно отрицательные, употребляемые при различных глагольных фор-

мах (изъявительных, причастных и деепричастных), и 2) постпозитивные, употребляемые после имен и причастных форм.

Что касается запретительных частиц *buu* и *bitegei*, то их значение абсолютно конкретно, так как они не встречаются ни при каких иных глагольных формах, кроме повелительно-желательных, выражая прямой запрет действия⁶, например: *buu yabuytun* 'не ходите'; *ende bitegei sayu* 'здесь не сиди' [AT I, с.349-358 ; 76, с. 274]. В «Алтан тобчи» запретительная частица имеет только одну форму *buu*⁷, употребляемую при различных повелительно-желательных формах: 1) с повелительно-пригласительной формой I л.: *Bide ende buu bayu=a* [AT I, с.66] 'Мы здесь не остановимся!'; *Qudalči mayu kümün=ü ügen=dür buu orulçay=a* [AT I, с.106] 'Не будем слушаться лжецов и плохих людей!'; 2) с повелительной формой 2 л.: *Namayi üje=lüge kemen kümün=e buu ögüle* [AT I, с.41] 'Никому не говори, что видел меня!'; *Namayi iretele noyan=ıyan buu medegül* [AT II, с.143] 'Пока я не приду, нойана не уведомляй!'; 3) с повелительной формой 2 л.мн.ч.: *Jayur=a kümün=e buu kelelegülüdkün* [AT I, с.148] 'Не сообщайте через чужого человека!'; *Gayça Belgütei=yi minu buu tebçidkün kemep ...* [AT I, с.37] 'Только моему Бэлгутэю не причиняйте зла ...'; 4) с повелительно-желательной формой 3 л.: *Egün=ü qoyina yeke ey=e=dür Belgütei buu orutuyai* [AT I, с.117] 'После этого пусть Бэлгутэй не участвует в Большом совете'; ... *kebtægül biden=eçe anggida çerig buu yartuyai kemebei* [AT I, с.159] 'Без нас экэбтэгулы пусть не выступают [в поход]'; 5) с пропозитивной формой I л.: *Manayar=un undan buu megüdegülsügei* [äutayulsuyai]. *Üde=yin undan buu osuldasuyai kemen* [AT I, с.72] 'Утреннего питья не потревожим, при полуденном питье не

---

⁶ В современном монгольском разговорном языке, однако, частица *буу* при повелительных формах нередко не передает запрета действия, а лишь отрицает значение, выраженное в глаголе, например: *буу мэд* 'не знаю', *буу санаа* 'не помню'; Яагаад ингэж зугтаасныг би ч *буу мэд*, та нар ч *буу мэд* 'Почему [он] так обратился в бегство, ни я не знаю, ни вы не знаете' [56, с.231].

⁷ В современном языке употребительны как книжная форма *бүү*, так и разговорная – *битгий*. Ср. примеры: Тамхи *бүү тат!* 'Не кури!', Хог битгий хая! 'Не разбрасывай мусор!', Та *бүү зовогтун!* 'Вы не беспокойтесь!', Та битгий сандарагтун! 'Вы не теряйтесь!', Та битгий яараарай! 'Вы не торопитесь!'.

допустим оплошности'; Ejen=iyen altan jiluy=a qamiyasi bol-basu buu qayaçasu gebe [АТ I, с.99] 'Где бы ни был я, не расстанусь с золотыми поводьями государя'.

Иначе обстоит дело с частицами собственно отрицательными (препозиционные *ese, ülü* и постпозиционные *ügei, edüi*).

В статье, посвященной отрицанию в монгольских языках, Г.Д. Санжеев уточняет употребление этих частиц в старописьменном и современных монгольских языках, а также касается их этимологии [76, с.273-282].

Однако некоторые аспекты в употреблении и различии между этими частицами остаются еще не совсем ясными.

В «Алтан тобчи» собственно глагольными отрицаниями являются две частицы: *ese* и *ülü*.

Причем в частотном отношении преобладает частица *ese*, являющаяся глагольной по происхождению (в языке зарегистрированы многие глагольные формы от основы *ese=* со значением 'не', например: *esekü* - форма причастия будущего времени; *esegsen* - форма причастия прошедшего времени; *esebe* - изъявительная форма прошедшего времени; *eseküle* - форма условного деепричастия; *esebeсü* - форма уступительного деепричастия).

Чаще всего она употребляется с изъявительными формами глагола, преимущественно с формой прошедшего времени на *=bai / =ba*: *qarayuсuy tayiji=yin dergede kürüged dayudabasu dayun ese yarbai* [АТ II, с.142] 'Когда он подъехал к Харагучугу-тайджи и позвал его, то ответа не последовало'; *Jonong ekilen бүгүде=yi ese üjebe bi* [АТ II, с.141] 'Я не видел ни джононга, ни остальных'; ... *ta yayun=dur ese ködelbe geжü asqaba* [АТ II, с.148] '«... а вы почему не двинулись [с места/?» - спросил он'.

Эта частица встречается и с формами прошедшего времени на *=luya / =lüge, =juqui*: *Tedüi ese oldaluya* [АТ I, с.62] 'Тем временем [она] не нашлась'; *Tuyury=a çerig=yügen bekiley=e ese kü kemeldülügei üü* [АТ I, с.32] 'Разве не говорили [мы?': «Укрепим свою гвардию?»; *Çayur beke=yi ülü öggün ese taya=laldujuqui* [АТ I, с.124] 'Не посочувствовал и не отдал Чагур-бэкэ'; ... *yurbayula irgen qubiyalduжу, Çinggis qayan=a qubi ese yaryajuqui* [АТ II, с.82] '... втроем поделили между собой [пленных] людей и не выделили доли Чингис-хагану'.

Частица *ese* употребляется не только с изъявительными фор-

мами глагола⁸, но и с некоторыми деепричастиями и причастиями:

с соединительным деепричастием (по частотности второе место после формы на =ba): *Nayaču=yi ese abaču mordaba* [АТ П, с.143/ 'Отправился, не взяв Нагачу'; *Börte činu=a you=a maral qo-уар огүжү ese алажу уаруабай* [АТ П, с.96/ 'Серый волк и красавица лань попали в облаву, [но их] не убили и выпустили'; *Ežen ese uqaжу basa ögüle kemebe* [АТ П, с.48/ 'Государь, не поняв, попросил повторить (букв. сказать) еще';

с разделительным деепричастием: *qalayun silüü=yi ese mede-ged ууцсиузан=dur aman inu qalabai* [АТ П, с.168/ 'Не зная, что бульон горячий, [он] выпил и обжег себе рот';

с уступительным деепричастием: *Golinči ögülerün, minu qar-bulyan=du quyaу ese emüsbečü yai ügei geжү kelelčebe* [АТ П, с.131/ 'Голинчи сказал: «Хотя я и не одел пал.ирь для стрельбы, это неважно»;

с условным деепричастием: *Saraman=i teskin ese čidabasu olan ulus=i ker жasan čidaqu kemebesü* [АТ П, с.63/ 'Если не сможешь убить [одного] Сарамана, как же сможешь управлять многими людьми?'; *Tedüi ese üjebesü genem bölüge* [АТ I, с.130/ 'Если бы не увидел тогда [пыль], поддался бы на уловку (т.е. оплошал бы)';

с причастием прошедшего времени: *qayan=u tere elči=dür Jonong sayin üge=ben ese ögüleksen ажу* [АТ П, с.155/ 'Тем по-слам хагана джононг не сказал добрых слов'; *Ese orčiуuluуsan*

---

⁸ В современном монгольском языке частица *ese* употребляется значительно реже, однако с теми же глагольными формами. Кроме того, она встречается с формой настоящего-будущего времени на *-на*, например: *Өгуудбэрийн биеэ даасан гишуун болж эс чадна* [ШУА, с. 69/ 'Не может быть самостоятельным членом предложения'; *Баярсайхан нэгч уг эс дуугарна* [Цог, 1968, № I, с.6/ 'Баярсайхан не произнесет ни слова'; с причастием будущего времени, например: *Заримдаа автобус дотор яаж орсноо ч эс мэдэх нь ч бий* [Цог, 1968, № I, с.69-32/ 'Иногда не знаешь, как и попал в автобус'; *Ажилдаа эс алгуурлах хун ганц Дуламсурэн бий* [Цог, 1968, № I, с.32/ 'Не только Дуламсурэн не задерживается на работе'; с повелительно-пригласительной формой I л., например: *Харин ийм уед эс саная гэвч ...* [Цог, 1968, № I, с.8/ 'Но хотя и говорит: «В это время не помню ...»; с формой однократного причастия, например: *эс мэдэгч* [56, с.230/ 'не знающий'.

nom=ud=i orǵıyulǵu, burqan=i ǵasin=i yekede delgere-
gülbe [AT I, с.6] 'Перевел еще непереведенные книги и еще более
распространил учение Будды'.

Отрицательная частица ülü наиболее часто встречается:

с формой слитного деепричастия: Ötegüs minu ta, öber=
iyen ülü sanan ulus=un tula ögülen duradqan aytun [ayataqui/
[AT П, с.29] 'Вы, старейшины мои, не думая о себе, будьте совет-
никами ради народа!'; Gou=a, Köke Cos, Degi, Usun ebügen ede
dörben üjegen=iyen ülü niyun sonusuysan=ıyan ülü qabçıqan
tede bui ǵ=a [AT I, с.140] 'Гоа, Кокэ Чос, Дэги и Усун-эбуген
- эти четверо не скроют (букв. не скрывая) увиденного, не утаят
услышанного';

с причастием будущего времени: Bi ülü cıdaqı cı qarbu
gebe [AT П, с.141] 'Я не смогу, ты стреляй!'; Tan=dur ülü jokıqı
man=dur aça gebe [AT П, с.150] 'Вам это не годится, отдайте [его]
нам!';

Из других глагольных форм частица ülü встречается:

с формой настояще-будущего времени на =m: Bi ülü ködelüm
gejü bayuǵu.... [AT П, с.177] 'Я не двинусь с места', - сказал
он и остановился ...; ... ıarqu cölüge ülü olum aǵu [AT П, с.
120] 'Не нашел места выбраться';

с изъявительной формой на =yu: ǵayan=yuyan sayın=i qa-
raçı ülü medeyü [AT П, с.32] 'Простой люд не ведает о добро-
те своего хагана'; Dalai metü gün ayuı setkil=tü bolbasu
deger=e kümün ülü üküyü [AT П, с.30] 'Если будете в мыслях
[своих] глубоки и велики, как море, то человек наверху, он ведь
не умирает ;

с однократным причастием: ... amin bey=e-ben ülü qayır-
laycı külüg Boǵorçı minu [AT I, с.104] '... не щадящий души и
тела своего, кулюк Богорчи мой!'; ... ülü ködülügci cılayun közi-
ge minu [AT П, с.12] '... неподвижный каменный занавес мой!';

с формой на =run в единичных случаях: Kitad=un orgen=ü
Altan qayan, tatar=un Megücin Segül=tü=yı eye=dür=iyen ülü
orıyudar=un [ese orubai kemen] [AT I, с.80] 'Владыка народа Ки-
тая Алтан-хаган сказал, что татарский Мэгучин Сэгүлту не соблю-
дает своего соглашения';

с формой опасения: ... ǵamıy ulus=i ülü medegüjey ke-
men ... [AT I, с.27] 'Как бы не узнали все народы'.

По нашим подсчетам частица ese больше всего употребляется
с изъявительными формами прошедшего времени (72 из 124), осталь-

ные примеры на все прочие причастные и деепричастные формы, из них 29 – с соединительным деепричастием и 15 – с причастием прошедшего времени. Частица ülü встречается преимущественно со слитным деепричастием (35 из 88) и причастием будущего времени (33 из 88). После них следуют изъявительные формы на =m и yu.

Постпозитивная отрицательная частица ügei 'не', 'нет', 'без' используется главным образом при именах со значением 'без чего-л.' (в 100 случаях из 152): Umda darasu ügei bolqula uruü ügei bisiu [AT П, с.5] 'Если [случится, что] нет вина, разве это значит, что нет родни'; Següder=ece busu nökör ügei, segül=ece öber cöcige ügei [AT I, с.36] 'Нет друга, кроме тени, нет кнута, кроме хвоста'.

Эта частица является именной по происхождению ср. угуи 'отсутствие, неимение'; ср. Миний угуид 'В мое отсутствие' [МРС, с.474]. Не утверждая что-либо определенного по поводу состава частицы ügei, Г.Д.Санжеев высказывает вместе с тем интересное предположение о том, что в ü=gei, ü=ge=i или üge=i (ср. ügegüü 'бедный, неимущий') =i оказывается суффиксом омертвело-причастия настоящего времени (ср. bui 'сущий, наличный', darui 'немедленно' и т.д.) [76, с.281]. В этой связи любопытен пример употребления этого отрицания в форме ügegün (ügekün): degüü ner minu aburi ügegün [ügekün] bui [AT I, с.122] 'Младшие братья мои не имеют характера (т.е. не смогут управлять государством)', где üge= является основой, а =gün [=kün] – формой множественного числа причастия будущего времени. Ср. еще ügegün=e (ügekün=e) [AT П, с.54] 'при отсутствии' – та же форма в местном падеже.

Частица ügei может иметь после себя падежный показатель, послелог или словообразовательный элемент: Tömücin=i bui ügei=yi ese medebe bi [AT I, с.51] 'Я не знаю, дома ли Тэмучин или нет'; Unuqu ügei=dür morin=i unuyuluçi arya=tu bayan minu undan ügei=dü minu taray uyulyaçi belen idegetü minu [AT П, с.15] 'Ты богатый и ловкий мой, посадивший [меня] на коня, когда не на чем было [мне] ехать, ты поивший меня таракон (род простокваши), когда не было питья, [и кормивший] готовой пищей'; Yisügei bayatur, Nekün tayisi qoyar=i ügei=yin tula ... [AT I, с.27] 'Так как отсутствуют Есугэй-багатур и Нэгун-тайши...'; Tus qayan=ıyan qardaju iregsen yayun itegel=ügei=ten arad ede [AT I, с.110] 'Это неверный народ, посягнувший на своего собственного хагана'.

Второй после имен по частоте употребления с ügei является

глагольная форма на =1, она самостоятельно не используется и встречается только как отрицательная конструкция: ... noqai mi-nu köksirejü iru=a inu ügei bolyu bayınam gejü serel=ügei sayuba /АТ П, с.94/ «... пес мой состарился, утратил силу предсказания», - промолвил он - и жил, /ничего/ не подозревая'; Üsi-yeten dayisun=dur medel=ügei sirysai gebe /АТ П, с.8/ 'Хорошо бы проникнуть назаметно к ненавистному врагу'.

Г.Д.Санжеев называет это образование деепричастно-отрицательной формой /77, с.253/. Однако, поскольку отрицание ügei не употребляется с собственно глагольными формами, а деепричастия (слитное, соединительное и разделительное) сопровождаются отрицательными частицами ese и ülü, возможно, что форма на =1 именная по происхождению. При наличии, например, однородных членов, выраженных формой на =1, ügei ставится после последнего члена: qaritan dayisun=dur qaril bucal ügei yabuju.. /АТ П, с.106/ 'Не колеблясь (букв. не возвращаясь) шли на иноземных врагов..' - подобно тому, как это имеет место при именных сочетаниях: bay=a yeke ügei jerge=ber /АТ П, с.6/ 'в малой и большой степени'. Ср. в современном монгольском языке одер шенегүй 'и днем и ночью', эвэл зунгуй 'и зимой и летом'. С.Галсан считает, что по своей синтаксической функции форма на =1 «сильно напоминает причастные формы монгольского языка» и предлагает рассматривать ее как самостоятельную причастную форму /26, с.253/.

Сходным образованием является форма на =si, также употребляемая только в сочетании с ügei: Getülси ügei mören bui /АТ П, с.88/ 'Есть непроходимая река'; Dabasi ügei dabay=a bui /АТ П, с.88/ 'Есть непреодолимый перевал'.

Из глагольных форм ügei сочетается лишь с причастиями (в 14 случаях из 152): Tegün=ü üre edüge ken=i ber medekü ügei /АТ П, с.187/ 'Неизвестно, кто является ныне его потомками'; Tede ir-gen Bodančar=i kenükei bui yууанuqai bui kemen asaqu ügei /АТ I, с.14/ 'Те люди не спрашивали Боданчара, кто он и чей'; Olan sutur=ud=tur tasuraysan ügei kemen nomlabai /АТ I, с.4/ 'Во многих сутрах проповедуется, что /род/ не прерывался'; Бигууу jöb qoyar=i ilyadaу ügei biуuu ci /АТ П, с.9/ 'Разве не различаешь ты ложь и правду?'.

После причастия настоящего времени ставится отрицание edüi /düi, которое передает значение 'еще не': Degü inu Ulus Bolad qan orun sayuy=a=edüi Ibarai tayisi=yin yar=tur tngri bolba /АТ П, с.176/ 'Его младший брат Улус Болад, еще до восшествия на ханский престол, погиб от руки Ибарай-тайши'; Buyan Sečen qayan=

u köbegün Mangγus tayıǵı qan orun sayuyadı nögıbe
[AT II, с.185] 'Сын Буян Сэчэн-хагана Мангус-тайджи скончался, еще
не восшедши на ханский престол'.

Отрицание edüi/ düi признается формой бывшего причастия настоящего времени на =ui, сохранившегося в глаголе ayisui 'приближается' и в словах типа darui 'тотчас', 'немедленно', γarui 'свыше', bui 'судий', 'наличный' [77, с.258] .

В наших примерах это отрицание встречается также в форме edüküi=e (форма причастия будущего времени на =kü / =küi в местном падеже): Quγildar yaran=iyan anaya=edüküi=e Činggis qayan itγabası ülü bolun, görögesün=dür dobtulqu bolun ügdereǵı nögıbe [AT I, с.136] 'Когда еще не зажила рана, Хуйлдар, не послушившись Чингис-хагана, поскакал за дичью, рана вскрылась, и он скончался'; Qubcisun bögüde=yi tayılǵı γayca dotayǵı tayıluy=a edüküi=e möltü aldayılǵı irebe bi [AT I, с.93] 'Сняли всю одежду и когда еще не сняли только нижнее белье, я вырвался (букв. меня упустили) и прибежал [к вам]'.

Частица busu 'не... а' по происхождению является местоимением со значением 'другой, иной'; ср., например: Yisügei bayatur=un üge=yi busu ülü bolγan [AT I, с.31] 'В точности исполнял распоряжение Есугэй-багатура (букв. слова Есугэй-багатура другими не делал)'. Как частица отрицания означает 'не ... а': Qara terigütü kümün busu bui ǵ=a [AT I, с.12] 'Он ведь не простой (т.е. смертный) человек'; ... tan=u ama busu Tngri=yin ǵarlıy bui ǵ=a geǵı tngri=dür mörgübe [AT II, с.132] «Это не ваши ведь слова, а повеление Неба», - сказал он, - и поклонился Небу'.

Вопросительные частицы

В тексте «Алтан тобчи» зафиксирована только одна частица uu/üü, которая имеет значение вопроса или предположительной достоверности с вопросительным оттенком. Она всегда стоит в конце предложения или слова, к которому относится вопрос: Tendece te-de čerig=üd ögülerün Tömüčin ger=tür buyu uu, ügei üü [AT I, с.50-51] 'Тогда те солдаты спросили: «Тэмучин дома или нет?»'; Eke degüü ner=iγen erin erin od ese kemegsen buyu esekü kemelk - küi üü [AT I, с.42] 'Разве я не говорил тебе: «Иди и ищи свою мать и младших братьев»'; Ükügülebesü ükügülün yadaqu [čidaqu/ bölügei üü bi [AT I, с.109] 'Если бы [я] хотел умертвить его, то разве я не мог бы убить его?'.

Нередко üü пишется слитно с предшествующим словом, конеч-

ный согласный которого при этом выпадает: *Yisün örlüg=ün üge=yi buruуu gebüü bi* [АТ II, с.8] 'Разве я не говорил, что речи девяти орлуков неверны?' (где *gebüü* < *-gebe üü*); *Buruуu jöb qoyat=i ilγaday ügei biуuu či* [АТ II, с.9] 'Ты ведь не различаешь правду и ложь?' (где *biуuu* < *biуu uu*).

Выделительные частицы

Частица *ber*, наиболее распространенная в «Алтан тобчи», интересна тем, что не встречается в современных монгольских языках, тогда как многие другие частицы подобного рода являются для этих языков общими.

Происхождение этой частицы неясно. Некоторые исследователи отождествляют ее с показателем орудного падежа. Однако еще А.Бобровников, высказываясь по поводу предположения, что *ber* при именительном падеже имени можно принять за показатель творительного (орудного) падежа, как подражание тибетскому, в котором эта частица употребляется при именительном падеже, замечает, что «частица *ber* встречается в письмах Аргун-хана, Улджейту-хана и в квадратных памятниках, где нельзя предполагать подражания тибетскому языку» [16, с.182]. Кроме того, довольно часто эту частицу можно обнаружить и в китайско-монгольских надписях XIV в. [110; 111; 112; 113].

Примеры показывают, что никакого отношения к показателю орудного падежа эта частица не имеет. В отличие от орудного падежа употребление частицы *ber* не зависит от конечного звука основы слова, за которым она следует, тогда как показатель орудного падежа в зависимости от конечного звука основы имеет две формы: *=bar* / *=ber* после гласных и *=iyar* / *=iyer* после согласных. Как отмечал Н.Поппе, «в языке квадратной письменности *ber* встречается только с вокализмом *e*, даже в положении после основ с задним вокализмом, например: *nom sačin dur ber* 'религии и учению же' [65, с.51-52].

В предложении *ber* может употребляться после подлежащего, дополнения и обстоятельства, подчеркивая значение слова, к которому относится:

1) после подлежащего: *Činggis qayan ber Altan, qučar, Daridai yurban=i manglai yabuyulbai* [АТ I, с.89] 'Чингис-хаган отправил вперед троих: Алтана, Хучара и Даридаю'; *Tede irgen ögülerün, morin kümün ber činu suraqai=dur adali teyimü kümün bui* [АТ I, с.14] 'Люди те отвечали: «Есть и конь и человек, такие,

каких ты спрашиваешь»; Tede qoyar ber irebei /AT I, с.95/ 'Пришли /именно/ те двое'; Bi ber ene ey=e=dür orolduluy=a kü /AT I, с.114/ 'И я участвовал в этом сговоре'; Ober=iyen ber ideged qarçayai=yuyan ber tejyeged teron yarba /AT I, с.13/ 'Он и сам питался, и ястреба своего кормил, так прошел год' (здесь ber при подлежащем и дополнении);

2) после дополнения: Tegün=ü üre edüge ken=i ber medekü ügei /AT II, с.187/ 'Неизвестно, кто /является/ ныне его потомками'; Ken=e ber yakin medegülkü kemejüki /AT I, с.126/ 'Кому же управлять /народом/, - сказал /он/';

3) после обстоятельства: Edüge ber bolbasu eke degüü ner=iyen erin od kemejü ... /AT I, с.43/ 'Теперь же отправляйся и разыскивай свою мать и младших братьев ...'.

В отрицательных конструкциях с вопросительным местоимением ken 'кто?' эта частица придает усилительно-отрицательное значение: Kebtegül=eçe degere ken ber buu sayutuyai. Kebtegül=eçe kelen ügei ken ber buu yabutuyai. Kebtegül=ün degeğün ken ber buu orutuyai. Kebtegülün jiyayun ken ber buu yabutuyai /AT I, с.157/ 'Никто пусть не садиться выше кэбтэгула! Никто пусть не ходит /мимо/ без разрешения от кэбтэгула! Никто пусть не входит, кроме кэбтэгула! Никто пусть не ходит мимо кэбтэгула!'. (В современном языке в подобных случаях употребляется частица ч.)

Частица ber может употребляться и после условного деепричастия⁹: Sayin ese üjegsen sarisun degelten bolbasu ber sayitur ele kücün=iyen ögbesü sandali=tan noyad bolumui j=a kemen /AT II, с.68/ 'Хотя /человек/ и одет в тулуп из сыромятной кожи, собою невзрачен, но, если силу свою ревностно отдает, становится знатным вельможей'; Dörben degü inu abçu uuqubasu ber aman=dur oruyad qoçolai=dur inu ese eçibei /AT II, с.1/ 'Четыре младших брата его, хотя взяв и стали пить, в рот попало, а в горло не шло'. (Употребление ber после деепричастных форм также свидетельствует о том, что ber и показатель орудного падежа - разного происхождения.)

Частица ele / le также относится к числу достаточно распространенных. Предполагается, что происходит она от указательного местоимения el=e 'этот, этот самый, данный'. Употребляется как усилительная частица со значением выделения, подтверждения, настойчивого категорического утверждения.

⁹ См. также примеры в разделе «Условное деепричастие».

Так же как и *ber*, она подчеркивает значение:

а) подлежащего: *Amin ele činu bolbasu qayan=a tutum [sekür tergen] qatud, öljiǵe tutum [kõdegei aral] ökid bui j=a* [АТ I, с.22] 'Был бы ты жив (букв. жизнь твоя если будет), жены в каждой кибитке найдутся, девушки в каждом возке ведь найдутся';
Minu jasay jarliǵ=i ǵauǵa kũ ögedei ele yabuǵulba [АТ II, с.3] 'Мои указы один лишь Угэдэй выполняет';

б) обстоятельств, подчеркивая, например, место нахождения предмета: *Ta ende ele čiyuluysan kũmün=e kũ öber ayımaǵu ayımaǵu bayılyǵudaqun* [АТ I, с.II8] 'Собравшихся здесь людей распределите по племенам';

Эта же частица усиливает вопрос, например: *Edüǵe yambar ele setkil setkiǵu qayan bolǵabai ta* [АТ I, с.74] 'И с каким это умыслом теперь [его] сделали хаганом?'; *Ker ele kiǵu oduy=a kemeged...* [АТ I, с.23] 'Каково-то [теперь] уезжать?...'. После глагольных форм она придает оттенок категорического утверждения, например: *Qoyar naran urǵubasu ele, qutuǵ=un usun ber quǵu=u* [АТ II, с.66] 'А если два солнца восходят, вода в колодце высыхает'; ... *balamaǵ dob tulqu baruǵ metũ baran=a ele ta* [АТ I, с.37] ... 'хватаете [ведь] словно дворняга, бросающаяся без разбору'.

Нередко с глагольными формами частица *ele* пишется слитно, тогда она подчиняется гармонии гласных и сокращается в *la / le*: *Sarqud=tu buu simdayala, sayın maǵu qoyar=i ilyan kelelčiyele, arikin=du buu amtasiyala, aliba küsel=iyen qanulčan tarqayala gebe* [АТ II, с.5] 'Не притронемся к вину, различим хорошее и дурное, не привыкнем к водке-архи, любые свои желания удовлетворим и-разойдемся'.

Частица *kũ*, названная А.Бобровниковым частицей повторения [I6, с.I83], близка по своему значению двум предыдущим, также усиливая, выделяя значение предшествующего слова: *Mõn qoyına ene kũ metũ bolumui j=a* [АТ II, с.3] 'И в дальнейшем надо ведь этому же следовать'; *Ögelen eke ödter kũ bosbai. Tõmücin=ten kõbegüd ödterlen kũ bosuǵad...* [АТ I, с.50] 'Матушка Огэлэн тотчас же встала, тотчас же [быстренько] встали Тэмучин и другие [сыновья]...'; *Tere ügen=dür kürbesü ünen kũ kũmün=e ese ögdegen you=a sayın ner=e aldar yeketei Alun you=a neretü ökin aǵuǵu* [АТ I, с.8] 'Когда подъехали к тем людям, и в самом деле там оказалась девушка по имени Алун-гоа, славящаяся красотой и еще ни за кого не просватанная'; ... *ǵurban kũ tümed bolǵu...* [АТ I, с.75] ' [Он] составил тоже три тумэна [войска]... '.

Чаще всего, однако, она следует после глаголов и глагольных форм, придавая их значению оттенок утверждения и законченности действия, например: Barlas=ača Qubilai, Qutuγ aqa=nar degüü ner irebei kü /AT I, с.67/ 'От барласов [к ним] пришли Хубилай и Хутуг, старшие и младшие братья'; Tayiçiγud ber kögejü mön söni jöričin Jamuq=a jüg ködelbe kü /AT I, с.66/ 'Тайчигуды перепугались и в ту же ночь в замешательстве двинулись в сторону Джамухи'; Ede ber tömüčin, Toγoril Jaqa Gembüü ta čerig=üd=iyen Jasyad kü ... /AT I, с.58/ 'Тэмучин, Тогорил и Джамуха-Гэмбу выстроили свои войска'; Boyorči uruysi alalduju qoyinaysi=ban qaraγu üjeged kü ... gebe /AT I, с.102/ 'Богорчи сражался впереди, а когда посмотрел назад, [то] увидел и сказал...'.

В современном монгольском языке эта частица сохранилась в некоторых словах в качестве словообразовательной морфемы, придавая им усилительное значение, например: унэнхуу 'совершенно верно', 'истинная правда' – унэн 'правда', 'действительный', 'истинный'; гагцхуу 'только', 'всего навсего' – ганц 'один', 'единственный'; энэхуу 'этот самый' – энэ 'этот'; тэрхуу 'тот самый' – тэр 'тот'.

Частица *ču* (či/čigi), называемая частицей противоположения или уступительной, подобно предыдущим частицам, выделяет или подчеркивает слово, после которого стоит, но с оттенком противопоставления: Tende=eče tere ebügen ögülerün mayu ču bolba köbci-lejü medegesei gebe /AT I, с.79/ 'Тогда тот старик сказал: «Хотя и плох [с виду], попробуйте-ка натянуть [лук]»; *čonuγcin* emegen ögüler=ün, ger či oyir=a bui. Tömücin=i bui ügei=yi ese medebe bi /AT I, с.51/ 'Старуха Хоногчин сказала: «Юрта-то [его] близко, а дома Тэмучин или нет, не знаю»; *Yayun čigi* [yambar ču] bolbasu [bolba] ta qoyar=un nökör següder tan=u boltuyai kemebesü /AT I, с.12/ 'Что бы ни было, пусть он будет вашим верным другом (букв. друг-тень)!'.

Частица *ču*, так же как и уступительное деепричастие, в состав которого она входит, встречается сравнительно редко. Возможно, это связано с очень частым употреблением в языке памятника частицы *ber*, которая впоследствии была заменена другими, в том числе и частицей *ču*, широко распространенной в современном монгольском языке, например: Машин жолоодсон ч чадна л (Цог, 1968, № I, с.30) 'Даже может водить машину; Тэр уед надад сэтгэл ч байлаа. Дурял ч байлаа (Цог, 1968, № I, с.10) 'В то время у меня были увлечения. Была и любовь'.

В качестве усилительно-выделительных частиц употребляется и притяжательная частица *3* *anu/inu/ni*, которая нередко утрачивает значение соотнесенности с 3-м лицом и используется лишь для подчеркивания значения того или иного члена предложения:

Buqar Semisgeb Ötüger balyasun=dur anu ülü neyilegülin daruju...

[АТ П, с.80] 'Гнали [их], не позволяя соединиться в городах Бухар, Сэмисгэб, Отугэр ...'; *Tere qarabtur sibayun erügen degere inu sayuyad činggis činggis geju dongyudbai* [АТ I, с.26] 'Та черноватая птица села на дымник и прочирикала: «Чингис, чингис»;

... *manayarsi anu yuyibası, Dei Sečen ögüllerin* [АТ I, с.30] 'Когда наутро стал сватать, Дэй Сэчэн сказал...'; ... *qas erdeni metü kegür=i činu abču qariy=a ni, qatun Börtegeljin=dur činu üjügülüw=e ni, qamuy ulus=tur činu kürgey=e ni kemen*

[АТ П, с.104] 'Вернем твой прах, подобный драгоценной яшме, покажем его хатун Бортэгэлджин твоей, доставим [его] всему твоему народу», - сказал [он]'.

После причастных форм эта частица не только акцентирует внимание на действии, но и субстантивирует его: *Maq=a Samadi qayan-u altan uruy=ača doruna časutu orun=dur delgereğsen inu eyin buyu* [АТ I, с.4] 'Вот так распространился (букв. распространение таково) в Восточной Снежной стране Золотой род Маха Самади-хагана'.

Нередко эта частица служит в предложении показателем подлежащего, например: *Tere say=tur tedeger irgen anu indün jöbleldüju ...* [АТ I, с.2] 'В то время те люди согласились жить в мире ...'; *Qan kümün=ü ulus=i jasaju yosun inu naran metü ülü qoñdayulqu ...* [АТ П, с.35] 'Закон хана по управлению государством, подобно солнцу, не замедляет [движения]'.

Частица *ba*¹⁰ встречается в единичных случаях. Следуя за местоимением, она придает ему характер неопределенности (уау 'что', но уау *ba* 'ничего'), например: *Bi ene üge=yi inu uqan uadaju qariyu inu uayu ba ese ögülebe* [АТ I, с.66] 'Я эти слова его не мог понять и ничего не сказал в ответ'. Ср. в современном монгольском языке аль 'какой', 'который' и аливаа 'всякий', 'любой', 'какой бы то ни было'; ямар 'какой' и ямарваа 'любой', 'всякий'. Но таких слов относительно немного, и они представляются заимствова-

---

¹⁰ А.Бобровников и В.Л.Котвич считают, что частица *ba* может употребляться и для разделения одинаковых членов предложения [16, с.179; 40, с.163]. Мы рассматриваем частицу *ba* и союз *ba* как омонимичные формы.

ниями из классического языка. В современном языке вместо частицы *ba* употребляется частица *ч* (ср. перевод приведенного выше предложения на современный язык: Би энэ угий нь ухан ядаж, ну ч эс угуулэв [3, с.42]).

Частица *ǰ=a*, называемая в монголоведении частицей сомнения [16, с.178; 40, с.178], выступает в нескольких значениях, в зависимости от позиции в предложении и той глагольной формы, за которой следует. В начале предложения она имеет значение 'да', 'ладно', 'хорошо', 'и так', 'ну и так', например: ... *ǰ=a kemeǰü quda bolulǰaba* [AT I, с.30] 'Оба' сказали «Да», и стали сватами'.

После форм изъявительного глагола эта частица придает действию ярко выраженный модальный оттенок утверждения и уверенности, например: *Tabun köbeǰüd minu ta yaǰsa kebele=eǰe törübei ǰ=a* [AT I, с.12] 'Вы, пять сыновей моих, родились ведь из одного чрева'; ... *qamuy=un qayan ulus=un eǰen bolumui ǰ=a* [AT I, с.25] '... хаганами над всеми, владыками над народом станут ведь [они]'; ... *setkil=i minu amuyulbai ǰ=a ta* [AT I, с.73] '... ведь вы успокоили мысли мои'; *Busu deki ner=e=tei kümün uǰirabasu Ogelen nerevitǰüü ǰ=a* [AT I, с.22] 'Если встретишь с другим именем девушку (букв. человека), то ведь можно назвать ее именем Огэлэн'. В последнем случае особенно настойчиво подчеркивается, почти утверждается факт предстоящего действия, так как сама глагольная форма на *=уи* содержит в себе модальное значение несомненности действия.

После глагольной связки *bui* эта частица, как правило, придает предложению оттенок предположения, сомнения, некоторой неуверенности, например: ... *kökideg Toytaǰ=a Boyur=a keger=e bui ǰ=a* [AT I, с.55] '... задира и трус Тогтага находится, должно быть, в Богура-кэгэре'; *ǰamq=a [edüge] degüü qorqon ǰigür bui ǰ=a* [AT I, с.54] 'Младший брат Джамуха сейчас находится, должно быть, в Хорхон-Джигуре'; *Eǰige=yin ǰay=un anda kemeldüǰsen eǰige minu bui ǰ=a kemeñ ...* [AT I, с.53] 'Отцовской поры побратим-анда все равно ведь что отец мой ...'.

Из сочетания *bui ǰ=a* образовалась модальная частица *биз*¹¹ в современном монгольском языке, которая употребляется только в

¹¹ В современном монгольском языке можно встретить иногда и форму *буйзаа* вместо *биз* с тем же значением, например: Энэ хоёр уг угтаа нэг гаралтай буйзаа [ШУА, с.69] 'Эти два слова, вероятно, одного происхождения'.

конце предложения и имеет значение 'пожалуй, наверное, вероятно', тогда как частица *заа* со значением 'ладно, хорошо' (в ответ на просьбу) или 'ну', 'и так' может стоять только в начале предложения, например: *Чи миний номыг үзээгүй биз* [Цэв., с.83] 'Ты, вероятно, еще не видел мою книгу'; *Заа, би явлаа* [Цэв., с.253] 'Ну, я пошел'; *Заа, заа зөвшөөрөв* [Цэв., с.253] 'Ладно, ладно, согласен'.

Притяжательные частицы

Притяжательные частицы подразделяются на две группы:

1) лично-притяжательные и 2) безлично-притяжательные, или возвратные. Лично-притяжательные частицы генетически представляют собой форму родительного падежа личных местоимений, в постпозиции по отношению к определенному имени. И если бы в монгольских языках существовала инверсия в атрибутивных сочетаниях, то речь шла бы просто об инверсии местоименных определений и определяемых имен. Но поскольку такая инверсия в этих языках невозможна [78, с.68], формы родительного падежа личных местоимений, фонетически видоизменившись, превратились в лично-притяжательные частицы. Как известно из литературы, в старописьменном монгольском языке эти частицы представлены в двух формах: в форме, совпадающей с родительным падежом личных местоимений (*minu, cinu, tanu, anu, inu*), и в формах с некоторыми фонетическими отличиями, возникшими первоначально в устной речи (*mini, cini, tani, ni*) [78, с.68; 98, с.358].

1. Л и ч н о - п р и т я ж а т е л ь н ы е ч а с т и ц ы 1-го и 2-го л.ед.ч. в «Алтан тобчи» по форме совпадают (за редким исключением) с родительным падежом личных местоимений. Эти частицы подчеркивают, логически выделяют значение имени, к которому относятся, логическое ударение при этом падает на имя, а не на притяжательное местоимение, как это имеет место в определительных конструкциях. Ср., например, предложения: *Yisügei bayatur ögülerün, minu dotura mayui bui* [AT I, с.31] 'Есугэй-багатур сказал: «У меня внутри плохо», и *Dotura minu mayui bui* [AT I, с.31] 'Внутри у меня плохо'; *Minu arban köbegüd-ün dotura Qadayan tayisi-da ögüle* [AT I, с.21] 'Из моих десяти сыновей скажи Хадаган-тайши' и *Köbegün=i minu Tömücin=i ödter=ken odcu abcu ir=e* [AT I, с.31] 'Сына моего, Тэмучина, побыстрее привези'. В первых из этих предложений местоимения - в функции определений, во-вторых - местоименные притяжательные формы.

Частицы 1-го и 2-го л.мн.ч. наряду с формой родительного падежа встречаются и в формах *mani*, *tani*; ср., например: *Nökür ci ende bai, sirγ=a ayta manu tere bui* [AT I, с.45] 'Друг, ты побудь здесь, соловые мерины наши там [вот]'; *Uliy=tu mayu umdan darasun=i tebčibesü, üge mani beki bey=e mani inay bayıja gejü ...* [AT II, с.4] 'Если воздержаться от плохого вина, то будут твердыми слова наши и сами мы (букв. тела наши) будем любимы», - сказал [он]'; *Yisün sayıd manu yurban qubi bol gejü jarlıy bolba* [AT I, с.96] 'Девять сайдов моих, разделитесь на три части», - дал он указание'; *Sanaysan üges=i mani sandayaday bisiu* [AT II, с.4] 'Задуманные слова наши не разбегаются ли всегда [от вина?]; *Sereküi ber tan=u jöb bui* [AT I, с.II] 'Подозрения-то ваши правильны'; *Sirγ=a ayta tan=i mör=iyer möski jü ...* [AT I, с.45] 'Поехали по следам соловых меринов ваших ...'; *Dayisun=i tan=i darulçasu, olja=yi tan=i orıyululçasu* [AT I, с.99] 'Врагов Ваших подавлю, добычу [Вашу] доставлю'; *Degeđü qurım tan=u ene bui* [AT II, с.2] 'Это и есть высший пир ваш'.

В монголоведческой литературе есть мнение о невозможности в монгольских языках использовать в качестве лично-притяжательной частицы родительного падежа инклюзивного местоимения 1-го л.мн.ч. *biden=ü* [78, с.69]. В этой связи небезынтересно отметить факты постпозиционного употребления данного местоимения; ср., например, предложения:... *biden=ü čerig=üd jolyaıjuqi* [AT I, с.II7] 'Наши войны встретили [ее]' и *Sirkötü ebügen eci-ge=yi biden=ü ükügülebesü qoyosun amin ügei bey=e inu yayun kikü bide* [AT I, с.IIO] 'Если Ширгэту-эбугэн убьет отца нашего, на что нам [тогда] безжизненное и бездыханное тело его!'; *Erte edür=eče tatar irgen ečiges ebüges=i biden=ü baraysan bölüge* [AT I, с.II6] 'С давних времен татарский народ губил отцов и дедов наших'; *Sirγ=a ayta biden=i degerm=e abču odba kemebesü...* [AT I, с.44] 'Когда [ему] сказали: «Соловых меринов наших увели грабители ...».

Что касается притяжательных частиц 3-го л., то в «Алтан тобчи» употребляются все три формы - *anu*, *inu* (реже *ni*), являющиеся вариантом одной и той же притяжательной частицы 3-го лица со значением 'ее', 'его', 'их', так как употребляются они вне зависимости от числа и от сингармонического ряда предшествующего слова, например: *Dalai Subin Altan Sandali=tu qayan=u köbegün anu yurban buyu. Aq=a anu Boroču, ded anu Sibayuci, otyan inu Börte Cinu=a buyu* [AT I, с.6] 'У Далай Субин Алтан Сандалиту-хагана было три сына [его]. Старший [из них] - Борочу, второй [из них] - Шигагучи,

младший [из них] - Бортэ-Чинуа'; Dotura inu qatun kümün sayun ayuŋu [AT I, с.51] 'Внутри ее (т.е. повозки) оказалась госпожа'; Tede čerig=üd=ün aq=a nar inu ögülerün [AT I, с.51] 'Старшие из тех воинов сказали ...'; ... ničügen kegüken ireged amin inu ye-ke, alayan inu ayuu, mörүн inu derbeger, segül inu sibtuуar ... gegsen=dür... [AT II, с.145] 'Когда голый ребенок пришел и сказал: «Клюв у нее большой, лапы у нее огромные, плечи у нее широкие, хвост у нее узкий к концу ...»; Em=e-yi ni qayan beу=e=de-ı gen abuba [AT II, с.131] 'Хаган жену его взял себе'.

2. Безлично - притяжательные, или возвратные, частицы указывают на отнесенность объекта к лицу вообще. Представлены они несколькими формами в зависимости от того, употребляются ли отдельно от падежных показателей (тогда они имеют две формы: ban/ben- после гласных и iyan/iyen -- после согласных) или слитно с падежными показателями (в этом случае для родительного и винительного падежей - уу-уан / үйген, дательно-местного - дауан/degen, таян/tegen, исходного - асайан/еңеген, дательно-местно-исходного - дасайан/dečegen).

В.Л.Котвич полагал, что эти частицы восходят, вероятно, к слову beуе 'человек', 'тело', 'сам', широко распространенному в алтайских языках. «Маньчжурский язык употребляет его в качестве замены родительного падежа, именно в роли возвратного местоимения 'свой', совершенно так же, как он употребляет личные местоимения вместо притяжательных». Подобным же образом, по его мнению, могли поступить и монголы, употребляя beуе в родительном падеже со значением 'свой', 'собственный' сначала перед определяемым словом, а впоследствии и после него. Со временем оно могло слиться с определяемым словом, подвергнуться сокращению и превратиться в настоящую частицу [4I, с.160; 60, с.31].

Поскольку возвратные частицы указывают на соотношенность объекта к лицу вообще, то они присоединяются к именам не в именительном падеже, а только в косвенных:

1) отдельно от падежных окончаний, например: ... bayu=ban usun uruуu omısuуaŋu ... [AT I, с.40] '... шейную колодку свою пустил вниз по течению [реки]'; Köbegün=iyen Tömücin=i kürged-te talbiŋu qariŋu ayısuqui=dur ... [AT I, с.31] 'Когда оставив своего сына Тэмучина в зятях, возвращался/домой/...'; ... ger=tür=iyen kürčü, aq=a nar degüü ner=lüge indüldüŋü ... [AT I, с.16] '... вернувшись к себе домой (букв. в свои юрты), посоветовались со старшими и младшими братьями'; ... qan eŋen=dür=iyen

ezerǵılıkü bolun /АТ П, с.55/.. 'стали противниками своего /для своего/ хана-государя'; Tedüi ayımay=ıyar=ıyan bayıbasu nıgen jalaıu gürmele küşün ayımaı=aşa öbere bayıba /АТ П, с.118/ 'Когда стали по своим племенам, один молодой человек с заплетённой косой остался вне своего аймака'; Menglig eñige doluyan köbegün=lüge=ben irejü /АТ I, с.43/ 'Мэнглик-эчигэ пришел с семью своими сыновьями'. Находясь после причастия будущего времени, безличная притяжательная частица (так же как и личная) субстантивирует (опредмечивает) его и является таким образом грамматическим показателем предметности, например: Eriju abqui=ban eñen minu öber=ıyen mednem ĵ=a /АТ П, с.50/ 'Как найдя взять их (букв. найдя свое взятие), мой владыка ведь сам знает'; Küşün ögküi=ben qatayıjisuyai kemen ösiged ... /АТ П, с.34/ 'Будем закаляться, отдавая /тебе/ свои силы (букв. свое отдавание силы)';

2) слитно с падежными окончаниями:

родительного и винительного падежей, например: Eke=yügen ügen=dür tere yayakju ene metü yabum geju köbegün inu kelebe /АТ П, с.149/ 'На эти слова своей матери сын сказал: «Он разве так ходит?»; Eñige eke=yügen ese medebeı ċi /АТ П, с.146/ 'Ты не знаешь своих родителей (букв. отца и матери)'; Bodançar aq=a=yuyan qoyına=aşa dayaju yabuju ögülerün /АТ I, с.15/ 'Боданчар, следуя позади за своим старшим братом, сказал...'; ċiledü ayuju Qurdun quba=yuyan deletdüged ... /АТ I, с.22/ 'Чилэду, испугавшись, стегнул своего Хурдун-хуба';

дательного-местного падежа, например: Eñen boyda dörben degü=degen jarliı bolurun /АТ П, с.1/ 'Святейший государь сказал четьрем своим младшим братьям'; Qariyaċai edür=tegen orubai /АТ П, с.46/ 'Ласточки полетели в свои гнезда'; ... İlegen=degen kürje büseleju ... /АТ П, с.131/ '... на печень свою привязал щит (букв. лопату)';

исходного падежа, например: Nemekü ċuyang köbegün=eñegen asyaba /АТ П, с.169/ 'Спросил у своего сына Нэмэху Чуйанга'; ... qoyına=aşaıyan qıċıyulju... /АТ П, с.28/ '... от /погони/ сзади защищался ...';

дательно-местно-исходного падежа, например: Ta öber=ün bey=e=deñegen qola ülü bolyaydaqui /АТ П, с.29/ 'Вы не удаляйте его далеко от себя!'; Qari qari=deñegen omuy=tu bolbasu ... /АТ П, с.67/ 'Если в великий род проникнут чужие из чужих ...'.

В двух случаях встретилась двойная безличная притяжательная форма к одному и тому же слову: Irgen=ıyen=ben ese ögdeju Otögin manayarası erte ... oruju uyılayad sögüdju ögülerün

[АТ П, с.41] 'Людей своих он не получил (букв. не были отданы) и тогда Отчигин утром ... вошел [к Чингис-хагану] расплакался, стал на колени и сказал...'; Nada [minu] qariy=a=tan irgen=iye-nben Teb Tngri=dece yuyur=a Soqor neretü elçi=yi ilegülüge [АТ П, с.41] 'Чтобы вернуть от Тэб Тэнгри своих подданных мне людей, [я] отправил посланца по имени Сохор'.

Вторая притяжательная форма здесь употреблена в виде ben несмотря на то, что следует после согласного. Явление это редкое, и возможно, что вместо ben здесь полагалось быть усиленной частице ber.

Союзы

Союзы в «Алтан тобчи» употребляются сравнительно редко. К ним относятся ba, kiged, jici, kerbe, kerbete.

Союз ba 'и' связывает однородные члены предложения: Naran uruybasu sayin ba mayu=dur amidu ba ükügsen=dür tegsi qalayun gegen=iye-n kürgeyü [АТ П, с.35] 'Когда солнце восходит, оно одинаково шлет свое тепло хорошим и плохим, живым и мертвым'.

Союз kiged 'и' (по происхождению разделительное деепричастие от ki= 'делать') также связывает однородные члены предложения: Qubilai Sečen qayan Pagsba blam=a=dur altan kiged subud=un kerse debel erdeni=ber kilgegsen orkimji ... morin temegen=i ergübei [АТ П, с.114] 'Хубилай Сэчэн-хаган преподнес Пагба-ламе [украшенную] золотом и жемчугом одежду священнослужителей, сделанную из драгоценной ткани орхимджи ... лошадей и верблюдов'; Ogelen eke Qasar kiged degüü ner inu erüjü sayun ajuyu [АТ I, с.47] 'Огэлэн-экэ Хасар и младшие братья его сидели, печалась [о нем]'.

Оба эти союза можно встретить в одном предложении, причем в качестве заключительного союза kiged присоединяется к последнему из однородных членов, указывая тем самым, что предметы перечислены полностью. При этом надежный показатель, относящийся к перечисленным именам, ставится после kiged¹²: Yang neretü ulus ba miqas ulus kiged=i toyil=dur=iyan oruyulbai [АТ П, с.113] 'Подчинил своей власти народ под названием ян и народ михас'.

Союз jici имеет значение 'но', 'однако', 'также': Tatar=un Qargil Sira uyurcuу bolun yarçu, jici yadaju ölüscü oruju irejü

¹² На эту особенность союза kiged указывал в свое время Л.В.Котвич [40, с.163].

... kemebe [AT I, с.143] 'Татарский Харгил Шира спасался бегством один, но был измучен и голоден и поэтому вошел [в пьрту]...'; Ede ber Tömişin Toyoril Jiq=a Gembüü ta, ğerig=üd=iyen ğasayad kü morılan jici neyileldüjü tanıldıju ğamuq=a öğüler=ün [AT I, с.58] 'Эти [трое] - Тэмучин, Тогорил и Джига Гэмбу также построили своих воинов в боевом порядке, однако, сходясь, узнали друг друга, и Джамуха сказал ...'.

Связь kerbe / kerbete 'если' употребляется перед условным деепричастием: Kerbe bariqla ğimadur ögsü geğü kelebe [AT II, с.147] 'Если поймал, тебе отдам', - сказал [он]'; Kerbete ebdebe-sü enggeğin=ü ğağar=a ğolyaqui man=u ünen bolbau [AT II, с.101] 'Если разрушим [его], то можем ли встретиться в блаженном месте?'.

Следует отметить также, что функцию соединительного союза 'и' в «Алтан тобчи» часто выполняет числительное qoyar 'два': Bolbu Töbed qoyar=un ğabsar=a ... [AT I, с.4] 'Между Тибетом и Непалом ...'; Börte Ğinu=a, Gou=a Maral qoyar Burqan Qaldun=a nutuğlağu ... [AT I, с.7] 'Бортэ Чинуа и Гоа Марал ... поселились около Бурхан-Халдуна'; Bi naran saran qoyar=i qarağu üğegden bölüge [AT I, с.29] 'Я смотрел и видел солнце и луну'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение именных и глагольных словоизменительных грамматических форм в языке «Алтан тобчи» дало возможность выявить формы, ныне исчезнувшие из современного письменного литературного языка, а также уточнить некоторые известные монголоведам факты и ранее высказанные положения.

Так, местный падеж, зафиксированный в древнемонгольском языке, нет оснований считать исчезнувшим в «классическом», поскольку в языке данного памятника он употребляется довольно часто в различных значениях и лексический состав основ в этом падеже широк и разнообразен.

Среди двойных падежей особенно распространен в аблативном значении дательно-местно-исходный, сохранившийся в современных монгольских языках в одной-двух словоформах типа гэртээс 'из дома'. Появление этого падежа в монгольском, возможно, связано с влиянием древнетюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на =da/=de и который в монгольском в собственно аблативном значении требовал уточнения в виде показателя исходного падежа =sa/=se.

По сравнению с древнемонгольским (язык «Сокровенного сказания монголов») употребление множественного числа в «классическом» ближе к нормам современного монгольского языка. Но тем не менее в языке «Алтан тобчи» еще употребляются древние формы множественного числа: yad 'руки', od 'годы', nuγud 'утки' и др. Нередко встречается и согласование в числе определения с определяемым, не характерное для современного монгольского языка.

Настояще-будущее время представлено всеми известными классическому языку формами (=yu, =m, =mu, =mui, =nam). При этом три из них (=m, =mu, =mui) использовались в качестве показателей глаголов как настоящего, так и будущего времени. Форма на =nam зарегистрирована в глаголах, обозначающих действие настоящего времени по отношению к моменту речи. Эти формы известны и современ-

менным монгольским языкам. Что же касается формы на =уи, то эта форма, употребляющаяся в языке «Алтан тобчи» с ярко выраженным модальным значением достоверности, убежденности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, в современных монгольских языках не употребляется.

Форма на =т, характерная и для языка «Сокровенного сказания монголов» и зафиксированная в памятниках квадратной письменности, в «Алтан тобчи» встречается всего один раз, да и то в орфографически неправильном написании. Надо полагать, что автору данной летописи она была мало известна и в речи уже не употреблялась.

Форму на =тја по употреблению ее в «Алтан тобчи» и в летописи XVII же в. «Шара туджи» можно отнести к изъявительным формам со значением возможности, а также утверждения и уверенности в осуществлении обозначенного глагольного действия в будущем.

Более глагольный характер по сравнению с современным монгольским языком имеет причастная форма =уџи.

При рассмотрении деепричастных форм обнаружено, что формы слитного деепричастия нередко в сочетании со служебными глаголами употребляются часто, тогда как в современном языке такие факты крайне редки.

Особое значение среди деепричастных форм занимает форма на =гун. Исследование языка «Алтан тобчи» выявило, что эта форма употребляется часто, сочетается с многочисленными основами с различной семантикой (более 60, тогда как ранее отмечался небольшой круг глаголов говорения) и имеет разнообразные значения, в связи с чем представляется необоснованным сохранять за этой формой название цитатного, или приглаголительного, деепричастия.

Для текста «Алтан тобчи» типично своеобразное употребление глаголов в побудительной форме при отсутствии какого-либо побуждения к действию со стороны того или иного действующего лица. Вероятно, это связано с высоким социальным положением действующих лиц, о которых идет речь в этих предложениях, и имеет отношение к категории «вежливости», широко распространенной, например, в японском языке. Следует отметить, что такое употребление никак не связано со словообразовательной функцией побудительного суффикса =уул / =гүл.

Среди наречий, представленных в языке «Алтан тобчи» как непроизводными (корневыми), так и производными словами, встречается неупотребляемое в современном монгольском языке наречие шалда 'сейчас, теперь', которое неразложимо на составные компоненты в

монгольском языке и возводится к тюркской форме местного падежа от основы указательного местоимения *mul* =.

Послелог *tulа* / *tulada* 'так как, потому что', 'для того, чтобы, за, ради' в отличие от современного языка, где он управляет основой и родительным падежом, передавая при этом разные значения, в языке «Алтан тобчи» управляет только родительным падежом, передавая два значения – причинное и целевое.

Из частиц, зарегистрированных в «Алтан тобчи», наиболее интересна выделительная по значению частица *ber*, неизвестная современным монгольским языкам. Употребляется она для усиления значений подлежащего, дополнений и обстоятельственных слов.

Вопреки имеющемуся в монголоведении мнению о невозможности в монгольских языках использовать в качестве лично-притяжательной частицы форму родительного падежа инклюзивного местоимения 1-го лица множественного числа такие факты в языке «Алтан тобчи» отмечены.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АТ I - Altan Tobči, degedü debter. Ulaγanbayatur, 1937.
 АТ II - Altan Tobči, dooradu debter. Ulaγanbayatur, 1937.
 ВЯ - "Вопросы языкознания". М.
 Дан-В - "Доклады Академии наук СССР". Серия В.
 ЖС - "Живая старина". СПб.
 ИАН - "Известия Академии наук". Пг.
 КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР". М.
 СТ - "Советская тюркология". Баку.
 МРС - Монгольско-русский словарь. Под общей ред.
 А.Лувсандэндэва. М., 1957.
 УЗУ - Газ. "Утга зохиол, урлаг".
 Цог - Журн. "Цог".
 Цэв. - Монгол хэлний товч тайлбар толь. (Краткий толковый сло-
 варь монгольского языка). Зохиосон Я. Цэвэл.
 Улаанбаатар, 1966.
 ШТ - Шара туджи. Монгольская летопись ХУП в. Сводный текст,
 пер., введ. и примеч. Н.П.Шатиной. М.-Л., 1957.
 ШУА - Журн. "Шинжлэх ухаан, амьдрал". Улаанбаатар, 1969, № 3.
 CAJ - Central Asiatic Journal. The Hague - Wiesbaden.
 AOH - "Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae",
 Budapest.
 AOr. - "Archiv Orientalní". Praha.
 HJAS - "Harvard Journal of Asiatic Studies". Cambridge. Mass.
 StO - "Studia orientalia". Helsinki.
 T'P - "T'oung Pao, cu Archives concernant l'histoire, les
 langues, la géographie, l'ethnographie et les arts
 de l'Asie Orientale". Paris-Leiden.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т.20.
2. Абдурахманов Г.А. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI в.). М., 1967.
3. Алтан товч. Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Шагдар. Улаанбаатар, 1957.
4. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
5. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Ж.С. Вып. III-IV. 1896.
6. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении условной формы на =са/=се в тюркских языках. - Академику В.А.Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953.
7. Баскаков Н.А. Некоторые аффиксы словообразования форм глагола, общие для алтайских языков. - Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. М., 1975.
8. Бертагаев Т.А. О синтаксических особенностях деепричастных сочетаний I-ой группы. - Академику В.В.Виноградову к его 60-летию. М., 1956.
9. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
10. Бертагаев Т.А. Суффикс =тан и его производные в монгольских языках. - "Зап. Калмыцкого НИИ яз. лит. и истории". Вып. 3. Элиста, 1964.
11. Бертагаев Т.А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках. - КСИНА. Вып. 83. 1964.
12. Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
13. Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). М., 1978.
14. Биткеев П.Ц. Твердоядный гласный i в монгольском языке Тувы. - "Уч. зап. Калмыцкого НИИ яз., лит. и истории". Серия филологии. Вып. XI. Элиста, 1973.

15. Благова Г.Ф. Тенденция к усложнению тюркского падежного склонения. - ВЯ. 1970. № 1.
16. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
17. Бубрих Д.В. К вопросу о путях возникновения порядковых числительных. - Язык и мышление. III-IV. М.-Л., 1935.
18. Быкова Е.М. Система падежей в древнебенгальском языке. М., 1964.
19. Быховская С.Л. Падежи в грузинском и армянском древнелитературных языках в палеонтологическом освещении. - Яфетический сборник. Вып. VI. Л., 1930.
20. Викторова Л.Л. К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII-XIII вв.). - Языки народов Востока. Л., 1961.
- 20а. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
21. Владимирцов Б.Я. О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке. - ИАН. 1919.
22. Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из *Rapscatantra*. - Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т.У.П., 1921.
23. Владимирцов Б.Я. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. - ДАН-В. 1924.
24. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
25. Владимирцов Б.Я. Монгольские литературные языки. - "Зап. ИВАН СССР", I, Л., 1932.
26. Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и морфология. Ч. I. Улан-Батор, 1975.
27. Горохова Г.С. Монгольская летопись "Алтан тобчи" Лубсан Данзана как источник для изучения древней истории монголов. Автореф. канд. дис. Л., 1968.
28. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
29. Дамдинсурэн Ц. О личных местоимениях первого лица в монгольском языке. - *Studia Mongolica*, T.I (9). Fasc.I-IV. Улаанбаатар, 1973.
30. Жамцарано Ц. Монгольские летописи XIII в. М.-Л., 1936.
31. Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.

32. Касьяненко З.К. О двойном склонении в монгольском языке. – Филология стран Востока. Л., 1963.
33. Ковалевский О.М. Грамматика монгольского книжного языка. СПб., 1835.
34. Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I–III. Казань, 1844–1849.
35. Козин С.А. Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы. – "Уч. зап. ЛГУ". № 20. Серия филол. наук. Вып. I. 1939.
36. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuca tobciyan*. Дань чао би ши. Монгольский обиденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, текст, глоссарий. М.–Л., 1941.
37. Козин С.А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. – "Уч. зап. ЛГУ". № 69. Серия филол. наук. Вып. IO. 1946.
38. Козырев М.Ф. Относительно "уступительного" деепричастия в монгольском языке. – Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
39. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956.
40. Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902.
41. Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1952.
42. Лигети Л. / Рец. на: / Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953. – ВЯ. 1955, № 5.
43. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний шууд ба шууд бус тийн ялгал (Прямые и косвенные падежи в современном монгольском языке). – "Багш нарын эрдэм шинжилгээний бичиг". (Научные исследования преподавателей). УШ боть, № 2(16). Улаанбаатар, 1965.
44. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц (Структура современного монгольского языка). Улаанбаатар, 1968.
45. Лувсанданзан. Алтан тобчи ("Золотое сказание"). Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П. Шестиной. М., 1973.
46. Лувсандэндэв А. К вопросу о периодизации монгольского литературного языка. – "Хэл зохиол судлал". XI боть, I–2I дэвтэр. Улаанбаатар, 1972.

47. Лувсандэндэв А. Формирование монгольского национального литературного языка. — Сб. Олон улсын монголч эрдэмтний Ш Их хурал (Третий Международный съезд монголоведов). П боть, Улаанбаатар, 1977.
48. Материалы по дешифровке киданьского письма. Кн. I. М., 1970.
49. Монголын нууц товчоо. Хуучин монгол хэлнээс одоогийн монгол хэлээр Цэндийн Дамдинсүрэн орчуулав. Улаанбаатар, 1957.
50. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
51. Насилов В.М. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. — ВЯ. 1955, № I.
52. Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании монголов". — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
53. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
54. Орловская М.Н. О непроезводных наречиях в монгольском языке. — КСИИЯ. Вып. 83. М., 1964.
55. Орловская М.Н. О некоторых грамматических особенностях языка "Алтан тобчи". — Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. М., 1975.
56. Орчин цагийн монгол хэл (Современный монгольский язык). Ерөнхий редактор акад. Ш.Лувсанвандан. Улаанбаатар, 1966.
57. Пагва Т. Зурхний тольтын тайлбарыг судалсан тухай тэмдэглэл (Заметки об изучении "Толкования сердечного покрова"). Улаанбаатар, 1957.
58. Пагва Т. Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке. Улан-Батор, 1961.
59. Панфилов В.З. Нивхско-алтайские языковые связи. — ВЯ. 1973, № 5.
60. Пашков Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963.
61. Перевощиков П.Н. Деепричастие и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
62. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
63. Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А.М.Позднеевым в 1895/1896 акад. году. СПб., 1897.
64. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.

65. Поппе Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л., 1941.
66. Пучковский Л.С. Монгольская феодальная историография XIII-XVII вв. - "Уч. зап. ИВ АН СССР". Т. VI. М.-Л., 1953.
67. Перлээ Х. Монголын хувьсгалын өмнөх үеийн туух бичлэгийн асуудалд. (К вопросу об историографии дореволюционной Монголии). Улаанбаатар, 1958.
68. Рамstedт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.
69. Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
70. Рудов Л.Н. Кидани. - "Дальний Восток". Сб. статей по филологии, истории, философии. М., 1961.
71. Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности. - "Советская этнография". № I, 1963.
72. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940.
73. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
74. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953.
75. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.
76. Санжеев Г.Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках. - АОН. Т. XV. Fasc. I-3. 1962.
77. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
78. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
79. Санжеев Г.Д. Введение к этимологическому словарю монгольского языка. (Рук.).
80. Севортян Э.В. О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. М., 1960. (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
81. Серебренников Б.А. Основные линии развития падежей и глагольной системы в уральских языках. М., 1964.
82. Серебренников Б.А. К вопросу о происхождении элемента К (g, q, x) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках. - КСИНА. Вып. 63, М., 1964.
83. Стариков В.С. Из истории изучения киданьской художественной литературы. - Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1968.
84. Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962.
85. Сыромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.

86. Таскин В.С. Опыт дешифровки киданьской письменности. - "Народы Азии и Африки". 1963. № 1.
- 86а. Таскин В.С. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит. Введ.,коммент. и прил. В.С.Таскина. М., 1979 (Памятники письменности Востока XXXУ).
87. Тенишев Э.Р. "Кудатгу билиг" и "Алтун ярук". - СТ. 1970, № 4.
88. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М.,1966.
89. Тодаева Б.Х. Винительный падеж в современном монгольском языке. - "Уч. зап. ИВ АН СССР". Т. IУ. М., 1952.
90. Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М.,1960.
91. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М.,1961.
92. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М.,1964.
93. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.
94. Төмөртогто Д. Монгол хэлний туухайг ангилах тухай асуудалд (К вопросу о классификации истории монгольского языка). - Хэл зохиол судлал (Исследования по языку и литературе). XI боть. I-2I дэвтэр. Улаанбаатар, 1972.
95. Төмөртогто Д., Дамдинжав Л. Эртний монгол хэлний гарахын тийн ялгалын нэгэн хувилбар (Об одной форме исходного падежа в древнемонгольском языке). - Монголын судлал (Монголоведение). Улаанбаатар, 1967.
96. Тронский И.М. К семантике множественного числа в греческом и латинском языке. - "Уч. зап. ЛГУ". Серия филол.наук. Вып. IО. 1946.
- 96а. Файзуллаева Ш.А. Исследование языка памятника XIV в. "Китабу булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кифчак" Джамал ад-Дина Абу-Мухаммад Абд Аллах Ат-Турки. Автореф. канд.дис. Ташкент, 1969.
97. Цыдендамбаев Ц.Б. О языке монгольской и бурятской версий Гэсэр-эпик. Mongolian Studies. Ed. by L. Ligeti. Budapest, 1970.
98. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
- 98а. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
99. Цыдыпов Ц.Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
100. Цэдэндэмба Ц. Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. Улан-Батор, 1974.

101. Черемисов К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку.
- "Зап. Бурят-Монгольского НИИ яз. лит. и истории". Вып. I.
Улан-Уда, 1939.
102. Шара туджи. Монгольская летопись XVII в. Сводный текст,
пер., введ. и примеч. Н.П. Шастиной. М.-Л., 1957.
103. Шарху А. Деепричастие и деепричастные конструкции в сов-
ременном монгольском языке. Автореф. канд. дис. М., 1971.
104. Шастина Н.П. Комментарий. В кн: Путешествие в Восточные
страны Платона Карпини. М., 1957.
105. Шастина Н.П. /Рец. на:/ L.Liget. Histoire secrète des
Monghols. Budapest, 1971. - НАА. 1968, № I.
106. Шербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов
X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.
107. Шербак А.М. Тюркско-монгольско-тунгусские связи в морфо-
логии. - НАА. 1968, № I.
108. Altan tobci. A Brief History of the Mongols by blo-bzan
bsTan'jin. With a Critical Introduction by the Reverend
A. Mostaert C.I.C.M. and an Editor's Foreword by Fr. W.
Cleaves. Cambridge, Mass., 1952 (Harvard-Venching Insti-
tute. Scripta Mongolica, 1).
109. Bese L. Remarks on Middle Mongolian Conjugation. Budapest,
1970.
110. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362.- HJAS,
1949. Vol. 12, N 1-2.
111. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335.- HJAS,
1950. Vol. 13, N 1-2.
112. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscriptrion of 1338.- HJAS,
1951. Vol. 14, N 1-2.
113. Cleaves F.W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346.- HJAS,
1951. Vol. 15, N 1-2.
114. Haenisch E. Wörterbuch zu Monghol=un Niuca Tobca'an. Lpz.,
1939.
115. Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen aus einer
mongolischen Niederschrift des Jahre 1240 von der Insel
Kode'e im Kerulen-Fluss, erstmalig übersetzt und erläutert.
2. Aufl. Lpz., 1948.
116. Haenisch E. Grammatische Besonderheiten in der Sprache des
Monghol=un Niuca Tobca'an.- StO. 1950. Vol. XIV, N 3.
117. Heissig W. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der
Mongolen. Teil 116 - 18 Jahrhundert. Wiesbaden, 1959 (Asia-
tische Forschungen, Bd 5).

118. Hovorth H. History of the Mongols from 9-th to the 19-th Century. L., 1874.
119. Lubsangvandan S. Mongyol kelen=ü üge=yin ecüs=ün toytaburi ügei "n"-yin tuqai asayudal=du (К вопросу о неустойчивом конечном н в монгольском языке). - Монголын зарим асуудал (Некоторые вопросы монголоведения). Улаанбаатар, 1961.
120. Murayama S. Sind die Naiman Türken oder Mongolen? - CAJ. 1959. Vol. IV, N 3.
121. Pelliot P. Un passage altéré dans le texte mongol ancien de l'Histoire secrète des Mongols. - T'P. Vol. XXVII, N 2-3
122. Poppe N. Khalkha Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951.
123. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
124. Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1964.
125. Poppe N. The Twelve Deeds of Buddha. - "Asiatische Forschungen". Bd 23. Wiesbaden. 1967.
126. Poucha P. Die geheime Geschichte der Mongolen. - AOr. Supplementa IV. Praha, 1956.
127. Ramstedt G.I. Über die Konjugation der Khalkha-Mongolischen. Helsingfors, 1903.
128. Schmidt J. Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der mongolen Herrschaft. - "Memoires de l'Academie des Sciences de St.-Petersburg". IV serie. T. II. 1833.
129. Street J. The Language of the Secret History of the Mongols. New Haven (Connecticut), 1957.
130. Weiers M. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des Prällassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden, 1969.

Содержание

Предисловие	3
Введение	
Старописьменный монгольский язык и периоды его развития..	5
Краткие сведения об «Алтан тобчи»	12

Именные формы

Существительные	21
Падежи и их значения	21
Именительный падеж	21
Винительный падеж	23
Родительный падеж	28
Местный падеж	32
Дательно-местный падеж	37
Орудный падеж	41
Исходный падеж	45
Совместный падеж	48
Соединительный падеж	49
Двойные падежные формы	50
Множественное число	55
Суффиксы множественного числа	55
Особенности употребления множественного числа	60
Прилагательные	63
Местоимения	69
Числительные	74

Глагольные формы

Повелительно-желательные формы	77
Повелительная форма 2-го лица	77
Повелительно-наставительная форма 2-го лица	78
Повелительная форма 2-го лица множественного числа	78
Пропозитивная форма 1-го лица	80
Повелительно-пригласительная форма 1-го лица	80
Повелительно-желательная форма 3-го лица	81
Пожелательная форма	82
Форма опасения	82

Исъявительные глагольные формы	83
Формы настоящего-будущего времени	83
Форма на =yu	83
Форма на =m	87
Форма на =mɯ	89
Форма на =mɯi	90
Форма на =nam	92
Формы прошедшего времени	93
Форма на =ba/=bai	93
Форма на =luɣa	95
Форма на =juɣui	96
Форма на =t	99
Форма на =mja	100
Причастные формы	101
Причастие будущего времени	101
Причастие прошедшего времени	115
Однократное причастие (форма на =yɕi)	126
Множественное причастие	130
Причастие прошедшее неоконченное	131
Деепричастные формы	133
Деепричастия I	137
Соединительное деепричастие	137
Слитное деепричастие	148
Разделительное деепричастие	155
Деепричастия II	160
Условное деепричастие	160
Уступительное деепричастие	171
Продолжительное деепричастие	172
Деепричастие предела	174
Деепричастие цели	177
Приготовительное, или цитатное, деепричастие. Форма	
на =run	178
Наречия и служебные части речи	
Наречия	184
Послелогии	192
Частицы	201
Частицы отрицания	201
Вопросительные частицы	208

Выделительные частицы	209
Притяжательные частицы	215
Союзы	219
Заключение	221
Условные сокращения	224
Литература	225

Мария Николаевна Орловская

ЯЗЫК "АЛТАН ТОВЧИ"

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редакторы *Г.А.Давидова, Л.Р.Концевич*
Младший редактор *Л.В.Годунова*
Художник *Б.Л.Резников*
Художественный редактор *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *Е.А.Пронина*
Корректор *Л.С.Кузнецова*

ИБ № 14822

Сдано в набор 20.08.82. Подписано к печати 10.04.84.
А-09524. Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Усл. п.л. 14,75. Усл. кр.-отт. 15,0.
Уч.-изд.л. 14,27. Изд. № 4973. Тираж 2000 экз.
Зак. №136. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

2 р. 20 к.